

abc

СРЕДНЕЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

УЧЕБНИК

В.П. Кохановский, Т.П. Матяш, В.П. Яковлев, Л.В. Жаров

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

КНОРУС

**СРЕДНЕЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

В.П. КОХАНОВСКИЙ, Т.П. МАТЯШ,
В.П. ЯКОВЛЕВ, Л.В. ЖАРОВ

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

Под редакцией **В.П. Кохановского**

Рекомендовано ФГАУ «ФИРО»
в качестве **учебника** для использования
в учебном процессе образовательных учреждений,
реализующих программы общего образования
по специальностям среднего профессионального
образования

Регистрационный номер рецензии № 402 от 12.12.2011 ФГАУ «ФИРС

Пятнадцатое издание, стереотипное

КНОРУС • МОСКВА • 2015

KnorusMedia
электронные версии книг

В
Г

11

УДК 1(075.32)
ББК 87я723
К75

Рецензенты:

Г.В. Драч, декан философского факультета ЮФУ, засл. деятель наук РФ, д-р филос. наук, проф.,

Е.Е. Несмеянов, заведующий кафедрой философии и культурологии ПИ ЮФУ, д-р филос. наук, проф.

Кохановский В.П.

К75 Основы философии : учебник / В.П. Кохановский, Т.П. Матяш, В.П. Яковлев, Л.В. Жаров ; под ред. В.П. Кохановского. — 15-е изд., стер. — М. : КНОРУС, 2015. — 232 с. — (Среднее профессиональное образование).

ISBN 978-5-406-04271-7

Простым и доступным языком изложены основы философии, раскрыты такие ее важнейшие проблемы, как бытие, человек и общество, сознание, познание.

Соответствует действующему Федеральному государственному образовательному стандарту среднего профессионального образования нового поколения и программе дисциплины «Основы философии».

Для студентов среднего профессионального образования, преподавателей, а также для всех поступающих к изучению философии.

**УДК 1(075.32)
ББК 87я723**

Кохановский Валерий Павлович
Матяш Тамара Петровна
Яковлев Вадим Полиенович
Жаров Леонид Всеволодович
ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

Сертификат соответствия № РОСС RU. АЕ51. Н 16509 от 18.06.2013.

Изд. № 7931. Подписано в печать 10.06.2014. Формат 60×90/16.

Гарнитура «Newton».

Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 11,9. Тираж 1000 экз. Заказ № 4714.

ООО «Издательство «КноРус».

117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.

Тел.: 8-495-741-46-28.

E-mail: office@knoirus.ru <http://www.knoirus.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10

© Кохановский В.П., Матяш Т.П.,
Яковлев В.П., Жаров Л.В., 2015

© ООО «Издательство «КноРус», 2015

ISBN 978-5-406-04271-7

Раздел I. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Глава 1.	Предмет философии	5
Глава 2.	Основные этапы исторического развития философской мысли	20

Раздел II. БЫТИЕ

Глава 3.	Бытие как философская проблема	31
Глава 4.	Субстанция	42
Глава 5.	Материя	45

Раздел III. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

Глава 6.	Природа человека и смысл его существования. Человек и Космос.....	55
Глава 7.	Свобода и ответственность личности. Ценности	75
Глава 8.	Общество как условие и продукт деятельности людей.....	90
Глава 9.	Культура и цивилизация	106
Глава 10.	Человек перед лицом глобальных проблем.....	120

Раздел IV. СОЗНАНИЕ

Глава 11.	Человек и его сознание	129
Глава 12.	Сознание и общество	145
Глава 13.	Общественное сознание и его структура.....	154

Раздел V. ПОЗНАНИЕ

Глава 14.	Сущность и формы познания.....	167
Глава 15.	Наука и научное познание	187
Глава 16.	Методы научного познания.....	208

Правильно и осознанно ориентироваться в сложных процессах, происходящих в современном мире, невозможно, если опираться только на здравый смысл, воспринимающий мир, не проникая в суть процессов и явлений. Необходима способность разумного мышления, которая не является врожденной и которой надо обучаться. Философия — лучшая школа такого обучения. Она обладает методами постижения глубин человеческого бытия в мире, заставляя размышлять о том, о чем здравый смысл даже не догадывается.

Философия существует более 25 веков, а потому ни один учебник не в состоянии раскрыть и передать все богатство и многообразие решаемых ею проблем.

Замысел авторов учебника — дать самое общее представление о проблемах, методах, языке философии, ее понятиях и категориях, ее многовековой истории. При этом авторы старались изложить философские проблемы простым и ясным языком, но не в ущерб научному содержанию.

Раздел I написан доктором философских наук, профессором *В.П. Яковлевым*, разделы II и IV — доктором философских наук, профессором *Т.П. Матяш*, раздел III — доктором философских наук, профессором *Л.В. Жаровым*, раздел V — доктором философских наук, профессором *В.П. Кохановским*.

ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Глава 1

Предмет философии

Какие проблемы мы называем философскими?

Философские вопросы — это вопросы не об объектах (природных или сотворенных людьми), а об отношении к ним человека. Не мир (сам по себе), а мир как обитель человеческой жизни — вот исходная точка зрения философского сознания. Что я могу знать? Что должен делать? На что могу надеяться? — именно в этих вопросах заключены, по И. Канту, высшие и вечные вопросы человеческого разума. Эти вопросы неустранимы, ибо они о судьбе, предназначении человека и человечества: во имя чего и как ему жить, как сделать свою жизнь действительно мудрой и счастливой и как с достоинством завершить ее?

Вечен ли мир или создан Богом? Смертна или бессмертна наша душа? Свободен ли человек в своих поступках и решениях? — характер и содержание таких вопросов выходят за пределы обычного человеческого опыта. И не философы придумывают эти вопросы. Их «придумывает» жизнь. Философы — в силу своих способностей — ищут ответы на них. Философские вопросы всег-

да гипотетичны, но каждый шаг человеческой истории, каждый новый рубеж обретенного социального опыта открывает перед философским разумом неведомые ранее грани действительности, дает возможность найти все более и более весомые аргументы в философских спорах.

Обобщая многовековой опыт истории философии, можно сказать так: предмет философии — это высшие смыслы, цели и ценности человека и его культуры. Жизнь, творчество как каждого человека, так и общества в целом есть непрерывное диалектическое взаимодействие, взаимопереход противоположностей: материального и идеального, общественного бытия и общественного сознания. Человек — реальный носитель и этого единства, и этого противоречия (антиномии). Вот почему вопрос об отношении мышления к бытию, духа к материи является основным, вечным вопросом философии. Лишь на первый взгляд может показаться, что речь здесь идет о вещах сугубо отвлеченных (абстрактно-гносеологических). Но эти абстракции обретают весьма конкретное содержание в реальном процессе социальной жизни, в истории: могут ли люди изменить свою жизнь к лучшему? С чего начать — с изменения, преобразования внешних, материальных условий жизни или с перестройки духовной, с ломки и переделки собственного сознания? Или же и то и другое должно осуществляться одновременно? Но возможно ли это?

Философия — основная, но не единственная мировоззренческая форма сознания. Другой, соперничающей с ней формой является религия. Обе обращают человека к вечным, высшим истинам, к конечным целям и подлинным истинам жизни. Но религия — массовое сознание, ее истины — истины откровения: религиозное состояние души — вера. Философия же, ее системы и учения — элитное сознание, предполагающее высочайший уровень мыслительной культуры — интеллектуальное напряжение личности (что ставит ее на высший пьедестал в иерархии знания).

Почему, зачем человек философствует?

Великий немецкий ученый И. Кант (XVIII в.) считал философию не только высочайшим уровнем теоретической мысли, но и вместе с тем «естественной склонностью души», присущей в той или иной степени всем людям, каждому человеку. Ибо «не

хлебом единым» живет человек: он стремится иногда приподнять-ся над обыденностью жизни, взглянуть на себя как бы со стороны, задуматься о смысле, о конечных целях происходящего. Каждый сколько-нибудь духовно развитый человек «немножко» философ, даже если он никогда не слышал этого слова.

Если бы философия (философствование) не затрагивала сокровенные струны души, не выражала высочайшие общественные интересы, не было бы и великих философов, творцов и созидателей грандиозных мировоззренческих систем и учений. Профессиональная (литературно оформленная) философия, в отличие от стихийного, любительского, «домашнего» философствования, опираясь на собственные вековые традиции, хранит и постоянно переосмысливает свою историю. На протяжении веков она разрабатывала определенный, только ей присущий способ аргументации, принципы и приемы концептуального построения и развития своего содержания, своих целей.

Древнегреческий ученый Аристотель (IV в. до н. э.) подчеркивал, что от философии не нужно ждать практической «пользы», т.е. решения частных, прикладных задач. Можно эту мысль передать так: философия — это не тактика, а стратегия человеческой жизни; она есть удел свободного человека, она есть взгляд в вечность.

Крупный немецкий мыслитель Л. Фейербах (XIX в.) полагал, что, философствуя, человек выступает от имени всего человеческого рода, т.е. реализует свою родовую, общественную сущность. Это значит, что в акте философского мышления, философского творчества уникальный, неповторимый опыт индивида глубочайшим образом сопрягается с опытом всеобщим, всечеловеческим. Последний, запечатленный в категориях культуры и формах деятельности, даже первичен по отношению к мышлению индивида, обуславливая возможность его оригинального творчества.

Кому нужна и кому не нужна философия

Итак, философия вырастает из глубокой духовной потребности, из забот и тревог человека. Философское сознание — родовое самосознание человечества. Но из этих (в целом верных) положений отнюдь не следует, что для подлинного развития философского творчества безразличны социальные и культурные условия общественной жизни. Напротив, как свидетельствует история, фи-

лософия возникла и по-настоящему развилась лишь там и тогда, где и когда общественные отношения и образ жизни людей требовали, предполагали философствование — как необходимый элемент духовного производства, как естественный фактор развития, самообновления общества.

Не любому обществу нужна философия. Не в любом обществе она возможна. Философия рождена свободой и для свободы. Только там, где от непреложной, природной необходимости люди поднимаются к свободному управлению своей жизнью, где перед ними возникает реальная возможность (а следовательно, и реальная проблема) жизненного выбора, и сделать этот выбор они должны сами, сообразуясь только с собственным разумом и совестью, а не по велению традиции, не по готовому рецепту и стандарту, — только там возникает потребность в стратегии решений, т.е. в стратегии свободы, — а это и есть философия.

Свободы не могло быть в древнейшем (первобытном) обществе, с его родоплеменной организацией. В нем каждый поступок, каждый шаг члена рода или племени был определен и отмерен, и все они находились под строгим и неусыпным контролем вождей, жрецов, старейшин. Долгие века и тысячелетия отчаянной борьбы за жизнь закрепили в социальной памяти коллектива оптимальные стандарты поведения, внешне это проявлялось в ритуалах, а в сознании осуществлялось в форме мифа — первой исторической формы социального регулятива.

По сравнению с мифом религия — более сложное и развитое сознание, отвечающее более высокой, более зрелой ступени общественной организации, когда высшим судьей для себя люди признают не человеческий, а сверхчеловеческий разум, сверхприродную реальность — Бога, который в глазах верующих и есть абсолютное, вечное Добро, абсолютное воплощение Нравственности. Религия — вторая (после мифа) историческая форма социального регулятива. Она еще не есть свобода, но есть мечта, греза о ней.

Но и в достаточно развитом обществе — если только это общество тоталитарного, казарменного режима — философия не нужна и невозможна. Вспомним и сравним два соседствовавших, соперничающих друг с другом в середине первого тысячелетия до нашей эры греческих государства: Афины и Спарту. Один народ, один язык — но насколько неравноценен след, оставленный афинянами и жителями Пелопоннеса в культурной памяти человечества!

Афины — это Анаксагор и Перикл, Сократ и Платон, Аристотель и Эсхил, Софокл и Эврипид, Фидий и Аристофан; это Академия и Лицей; это великая философия, великое искусство и глубоко продуманная, блестящая система образования. Афины (вместе с городами-полисами: Милетом, Эфесом, Абдерами, Элем и др.) — это и есть «греческое чудо» — колыбель западной культуры и цивилизации.

Что же явила собой и что же оставила после себя древняя Спарта? Суровое до жестокости воспитание детей и подростков (спартанское воспитание), казарменную муштру, безжалостное подавление естественных чувств и эмоций в угоду тоталитарному режиму. Граждане Спарты не имели ни места, ни времени для самостоятельного творчества и духовного развития своей личности. В этом государстве жили, воспитывались отличные воины и гимнасты, но в нем не было ни художников, ни мыслителей, ни политических стратегов.

Да у спартанцев не было и необходимости в них! Их строй, их образ жизни не знал «проблем»: все было «ясно», каждый гражданин государства твердо знал, в чем его долг и в чем добродетель. Знал потому, что от него лишь требовалось выполнять команду. Спартанец был избавлен от необходимости самому избирать свою судьбу, самому судить о приоритетах и ценностях жизни, самому — на свой страх и риск — принимать решения, а следовательно — и нести ответственность за них. Спартанец «обходился» без всего этого, потому что в Спарте не было гражданской и личной свободы, не было демократии.

Афиняне же позволяли себе роскошь спора, несогласия, сомнений. Афинянам, милетцам, элеатам их предки передали лишь одно — способность сомневаться и удивляться миру, они завещали им знание о собственном незнании, но вместе с тем и высокое уважение, доверие к своему разуму, глубокое напряжение которого — философская мысль — стала вместе с тем высшей формой (вслед за мифом и религией) жизненного, социального регулятива.

Философское знание по природе своей антидогматично, антиавторитарно. Природа и лоно философии, ее главная функция и предназначение в обществе — критика. Критика наличного знания, суд над ним есть — опосредованно — критика бытия, т.е. существующего строя и образа жизни, ибо именно она породила «свое» сознание. Критический (а не апологетический) дух

философии не вызывал к ней большой любви и сочувствия со стороны власти, по отношению к которой философское «вольноедумство» чаще было не в согласии, а в оппозиции. Но без такой критики, без подвижничества героических энтузиастов-философов — «заглохла б нива жизни» (Н.А. Некрасов).

«Тайна» философского творчества

Великий диалектик Г.В.Ф. Гегель (1770–1831) называл философию «эпохой, схваченной в мысли», подчеркивая ее глубокую привязанность к самым тонким и интимным предметам своего времени: общему умонастроению, образу жизни, психологии, нравам, быту народа. Но в гегелевской формуле выражено и более глубокое содержание: философия эпохи указывает на высшую отметку, достигнутую к этому времени человеческим духом, предельное значение пройденного им пути, освоенного опыта.

Вместе с тем *мысли философа — это мысли о вечном*. Философское мышление выводит человека в мир высших целей, символов и ценностей. Философское освоение действительности есть одухотворение, очеловечение ее в исторических, а теперь уже и в космических масштабах.

Связь философии с жизнью, как и природу философского обобщения, нельзя принимать упрощенно. Философия — это надстройка очень высокого уровня, т.е. связь ее идей и теорий с экономической и политической реальностью не прямая, не однозначная, а весьма сложная и опосредованная. Философы концептуализируют, «аранжируют» общественные идеи, но сами эти идеи уже как бы «носятся в воздухе»; мыслители решают жизненные проблемы, но сами эти проблемы рождает жизнь, ее противоречия.

Философы так же не «придумывают» категории, как филологи-языковеды не «придумывают» язык. И те и другие не изобретают, а изучают свой объект исследования: его генезис, его законы развития. В гениальных произведениях Гегеля — «Феноменология духа» (1807) и «Наука логики» (1812–1816) — можно проследить лабораторию высокого философского творчества: в первом из них вся история европейской культуры (от античности до Французской революции) прочитывается как история изменяющихся ликов сознания; во втором категории и фигуры логики осмысливаются

как вехи всемирного исторического опыта, развития, усложнения всесторонней трудовой и общественной деятельности человека.

Философское знание есть знание о всеобщем. Но существует ли такое знание? И возможно ли оно не как догадка, а как знание объективное, т.е. необходимое и достоверное, поддающееся проверке, апробации на свою истину? Такой вопрос всерьез беспокоил, волновал самих философов не только в силу своей теоретической значимости, но и потому, что его положительное разрешение должно было оправдать философию в глазах общества: убедить людей в доверии к философским учениям, бравшим на себя очень большую роль и ответственность — быть учителем и наставником человечества.

Смысл проблемы заключается в следующем. Все наши знания — из опыта, который сам по себе может свидетельствовать только о единичном и случайном. Эмпирики заранее обрекли себя на неудачу, тщетно пытаясь получить суждения и умозаключения всеобщего на пути простого количественного прибавления и расширения фиксированных в опыте, подтвержденных фактов, т.е. на пути логической индукции. Тщетно потому, что опыт всегда ограничен и конечен, а основанная на нем индукция неполна. Эти неудачи явились одним из источников агностицизма (гносеологического пессимизма) — вывода о невозможности познать внутреннюю суть вещей, которая решительно отделялась при таком ее понимании от своей внешней стороны — явлений.

Мистики и иррационалисты путь к всеобщему видели в признании сверхопытного и сверхфизического знания, в конечном счете — в мистическом экстазе или откровении.

Основоположник классической немецкой философии И. Кант попытался избежать обеих крайностей. Он предложил свой, оригинальный, путь решения проблемы: резко отделил содержание знания от его формы; содержание познанного он выводил из опыта, но это содержание — так считал философ — только тогда может быть признано всеобщим и достоверным, когда оно обретает для себя доопытную (априорную) форму, без которой невозможен сам мысленно организованный опыт.

Решение, предложенное Кантом, — идеалистическое. Современная наука и практика не подтвердили кантовского предположения о доопытном происхождении чувственных и мыслительных форм. Но в таких предположениях и догадках есть глубокое

рациональное зерно. Оно состоит в том, что опыт, к которому как источнику и критерию знания обращалась за поиском оснований всеобщего прежняя философия, должен значительно расширить свои границы: это уже не только опыт индивида, а всечеловеческий опыт, опыт истории.

Человеческая история (история мысли, история духа в особенности) есть самый высший, самый развитый и самый сложный уровень реальности. Мир человека — самый богатый диалектикой. *Для философии человек всегда же был «мерой всех вещей»* (как говорил еще древнегреческий мыслитель Парменид в VI в. до н. э.). Познавая этот мир, т.е. глубинные процессы, происходящие в человеческой истории, осмысливая радикальные перевороты в духовной жизни, в сознании, философия познавала тем самым всеобщее, поскольку в высших проявлениях мирового развития объективирована, осуществлена действительно всеобщая потенция, всеобщая мощь Универсума.

Только этим можно объяснить ту огромную эвристическую и прогностическую силу, которая заключена в философском знании. Философские прозрения нередко и намного опережали открытия и выводы науки. Так, идеи атомистики были высказаны еще древними философами за несколько веков до нашей эры; тогда как в естествознании (физике, химии) дискуссии о реальности атомов продолжались даже в XIX в. То же можно сказать и о других фундаментальных идеях (законах сохранения, принципе отражения), которые были выдвинуты в философии значительно раньше, чем получили признание и подтверждение в естествознании, в науке.

Но, пожалуй, самый яркий и убедительный тому пример — философские открытия Гегеля, разработка им системы диалектики как логики и теории познания. Гегелевская диалектика уже ближайшими его последователями — Марксом и Герценом — была глубоко и точно понята и охарактеризована как теория (или «алгебра») революции. *Именно революция — и не только и не столько даже политическая, сколько духовная, т.е. радикальная перестройка в общественном сознании,* — дала философу ни с чем не сравнимый и несопоставимый, богатейший и ценнейший материал для раздумий, выводов и обобщений. Из этих обобщений (центральное из них — учение о противоречии) был выведен категориальный каркас диалектической теории, хотя, однако, в идеалистическом варианте.

Склонность к философствованию — это особый дар человеческой души. Философ — мудрец, человек с большим жизненным опытом. Но он же «дитя», которому все в «новинку» и в «дикувинку». Последнее обстоятельство особенно важно. Все наши знания, считал Аристотель, обязаны своим происхождением такой счастливой способности человека, как способность *удивляться*. Чем богаче, сложнее духовный мир личности, тем сильнее развита у него эта способность: искренне, естественно переживать радостное волнение от встречи с еще не познанным, не разгаданным. Словами Аристотеля выражен оптимистический, рационалистический «дух Афин» — убежденность, глубокая вера человека в собственные силы, в разумность мира и в возможность его познания.

Способность удивляться (любопытность) — драгоценное свойство человека, наполняющее его жизнь высоким смыслом, ожиданием все больших и больших радостей от самой свободной игры ума, сближающей мыслящего человека с Богом.

Так же, как здоровому, физически развитому человеку приятна игра мускулов, так и человеку умственно, нравственно развитому приятна и даже жизненно необходима постоянная, непрерывная работа мысли. «Мыслю — следовательно, существую», — говорил великий французский философ и ученый Р. Декарт (XVII в.). Об интеллектуальном наслаждении как высшем благе, не сравнимом ни с какими другими благами мира, говорили по-своему Спиноза и Гегель, Маркс и Эйнштейн. Маркс добавлял: духовно богатый человек — всегда нуждающийся человек, ибо он всегда жаждет эти богатства умножить. А. Эйнштейн считал, что самой большой загадкой мира является то, что он постижим разумом, познаваем.

Но человек не только познает мир. Он живет в нем. Человеческое отношение к миру (к себе самому) есть *переживание времени*, т.е. конечности собственного бытия, переживание неизбежности смерти. Именно смерть называет Сократ (V в. до н. э.) вдохновляющим гением философии. Только человек (даже когда он молод и здоров) знает о неизбежности собственной смерти, и это знание заставляет его думать о смысле жизни — а это и есть философствование.

Все это придает философскому сознанию трагическую, но и возвышенную тональность. Трагизм философского сознания (особенно ярко выраженный в философии Востока) не следует

относить только к откровенно пессимистическим этическим и антропологическим учениям (А. Шопенгауэр, Э. Гартман). Трагичен и философский оптимизм, ибо он тоже открывает перед человеком суровую истину без прикрас: жизнь есть борьба, а в борьбе неизбежны жертвы. Реализм философии рассчитан на мужественное принятие любого обоснованного разумом вывода, на полный отказ от иллюзий.

Вот почему рационалистический, просветительский взгляд на философию как на удовлетворение частной человеческой любознательности явно недостаточен. Он должен быть дополнен: философия — это «ответ» человека на вызов судьбы, поставившей его — смертное, но единственное в мире мыслящее существо — в положение «один на один» с бесконечной, безграничной по отношению к нему Вселенной.

Чисто интеллектуальный источник философской мудрости — аристотелевское «удивление» — составил, развившись, научно-теоретическую компоненту философского знания, второй источник (назовем его эмоционально-ценностным переживанием человеком себя и мира) роднит философию с религией и с искусством, т.е. уже не с теоретическим, а с принципиально иным — духовно-практическим способом, видом освоения человеком действительности. Специфика, уникальность философии в том, что в ней (и только в ней) оба эти способа человеческой жизнедеятельности (научно-теоретический и ценностный, практически духовный) объединены. И каждый из них, как мы увидим ниже, сохранит в этом единстве свою относительную самостоятельность: теоретический вектор философии устремлен, по законам диалектической логики, ко все более полному и всестороннему знанию, вектор эмоционально-ценностный (духовно-практический) сосредоточивает в себе нравственный, социальный опыт культуры народа, нации. Его выводы в каком-то смысле не зависят от времени, они вечны, как вечны, например, творения искусства.

Говоря словами Канта, в соотношении теоретического и практического разума первенство, примат принадлежит последнему. Это значит, что философские истины мало понять (и принять) умом. Их нужно еще и выстрадать сердцем. Тогда они становятся убеждением — такой ценностью, за которую люди готовы отдать жизнь. «Никто не умирал из-за онтологических проблем», — говорил французский философ и писатель А. Камю. За философские же истины (и убеждения) — умирают! Если бы эти истины

были истинами отвлеченного знания, они бы распространялись в мире чисто «книжным» путем (так и представляли себе дело просветители, считавшие, что смысл жизни можно так же объяснить человеку, как и математическую теорему). Опыт, однако, свидетельствует о другом: из одной социальной среды в другую возможен лишь экспорт философской информации, но не философских идей (убеждений). Чтобы это произошло, нужно, чтобы сравнялся, сблизился социальный опыт этих культур, чтобы люди по обе стороны рубежа стали мучиться одними и теми же болями, теми же или похожими страданиями.

Альтернативность философских идей: материализм и идеализм

Два основных и два противоположных направления в философии — идеализм и материализм. *Идеализм есть такой тип и такой способ философствования, который активную, творческую роль в мире отводит исключительно духовному началу, лишь за ним признавая способность к саморазвитию.* Идеализм не отрицает материю, но рассматривает ее как низший род бытия — не как творческое, а как вторичное (сотворенное) начало.

Идеалистическая философия имеет, безусловно, под собой исторические, объективные основания. В философии Нового времени (XVIII — первая половина XIX в.) диалектика не случайно рождается и первоначально разрабатывается в лоне идеализма и лишь позже (с середины XIX в.) — как диалектика материалистическая (диалектический материализм). Конечная причина такой эволюции в том, что творческая природа духовного производства заметнее, внешне ярче, более открыта и для взгляда теоретика, и для общественного сознания в целом, чем историко-творческий характер «грубого», неэлитарного, повседневно-привычного процесса производства материального. Критическое преодоление идеализма материализмом не могло быть лишь внутрифилософским делом — оно осуществлялось как сторона и составная часть более общего социального движения, выводящего на авансцену истории новые силы: трудящиеся массы.

Материализм, корни которого уходят в материально-производственную и социально-преобразовательную практику человека, есть в конечном счете не что иное, как убежденность познающего

сознания в его производности от природной и социальной реальности, которая для материалистов самоценна и самодостаточна, никем не сотворена, т.е. существует вечно.

Материализм и идеализм на протяжении всей истории философии вели (и продолжают вести) сложный, напряженный и содержательный спор друг с другом, находя в жизни, в противоречивой действительности все новые и новые аргументы для укрепления и защиты своих позиций. Когда этот спор удерживался в границах теории, от него выигрывали обе стороны, обогащалась философия в целом. Но нередко было иначе: против «еретиков» и инакомыслящих в условиях идеологического и политического противостояния выдвигались отнюдь не доводы разума, а аргументы грубой силы — моральной, а то и физической расправы над ними. К сожалению, за примерами подобного рода не обязательно обращаться к далекой истории, ими более чем богато и наше время.

Сказанное выше требует внимательного, корректного обращения и с таким понятием, как «партийность философии». В условиях жесткого идеологического, командно-административного давления, которое долгие годы тоталитарная власть оказывала на нашу интеллигенцию, под «партийностью» по отношению к философии понималось требование партийно-государственной монополии на мировоззрение, т.е. по существу право на духовное насилие над личностью. Философам предлагалось «разрабатывать» проблемы, но вывод, который им полагалось получить из всего «исследования», навязывался, диктовался им заранее. Быть партийным в философии в понятиях того времени означало быть безоговорочно послушным своей партии, выполнять лишь ее заказ, «обосновывать» уже выдвинутые от ее имени лозунги и декларации.

От такой «партийности» следует решительно отказаться. *Но это не значит, что следует отказаться от принципа партийности вообще. Философское сознание по природе своей партийно в том смысле, что оно не может быть «нейтральным» по отношению к добру и злу, истине и заблуждению, не может быть равнодушным и безразличным к целям и идеалам человека.*

В наше время, как и в предшествующие века (несмотря на разительный прогресс в системе образования), философия все еще остается элитарной формой культуры. Но с прогрессом общества, с преодолением всех форм отчуждения, с ликвидацией на этой основе поработавшего человека жесткого окостенелого разделения труда, с превращением всего жизненного времени во время

его подлинно свободной жизнедеятельности, а труда — в систему собственно творческих актов, в гармонию интеллектуальных и эстетических устремлений личности философия перестает быть чисто профессиональным занятием, делом и монополией немногих. *Шаг за шагом философия неумолимо становится сердцевиной образа жизни и образа мысли каждого человека демократического, цивилизованного общества.* В таком обществе философия является внутренним, необходимым условием развития всей социальной действительности, всех сфер духовного бытия человека.

Основные части философии

Уже античная философия, становясь самостоятельной системой знаний, обрела свою композицию. У стоиков (IV в. до н. э.) эта структура приняла следующий вид: философия начинается с *логики*; после логики следует *физика* как учение о природе; после физики — *этика* (учение о человеке, о путях его к мудрой, осмысленной жизни). Последняя была главной, поскольку и логика (учение о познании), и физика (учение о природе) при всей важности трактуемых в них проблем лишь предваряли основные смысложизненные положения и выводы философа о предназначении и судьбе человека, об отношении его к вечному и бесконечному миру. Предложенная стоиками схема сохранила свое значение и по сегодняшний день, хотя время внесло свои коррективы. В XVII в. (прежде всего благодаря Ф. Бэкону и Р. Декарту) в лоне общих систем философии углубленную разработку получила *теория познания* (*гносеология*). В понимании того времени она была шире логики, так как рассматривала не только абстрактно-теоретический, но и чувственный уровень познания (ощущения, восприятие, представления). То, что античные философы называли физикой, философы более поздних веков называли *онтологией* (слово «физика» в связи с возникновением специально-научного, опытного знания наполнялось другим, современным смыслом).

Существенную перестройку, переосмысление структуры философского знания осуществил в Новое время основоположник классической немецкой философии И. Кант. В одном из итоговых сочинений — «Критике способности суждения» — он говорит

о трех частях философии, соотнося их с тремя «способностями души» — понимая под последними познавательную, практическую (желание, воля) и эстетическую способности, присущие человеку от рождения. Иными словами, Кант понимал философию как учение о единстве истины, добра и красоты, что значительно расширяет ее узкорационалистическую трактовку только как теории или методологии научного знания (эта трактовка сначала принадлежала просветителям, а затем позитивистам).

Гегель строит свою систему в виде «Энциклопедии философских наук». Как и стоики, и Кант, Гегель называет три части философского знания:

- логику,
- философию природы,
- философию духа (к последней относится комплекс философских наук о государстве и праве, о всемирной истории, об искусстве, религии и самой философии).

Как видим, логика и методология познания давно составляют теоретическое ядро философии. Однако структура современной философии не сводится только к ядру. Социальная философия (философия истории), этика, эстетика, философская антропология, философские вопросы естествознания и т.д. — круг философских дисциплин может быть и расширен. Но отменяет ли многокомпонентная структура философского знания его целостность? Нет, не отменяет, потому что философские дисциплины — не механические части целого, которые можно отделить от него и рассматривать вне связи с другими его частями. Здесь более подходит иной образ: драгоценный кристалл и его грани. С поворотом кристалла высвечиваются новые его грани, хотя сам кристалл остается все тем же.

Так, эстетика (вопреки достаточно распространенному мнению о ней) не является частью философии, поскольку *вся философия эстетична* (высший акт разума, как писал Гегель, есть акт эстетический). Особенно глубоко и полно эстетическая природа философского сознания и творчества проявила себя в античной культуре, что подтверждается и таким фундаментальным исследованием, как «История античной эстетики» А.Ф. Лосева. И нравственный смысл, этический аспект философии, проникает в философское сознание целиком. Ни одна проблема не является философской, если она в то же время (если не непосредственно, то в конечном счете) не оказывается этической.

Особая роль в системе философского знания принадлежит истории философии. Философия возможна лишь в постоянном самообращении, самокритике. Философские системы прошлого «живут» в современной философской мысли.

Рекомендуемая литература

1. Ахутин А. Тяжба о бытии. — М., 1997.
2. Брутян Г.А. Очерки по анализу философского знания. — Ереван, 1979.
3. Вольф Р.П. О философии. — М., 1996.
4. Гильдебранд Д. фон. Что такое философия? — СПб., 1997.
5. Гуревич П.С. Основы философии. — М., 2011.
6. Основы философии в вопросах и ответах. — Ростов н/Д, 2002.
7. Философия : учеб. пособие для вузов / под ред. В.П. Кохановского. — Ростов н/Д, 2011. — Гл. I.

Основные этапы исторического развития философской мысли

Происхождение философии

Процесс возникновения и развития философских идей составляет предмет особой науки — истории философии. Эта наука рассматривает историко-философский процесс в широком контексте культуры, в соотношении со сложными явлениями общественной жизни. Уже Л. Фейербах показал, что человек, философствуя, выступает от имени всего человеческого рода. Но это не значит, что все страны и народы внесли равный вклад в зарождение и развитие философии.

В западной (средиземноморской) культуре эту великую роль взяли на себя *греки* — граждане древних греческих городов-полисов, населявших тогда бассейн Эгейского моря. Родина древневосточной философии — *Индия и Китай*. Интересно, что становление и западной, и восточной философии происходило практически в одно и то же историческое время и независимо друг от друга. И на Западе, и на Востоке философия стала складываться на той ступени истории, культуры, когда в связи с развитием общественных отношений начался необратимый процесс разложения сознания, господствовавшего в родовом и раннем классовом обществе. Вытеснение философским сознанием мифологического было вместе с тем рождением рациональности — веры в разум как в самую надежную опору жизни и естественное средство познания.

Древние греки «изобрели» философию, но это изобретение стало возможным лишь потому, что еще раньше они же «изобрели» демократию, а еще раньше — осознали самоценность умственной деятельности, радость от свободного поиска истины.

История философии — неотъемлемая часть истории культуры

Можно по-разному периодизировать путь, пройденный философией за две с половиной тысячи лет (от времени древних греков и древних римлян). Но в самом общем плане крупные периоды, этапы исторического развития философии имеют под собой своим основанием общественно-экономические формации, способы социального и духовного производства. Следуя такому взгляду, говорят об античной философии (философии рабовладельческого общества), средневековой философии (философии эпохи феодализма), философии Нового времени (философии буржуазной формации) и современной философии, имея в виду под ней философскую мысль XX в., идеологически и политически крайне неоднозначную. Нельзя недооценивать и национального своеобразия философских идей. В этом контексте рассматривают как относительно самостоятельные духовные построения немецкую, французскую, русскую философию (что сопоставимо с национальным искусством).

Античная философия

Античная философия — это философия древних греков и древних римлян (VI в. до н. э. — VI в. н. э.). Ее величайшим достижением была сама постановка вечных, всегда сопутствующих человеку проблем: о начале всех вещей, о бытии и небытии мира, о тождестве противоположностей, о свободе и необходимости, жизни и смерти, месте и роли человека на земле и в космосе, о нравственном долге, о прекрасном и возвышенном, о мудрости и человеческом достоинстве, о любви, о дружбе, о счастье и многом другом, что не может не волновать ум и душу человека. У древних мыслителей было одно «орудие» познания — созерцание, наблюдение, тонкая умозрительность.

Античная философия возникла как стихийно-диалектическая натурфилософия. Именно ей античная мысль обязана двумя значительными идеями: идеей об универсальной, всеобщей связи всех вещей и явлений мира и идеей бесконечного, мирового развития. Уже в античной философии сложились два альтернативных гносеологических направления — материализм и идеализм.

Материалист Демокрит, опережая века и тысячелетия, выдвинул гениальную идею атома как мельчайшей частицы вещества. Идеалист Платон, опираясь не только на силу отвлеченной мысли, но и на удивительную художественную интуицию, блестяще разработал диалектику единичных вещей и общих понятий, что имеет непреходящее значение во всех областях человеческого творчества и поныне.

Нередко историки античной философии проводят границу между более ранними и более поздними античными философами, относя первых к «досократикам», а вторых — к сократическим школам. Этим подчеркивается действительно ключевая роль Сократа (V в. до н. э.) как философа, переместившего центр философского знания с проблем натурфилософии в область человекознания, прежде всего этики. Идеи поздней античности (эпохи эллинизма) унаследовали гуманистическую мысль Сократа. Вместе с тем, глубоко переживая надвигающуюся гибель античной культуры, философы этого периода сделали несомненный шаг от сократовского рационализма в сторону иррационализма и мистики, что стало особенно заметно в философии последователей Платона — неоплатоников.

Философия Средневековья

Философия Средних веков (V—XV вв. н. э.) по духу и содержанию своему является преимущественно религиозной. В Западной Европе религиозная (христианская) философия обосновывала и укрепляла христианскую (католическую) веру. На протяжении более тысячи лет ортодоксальная идеология христианства, опираясь на могущество церкви, вела упорную борьбу с «ересями», «вольномудством», т.е. с малейшими отступлениями от догм и канонов Ватикана. Хотя и в этих условиях философия отстаивала права разума, но при условии признания господства над разумом веры. Не согласных с этим ждали костры инквизиции.

Философы и богословы, разрабатывавшие в первые века нашей эры основные догмы христианской религии, в глазах своих продолжателей и последователей получили высшую меру признания — их стали почитать как Отцов Церкви, а их творчество стали называть *патристикой*. Одним из самых выдающихся Отцов Церкви был Августин Блаженный (IV—V вв. н. э.). Бог, по его мне-

нию, — творец мира, и он же — творец, двигатель истории, смысл и предназначение которой Августин видел во всемирном переходе людей от язычества к христианству. Каждый человек несет полную ответственность за свои дела и поступки, так как Бог дал человеку способность свободно выбирать между добром и злом.

Если Августин — яркий представитель раннего Средневековья, то сложившаяся система христианской средневековой философии наиболее полно и значительно выражена в трудах Фомы Аквинского (XIII в.). Его философия — вершина *схоластики*. (Так стали к этому времени называть философию, преподававшуюся в школах и университетах.) Ставя выше всех своих предшественников Аристотеля, Фома предпринял грандиозную попытку соединить, органически связать между собой античную мудрость с догматикой и вероучением христианства. С этих позиций разум (наука) и вера не противоречат друг другу, если только это «правильная» вера, т.е. вера христианская.

В средневековой схоластике мы находим зародыш реальных проблем. Одной из них была проблема диалектики, связи общего и единичного. Существует ли общее реально? Или же реально существует только единичное, а общее — лишь мысленное отвлечение от реальных предметов и явлений? Признававшие реальность общих понятий составили направление *реалистов*; считавшие же общее только «именем», а реально существующим только единичное, составили направление *номинализма*. Номиналисты и реалисты — предшественники материалистов и идеалистов Нового времени.

Философия эпохи Возрождения

В истории культуры различают Раннее Возрождение (XIII—XIV вв.) и Позднее Возрождение (XV—XVI вв.). Очень красноречиво само название эпохи: речь идет о Возрождении (после тысячелетнего перерыва) культуры, искусства, философии античного мира, достижения которого признаются образцом для современности. Великие представители этой эпохи были людьми всесторонне развитыми (Данте, Эразм Роттердамский, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Монтень, Сервантес, Шекспир). Гениальные мыслители и художники выдвигали в своем творчестве уже не теологическую, а гуманистическую систему ценностей. Социальные мыслители этого времени — Н. Макиавелли, Т. Мор,

Т. Кампанелла — создавали проекты идеального государства, выражавшие прежде всего интересы нового общественного класса — буржуазии.

В XVI—XVII вв. в странах Западной Европы стал утверждаться капитализм. Великие географические открытия необыкновенно расширили горизонт человека, развитие производства потребовало серьезной постановки научных исследований. Наука Нового времени все больше опиралась на эксперимент и математику. Молодая наука XVII—XVIII вв. добилась выдающихся успехов прежде всего в математике и механике.

Философия Нового времени

Новоевропейская философия не только опиралась на данные естественных наук, но и сама выступала их опорой, вооружая науку логикой, методом исследования. Философским обоснованием экспериментального знания был эмпирико-индуктивный метод Ф. Бэкона (1561—1626), тогда как математическая наука нашла свою философскую методологию в трудах Р. Декарта (1596—1650).

Философия XVII—XVIII вв. была преимущественно *рационалистической*. В XVIII в. сначала во Франции, потом и в других странах Западной Европы широко и мощно заявило о себе социально-философское движение *Просвещения*, сыгравшее выдающуюся роль в идеологической подготовке Французской революции 1789—1793 гг.

С последней четверти XVIII в. и до середины XIX в. на передний край в области философского творчества выходит Германия. Будучи отсталой в то время в экономическом и политическом отношении, эта страна стала родиной великих художников и мыслителей: Канта, Гете, Фихте, Гегеля, Бетховена, Шиллера, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха. Выдающейся теоретической заслугой классической немецкой философии были преодоление созерцательного, натуралистического взгляда на мир, осознание человека как творческого, деятельного субъекта, углубленная разработка общей концепции развития — диалектики.

В середине XIX в. в Германии возникает марксизм, философский наследник немецкой классики и европейского рационализма. Главный вклад К. Маркса в философию состоял в открытии и обоснованности материалистического понимания истории

и в углубленной разработке — на материале современного ему буржуазного общества — материалистической диалектики. Однако в реальную социальную жизнь человечества (в XX в. особенно) марксизм вошел главным образом своей другой — не научно-философской, а мировоззренческой стороной, как идеология открытого и жесткого социального противостояния, оправдывающая (во имя отвлеченных классовых интересов) крайние формы классовой борьбы и насилия.

Европейский рационализм (от Бэкона до Маркса) в дилектике социального и индивидуального отдавал несомненный приоритет социальному (общему). Исследование классов, формаций, исторических эпох выдвигалось на передний край, тогда как проблемы единичного — внутренней организации личности — оставались в тени (как и феномен бессознательного). Но реальный опыт жизни убеждал, что разум не единственная сила, управляющая поведением человека в обществе. На этой основе в XIX в. возникает *иррационалистическая* философия (А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше), которая ведущую роль в жизни и судьбах людей стала отводить не разуму, а страсти, воле, инстинктам.

Философы-иррационалисты увидели и с большой силой выразили теневую сторону жизни, прогресса. Но из этого они сделали разные выводы. Идеал Шопенгауэра — нирвана, т.е. отрешенность от жизни как безусловного зла. Кьеркегор требует признать, что высшие истины (к ним относятся глубоко интимные переживания страха и ожидания смерти) не могут быть высказаны, а могут лишь переживаться каждым человеком наедине с собой и по-своему. Волонтаризм Ницше лишь внешне «оптимистичен», поскольку утверждает волю к власти как к полноте жизни. Но это слепая жизнь, без всякой разумной цели. Философ не скрывал своего крайне враждебного отношения к христианству.

Современная западная философия

Рубеж XIX–XX вв. — важнейшая веха на пути философской мысли, открывающей собой новейший этап ее сложной и противоречивой истории. Философию XX в. можно назвать постклассической, так как она отличается от «классического» этапа своего развития. XX в. — это век величайших потрясений в жизни человечества (мировых войн, революций), когда перед всеми людьми планеты

реально встал вопрос о самом существовании земной цивилизации. Научно-техническая революция сделала отношение человека к природному миру и к собственному миру культуры значительно более сложным, чем в прошлые времена, более опосредованным. Диалог «философии человека» и «философии науки» в наше время по сути только начинается. В этом диалоге родились и рождаются новые направления философского знания. Укажем на некоторые из них.

Неопозитивизм (логический позитивизм) — современная форма позитивизма, общекультурные и гносеологические корни которой уходят в XIX столетие, когда были сформулированы и разработаны основные принципы и предложения классического позитивизма: признание достоверности только физически-опытного знания и отказ научного исследования от «ненаучного», «метафизического» объяснения (т.е. от мировоззренческих и философских проблем как теоретически и практически невозможных). Понимая философию как род деятельности, сводящейся к анализу естественных и искусственных языков, логические позитивисты добились определенных результатов в выяснении роли знаково-символических средств в научном познании, в возможности математизации знания, соотношения теоретического аппарата и эмпирического базиса науки. Идеальным средством решения этих задач неопозитивисты считают аппарат математической логики.

Постпозитивизм возник и сложился в середине XX в. на базе критики и самокритики неопозитивизма. Отграничение научного знания от ненаучного представители постпозитивизма видят в том, что научное знание принципиально может быть опровергнуто с помощью данных опыта. С этой точки зрения любое научное знание носит лишь гипотетический характер и подвержено ошибкам. Важное его достоинство — обращение к истории, развитию знания.

Психоанализ — направление, обязанное своим происхождением австрийскому культурологу, психологу и врачу-психиатру З. Фрейду (1856—1939). В основе направления лежит фундаментальное положение о роли бессознательного в жизни людей, которое рассматривается психоаналитиками как мощное энергетическое начало. В эту область «спрятаны» все запрещенные культурой влечения и страхи, что порождает постоянные неврозы и психические расстройства человека. Но бессознательное может и должно стать предметом научного познания, поскольку у бессознательных процессов есть свой смысл. Психоанализ и есть средство научного познания тайн бессознательного.

Феноменология — направление, современный вид которому придал немецкий философ Э. Гуссерль (1859–1938). Феноменология, по его мнению, — дисциплина, описывающая существенные характеристики сознания. Выполнить их феноменология может только будучи строгой наукой. Это значит, что она должна выделить чистое, т.е. допредметное, досимволическое сознание, или «субъективный поток», и определить его особенности. Только таким путем можно прийти к пониманию сущности сознания вообще, основная характеристика которого — «интенциональность», т.е. его направленность на тот или иной предмет. Источником всех теорий и понятий науки феноменология признает мир повседневности (жизненный мир). Переход от рассмотрения конкретных предметов к анализу их чистой сущности получил у феноменологов наименование «феноменологическая редукция», т.е. переориентировка внимания ученого с предмета на то, каким образом указанные предметы даны нашему сознанию. Таким путем, считает феноменология, открывается возможность исследования многообразных видов человеческого опыта.

Экзистенциализм — направление, признающее единственной подлинной реальностью бытие единичной человеческой личности. Общим положением экзистенциализма является утверждение о первичности человеческого существования по отношению к социальной сущности индивида. И это потому, что человек сам определяет свою сущность. Он стремится к своей индивидуальной цели, творит себя, выбирает свою жизнь. Но в обыденной жизни человек не осознает бессмысленности мира и стремится быть «как все», избегая свободы и ответственности. Этим, однако, отличается обыденный человек от подлинного, принимающего на себя всю ответственность за свой выбор и свои решения. Современный экзистенциализм (преимущественно немецкий и французский) сформировался под влиянием датского философа С. Кьеркегора (1813–1855), философии жизни и феноменологии. Предтечей экзистенциализма были русские философы Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов.

Структурализм и постструктурализм — общее название для ряда направлений в современном философском и гуманитарном знании, связанное с поиском логических структур, объективно существующих за многообразием явлений культуры. Предпосылки структурализма можно проследить даже в античности (пифагорейцы, неоплатоники), но в современную философию идеи

структурализма пришли из специальных областей знания (лингвистики, литературоведения, этнографии). Свою основную задачу структурализм видит в поисках устойчивых логических структур, т.е. устойчивой связи объектов. Структурализм добился значительных успехов в выявлении глубинных структур культуры. Вместе с тем он явился противником гуманистических представлений о центральной роли человека и его свободы, что объективно дегуманизирует обществознание. Продолжением, но и самокритикой структурализма стал постструктурализм, признавший невозможность редукции объекта к структурам, что в значительной степени означало возвращение к человеку как субъекту.

Философская герменевтика — первоначально (с античных времен) это слово означало искусство истолкования текстов. С XX в. (М. Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикер и др.) этим словом обозначается философское учение о понимании и постижении смысла («сути дела») феноменов духовной культуры. Так, для Гадамера понимание — способ существования познающего, действующего и оценивающего человека, универсальный способ освоения человеком мира в «опыте жизни», в «опыте истории» и «опыте искусства».

Философская антропология ставит перед собой задачу осмысления проблем человеческой природы и основных модусов человеческого бытия. Противоречивая сущность человека заключается в том, что он погружен в мир и возвышается над ним, что дает возможность взглянуть ему на мир и с точки зрения мгновения, и с точки зрения вечности. Уникальность человека как космического существа, способного к самосознанию, требует изучать его и как объект, и как субъект своей жизни. Философская антропология выступила против биологизаторских концепций сущности человека, подчеркивая духовные и творческие основы человека и общества.

Особенности и основные черты русской философии

Русская философия — сравнительно позднее образование нашей национальной культуры, хотя предпосылки ее уходят в глубь российской (шире — славянской) истории. Но предпосылки (сюда мы отнесем прежде всего историческое сознание и самосознание народа) еще не есть само явление. Они лишь подготавливают рождение и развитие его.

Философия же в ее подлинном смысле слова возникает в России в XIX в. Даже XVIII в. (век М.В. Ломоносова и А.Н. Радищева) в значительной мере еще подготовительный, потому что русская мысль до Чаадаева и славянофилов во многом еще лишь следовала за мыслью европейской, еще искала свою тему, свою тональность, свой голос выражения. В классическом, золотом для России XIX в. русская философия не только училась у Запада, но и учила его. Страна Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и Вл. Соловьева становилась поистине духовным лидером человечества.

Русская философская классика XIX в., как и русская классическая литература, несла миру глубоко выстраданную опытом поколений истину: нет и не может быть такой цели, ради которой была бы допустима жертва хотя бы в одну человеческую жизнь, в одну каплю крови, в одну детскую слезинку. Русская философия выступала как философия Предупреждения. Ее лейтмотив — нравственное вето на любой социальный проект, на любой «прогресс», если только они рассчитаны на принуждение, насилие над личностью.

Для русской философии характерен отказ от академических форм теоретизирования, чисто рационалистического способа доказательства и обоснования прочувствованных сердцем, пережитых, выстраданных истин. Истина постигается, по учению русских философов, не чисто рациональным, рассудочным актом, а цельной жизнью духа, «полнотой жизни» (Н.А. Бердяев).

Полнота жизни — это и есть краеугольный камень вершинного завоевания русской философской мысли — идеи, или учения *всеединства*. Русская философия — душа русского народа, со своими идеалами и ценностями, очень далекими от прагматизма и утилитаризма западной культуры. Философскую установку Запада четко выразил Спиноза: не плакать, не смеяться, а *понимать!* В полную противоположность такому крайнему рационализму русская философия (русская духовность) утверждала — устами старца Зосимы из «Братьев Карамазовых» Достоевского — невозможность постижения Истины без *любви*: высшие откровения духа даются лишь любящему сердцу. И это не чувственная любовь (как у Фейербаха). Это духовная любовь — именно она отличает человека от всех живых тварей земли. Именно она придает нашему сознанию цельность и полноту.

Классическая русская философия, как и классическая русская литература, *антибуржуазна*. «Близорукость» и «утопизм» тех, кто искал альтернативу капитализму, были в то же время

дальновидным провидением более глубокой исторической сущности: антигуманного, безнравственного, антиэстетического, а потому по необходимости и «неистинного» преходящего характера западноевропейского, т.е. буржуазного, типа развития. Отстав от российской действительности, русская философия намного ее опередила. В программе Всеединства и цельного знания был прочерчен путь, который мог и должен был пересечься с основной магистралью европейской мысли, но не слиться с ней, а сохранить свой голос в этом дуэте. Это был голос Любви и Добра, не заглушающий, но и не заглушаемый западным голосом — Воли и Разума.

Русская философия — целостное духовное образование. Но внутреннее единство ее идей достигалось в сложной, напряженной борьбе различных школ и направлений мысли. В философских спорах нередко каждая сторона была по-своему права, а истина рождалась в сопряжении, синтезе противоположных мнений.

Рекомендуемая литература

1. *Зеньковский В.В.* История русской философии : в 2 т. — Л., 1991.
2. История философии: учебник для вузов. — Ростов н/Д, 2008.
3. История философии : Запад — Россия — Восток : в 4 кн. — М., 1997—2000.
4. *Лосский Н.О.* История русской философии. — М., 1991.
5. Основы философии в вопросах и ответах. — Ростов н/Д, 2002.
6. *Рассел В.* История западной философии : в 2 т. — М., 1993.
7. *Реале Дж., Антасери Д.* Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. — СПб., 1994—1997.
8. Философия : учеб. пособие для вузов / под ред. В.П. Кохановского. — Ростов н/Д, 2011. — Гл. 2.
9. Хрестоматия по философии. — Ростов н/Д, 2002.

БЫТИЕ

Глава 3

Бытие как философская проблема

Философский смысл темы бытия

Проблема бытия одна из центральных в философии. Выдающийся немецкий философ XX в. М. Хайдеггер считал вопрос о бытии основным. Другой, не менее известный, современный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что бытие — сущность философии, а пересмотр идеи бытия означает коренной пересмотр философии. Взяв термин «бытие» из повседневного греческого языка, в котором слова «быть», «существовать», «находиться в наличности» близки по значению, античные философы использовали его для обозначения не просто существования, а того, что гарантирует существование человека и мира.

Проблема бытия — философский ответ на ослабление веры античных греков в богов Олимпа

Проблема нахождения и обоснования таких гарантов была сформулирована в греческой философии в V—IV вв. до н. э. как ответ на реальную жизненную ситуацию. Дело в том, что существует два способа установления человеком своей идентичности.

Идентичность — твердо установленный и принимаемый человеком образ себя, чувство адекватности самому себе, устойчивое и постоянное владение собственным «Я», независимо от изменений ситуации жизни: а) через отношение к чему-то, что превышает человеческое существование, являясь чем-то нечеловеческим. Это прежде всего Бог или боги; б) через отношение к другим людям, а не богам. В Древней Греции преобладал первый способ идентификации. В качестве того, что превышало человеческое бытие и служило ему опорой и гарантом, выступали боги Олимпа. Античные греки доверили им заботу о благополучии своей жизни. Это время господства мифа и мифологического мышления. Но в V—IV вв. до н. э. люди стали терять веру в традиционных богов Олимпа. Мифология все чаще рассматривалась как вымысел. Тем самым рушились основы и нормы установления человеком своей идентичности. Все в мире и человеческой жизни стало бесформенно и нестабильно. Люди потеряли прежнюю жизненную опору, и, как считает Х. Ортега-и-Гассет, такая потеря наверняка вызвала массовую эпидемию страха, отчаяния, даже ужаса. Нужны были новые ориентиры и опоры, которые заменили бы богов Олимпа.

Античный философ Парменид попытался найти новые гарантии существования мира и человека: взамен множества антропоморфных богов Олимпа, которым уже не доверяли древние греки, он предложил им обрести веру в новую силу, властвующую над миром, веру в идею существования за миром чувственно воспринимаемых вещей некоего Единого, которое, в отличие от богов Олимпа, не является антропоморфным. Единое постулировалось как божество, но особое, отличное от богов Олимпа. Если последние по внешнему виду и по характеру были похожи на людей (о чем свидетельствуют мифы и скульптуры богов), то Единое не имело ни вида, ни формы. Его невозможно изобразить, показать, нарисовать. О нем можно было только мыслить. Мысль определяла Единое как вечное, неизменное, неделимое, ни в чем не нуждающееся, лишенное чувственных качеств, как нечто, что есть Истина и Добро. Так, несколько упрощенно, можно охарактеризовать сущность проблемы бытия, с помощью которой Парменид пытался снять экзистенциальную озабоченность древних греков. Поэтому проблема бытия — не просто философский вопрос, а прежде всего философский ответ на жизненный запрос античных греков.

Парменид предложил прочное и надежное основание существования мира и человека, заменив власть капризных и непредска-

зуемых в своих милостях и гневом богов Олимпа властью Единого и неизменного абсолюта, которое он называл Божеством, Правдой, провидением, судьбой, вечным, неуничтожимым. Это Единое удерживает мир от опрокидывания в хаос, обеспечивает миру надежность и стабильность, и, следовательно, человек может быть уверенным в том, что все по необходимости подчиняется порядку. «Все по необходимости» означало, что заведенный в мироздании ход вещей не может внезапно, по воле случая, измениться: день всегда придет на смену ночи, солнце не потухнет внезапно, и люди неожиданно не погибнут. Гарантией порядка (природного и социального) выступало божественное Единое.

Бытие и мышление

Итак, проблема бытия — это проблема поиска того, что «действительно имеется», что ни в чем само не нуждается, но в чем нуждаются мир и человек. Характеризуя это нечто, как Единое и неизменное, как Свет, Истину, Добро, Благо, лишив Единое чувственных качеств, Парменид наделил его качеством мысли, ввел в философию интуицию бытия как мысли. Это означало, что характеристики бытия, как истинно сущего, не могут быть получены в чувственном опыте, предполагающем опору на телесные зрения и слух. Многие современники Парменида видели достоинство идеи бытия в том, что содержание чувственных ощущений было сведено к обману, а критерием истины выступал Разум. Заявив, что бытие есть мысль, Парменид наделил эту мысль космическими масштабами: бытие как мысль есть Логос — космический Разум. Поэтому постигать бытие человек не может с помощью той мысли, которая применяется в повседневной жизни для познания чувственных вещей и предметов. Для постижения бытия нужна особая мысль, не связанная с чувственно-эмпирическим опытом людей. Заявив проблему бытия как мысли, Парменид открыл способность мышления работать с идеальными объектами, со сверхчувственной реальностью, т.е. реальностью, не видимой для чувственного зрения. В философию была введена не просто тема бытия, а тема тождества мышления и бытия. Сам Парменид писал, что «одно и то же — мышление и то, о чем мысль», «мыслить и быть — одно и то же».

Но, как уже отмечалось, Парменид имел в виду Божественную мысль — Логос, космический разум, а не субъективную мысль

отдельного индивида. Человеческий разум есть проекция Божественного разума, а потому знание для человека всегда благо и добро. Знающий не может быть злым в силу того, что его мысль есть частица Божественного разума, полнота которого состоит в тождестве истины и добра. Если же признать человеческий ум самостоятельным и автономным, то, утверждал Парменид, неизбежно «многомнение», ведущее к спорам о великих тайнах бытия. В результате появляется сомнение в существовании Абсолютной истины, Абсолютного блага и Абсолютного добра. Гегель писал, что Парменид был первым философом «в собственном смысле этого слова», ибо заменил веру в традиционных античных богов верой во власть и силу мысли и разума. Идея тождества бытия и мышления открывала возможность рассматривать в качестве основы мира разумное начало, не зависящее от человека. М. Хайдеггер, посвятивший сорок лет своей жизни проблеме бытия, утверждал, что вопрос о бытии, поставленный античными философами, предрешил судьбу западного мира. Что имел в виду мыслитель?

Значение античной идеи тождества бытия и мышления для европейской философии и культуры

1. Эта идея явилась основанием европейского рационализма, т.е. культуры, ориентированной на постижение истины вещей с помощью логического мышления, способного постигать то, что не видимо чувственными очами. Такое мышление имеет опыт трансцендирования, т.е. опыт выхода за границы чувственного мира в мир умонаблюдаемых сущностей. Великий античный философ Аристотель хвалил Парменида за то, что тот в своих рассуждениях о бытии вышел за границы (буквально: трансцендировал) чувственных восприятий; следовал только разуму, способному постигать божественное. Европейская философия на протяжении многих столетий отработывала искусство постигать сверхчувственное с помощью мысли, отшлифовывала ее способность работать в пространстве, где нет чувственных образов и представлений. Именно европейская культура, как никакая иная, довела эту способность мысли до невообразимых высот.

2. Учение Парменида о бытии открыло возможность для философии стать *метафизикой*. Этот термин (дословно: «то, что идет после физики») был введён одним из комментаторов Аристо-

теля — Андроником Родосским — для названия той части учения античного философа, содержание которой не относилось к познанию природы, выходило за рамки естественнонаучных изысканий. Метафизика ориентирована на поиск предельных (абсолютных) идеальных оснований всего существующего. В дальнейшем западноевропейские философы продолжили традицию метафизики в своих учениях об Абсолютном духе, Боге, духовных сущностях и монадах, ограничиваясь при этом рассуждениями в пространстве чистой мысли. Методы метафизического познания не включали в себя чувственный опыт, предметно-практические действия и проверки.

3. Содержание мышления, ушедшего в метафизическое пространство, выразилось в философии непонятным для обычного мышления античного грека смысловым наполнением привычных слов. В итоге появилась «высокая» и «низкая» речь. Первая использовалась философами в их рассуждениях о трансцендентном бытии, вторая употреблялась в быту обычными людьми. Например, греки знали, что слово «быть» означает «быть в наличии» здесь и сейчас, а философы наделили его таким странным смыслом, что для его понимания надо было специально учиться философии. Не случайно, чтобы облегчить понимание философского термина «бытие» людьми, не искусненными в искусстве философского мышления, Парменид переводит «высокую речь» философа в плоскость «низкой речи» профана, обращаясь к его способности образного мышления. Он называет бытие сферой, светом, ибо любой грек знает, что сфера — совершеннейшая и прекраснейшая форма среди других геометрических фигур, а свет делает мир видимым. Но чтобы оттенить тот факт, что мышление в образах не может полностью передать содержание философской мысли о бытии, Парменид указывает, что речь идет о сфере, не имеющей границ, и о свете, видимом не телесными очами, а умом.

4. Парменидовская идея бытия как мысли способствовала тому, что стали различать две реальности: умопостигаемую (речь идет о бытии) и чувственную. Средства познания этих реальностей разные. Если первая познается в актах умопостижения, или контактов «непогрешимого сердца» с умопостигаемым, то вторая — через мнения обычных людей, которые подвержены аффектам, а потому их знание о вещах не является достаточно точным.

5. Введя тему бытия, античные философы порвали с греческой культурной традицией, ибо тема бытия — это рассуждение о трансцендентных сущностях, метафизических скитаниях мысли, не озабоченной судьбой Греции и греков. Трансцендентные сущности космополитичны по своей сути, ибо они никак не связаны с народным, национальным бытом. Сущность бытия как Единого, как абсолютной мысли имеет один и тот же смысл для всех людей и народов. Парменидовское толкование бытия не выражает специфики культурного самосознания античных греков. Проблема бытия породила идею трансцендентного мира Истины, Добра, Красоты, т.е. некоей безусловной и универсальной нормы жизни, с которой греки должны были теперь соотносить свои отеческие законы и обычаи. Западноевропейский мир воспринял идею трансцендентного подлинного бытия и сделал следующие выводы. Если невидимое трансцендентное бытие есть Истина, Добро, Благо, Красота, то земной мир заведомо ущербен, несовершенен. Он нуждается в таком изменении, которое приближало бы его к истинному и совершеннейшему бытию. Разного рода социальные утопии, которыми полна история Запада, явились следствием мировоззренческого устремления к подлинному бытию. Цель победить неправду земного бытия стала одной из основных в европейском мировоззрении.

Желание победить неправду земного бытия, доказать, что оно не является подлинным, исторически реализовывалось двумя способами. Первый был ориентирован на практическое преобразование земного мира. Деятельность людей в этом случае направлена на изменение государственного устройства, экономической жизни, религии и т.д. Это — путь революций и бунтов, направленных на разрушение «старого» мира и строительство на его «обломках» подлинного мира всеобщего равенства, свободы, справедливости и т.д. В античности на этот путь встали киники, боровшиеся против общепринятых и устоявшихся норм и ценностей традиционного быта. Отсюда странности их поведения. Так, киник Диоген жил в амфоре вместо обычного дома, ходил всегда босой, не мылся. Киники демонстрировали пренебрежение к красивым и ценным вещам и предметам, стремились разрушить их: топтали грязными ногами дорогие ковры, били фарфоровую посуду, предпочитали есть из собачьей миски и т.д. Они были «философами поступка», возбуждающими толпу, которая зачастую подражала им

чисто внешним образом, не понимая духовно-смысловых со-держаний самих поступков.

Второй способ борьбы против неподлинности земного мира был ориентирован на преобразование человеком не внешнего мира, а своего внутреннего. Ставшие на этот путь люди стремились переделать не государственное устройство, не экономическую жизнь общества, не религию, а самих себя. Наиболее полно такой способ борьбы с неподлинностью мира сего отработан в христианстве еще в IV в. н. э., о чем свидетельствуют описания деяний святых, монахов, аскетов. «Внутреннее делание», религиозно-нравственное очищение через «умную молитву» придерживалось правила: прежде чем приступать к земным делам, поучать других и т.д., человеку необходимо пройти путь самоочищения через добродетель. На Руси этот опыт был представлен в деяниях Сергия Радонежского, оптинских старцев и др. Небезынтересно отметить, что многие русские мыслители в канун революции 1917 г. призывали интеллигенцию и народ реализовать именно этот способ борьбы с неподлинностью и ущербностью земного мира.

Тема бытия и священные книги древних иудеев

Выше было показано, что потеря веры античных греков в богов Олимпа создала экзистенциальные трудности, побудившие Парменида сформулировать проблему бытия. Экзистенциальная озабоченность античных греков частично объясняет то, каким образом тема бытия попала в поле зрения философов, но оставляет без ответа вопрос: откуда Парменид взял идею Единого, тождественного мысли, а также философскую версию трансцендирования мысли из мира чувственного в мир идеальный. Ведь языческая культура античных греков не могла подсказать такого хода его мыслям, ибо в этой культуре не было принципа единобожия, который только и мог быть трансформирован в философскую идею Единого. Кроме того, в античной натурфилософии того времени еще не существовало представления о царстве идеального (идеальное — это нечто абсолютно нематериальное), постижимого только мыслью. Не было и самого представления о мысли как таковой, не тождественной человеческой субъективной способности. Бытие как мысль, в толковании Парменида, невидимо для телесного глаза. Получается, что главное в мироздании невидимо.

Откуда же Парменид узнал об этом невидимом мире? Ключ к ответу дает русский философ С.Л. Франк, который пришел к выводу, что философия первоначально «по своей исконной сути» есть «наднаучное интуитивное мировоззренческое учение, которое состоит в очень тесной родственной связи... с религиозной мистикой». Действительно, по свидетельству христианского богослова Климента Александрийского (I в. н. э.), первые античные философы были знакомы с текстами священных книг древних евреев. Он не сомневался, что и Пифагор, и Платон, и стоики позаимствовали в священных книгах евреев мысль о невидимом едином Боге. Если учесть, что Парменид испытал влияние пифагорийцев, а потому, безусловно, был знаком с Библией, то его учение о бытии есть философский вариант древнееврейского учения о Боге. Но Единое Парменида — это бог философии, а не религии. Поэтому ему не молятся, а его постигают в актах интеллектуального созерцания.

Единое в философии Парменида — это нечто божественное, но такое божественное, которое не вразумляет человека на путь спасения. Само понимание интеллектуального созерцания, т.е. постижения невидимого с помощью чистой мысли, Парменид заимствовал из Библии. В ней есть текст о восхождении Моисея на гору Синай, где путем святого созерцания Моисей «смог достигнуть самой вершины умопостижимого». Характеристика Единого как сферы также взята из Библии, где описано, что Моисей, после общения с Богом, характеризует Его как сферу, «ибо Он полностью все в себе содержит». Поэтому можно предположить, что учение Парменида о бытии — это философская интеллектуализация библейских сюжетов о боговидении. Начиная с Парменида, античные философы используют понятие бога для обозначения предельных оснований мироздания, но речь при этом идет не о Боге Священного Писания, а боге философов.

Следует также учитывать, что, как и все первые философы, Парменид был посвящен в эзотерические таинства. Эзотерическая (языческая) мистика — трансцендентный прорыв из необходимости естества в свободу божественной воли. Поэтому можно предположить, что технику такого прорыва Парменид освоил, занимаясь эзотерикой, что в немалой степени повлияло на открытие им способности мысли работать с идеальными объектами. Без этого открытия он вряд ли смог бы постулировать тождество бытия и мысли.

Проблема бытия в философии Нового времени

Средневековый номинализм оказал большое влияние на трактовку проблемы бытия в философии XVII—XVIII вв. как эмпирического (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Юм и др.), так и рационалистического (Б. Спиноза, Г. Лейбниц и др.) направления. Так, Юм писал, что «быть — значит быть единичным фактическим существованием». Термин «бытие» используется философами этого периода очень редко и, как правило, с оговорками. Например, Р. Декарт после предложения «Я не являюсь единственным существом, обладающим бытием», тут же обращается к читателям со следующими словами: «Если вы разрешите, я воспользуюсь здесь терминами схоластики». Речь идет при этом о термине «бытие».

Влияние номинализма на рационализм XVII—XVIII вв. сказалось прежде всего в том, что номиналистическая трактовка ума как особой, «внутренней» реальности легла в основу учения о двух параллельных субстанциях — духовной и материальной. Такой «параллелизм» разрушал изначальное тождество мышления и бытия, исключал из философского рассмотрения такие проблемы классической онтологии, как бытийный статус мышления, возможность интеллектуального созерцания и т.д.

Р. Декарт, от которого ведет отсчет философия Нового времени, сформулировал концепцию, согласно которой человек как существо, способное сказать: «Я мыслю, следовательно, существую», является возможностью и условием существования мира, но не мира вообще, а мира, который он может понимать, действовать в нем, ставить цели, соразмерные миру и себе. Декарт сделал мысль бытием, но творцом мысли объявил человека. Бытие стало субъективным, человекоразмерным, определяемым человеческими способностями воспринимать его и действовать в нем. М. Хайдеггер писал по этому поводу так: «Бытие сущего стало субъективностью», «... теперь горизонт уже не светится сам собой. Теперь он лишь „точка зрения“ человека, который к тому же сам и творит ее».

Номиналистическая традиция определила и учение И. Канта, предметом философии которого стало не бытие, а познание субъекта. Кант изучает направленность человеческого ума не к Абсолюту, а к объекту, который конституируется в пространстве отношений субъекта и предмета. Кант признает существование мира вне человека, но считает, что реальное основание этого существования

содержится в Божественной воле. Воля же содержит всегда элементы иррациональности, а потому мир, сотворенный Богом, не может быть до конца понят разумом, а значит, не существует тождества мышления и бытия.

Философия Нового времени утратила прежнее понимание бытия как абсолютного и подлинного, совершенного и неизменного гаранта всего происходящего в мире. Человек, его сознание, его жизнь, его потребности стали восприниматься как единственное подлинное бытие. Приведем примеры такого понимания бытия в разных философских учениях.

И. Кант говорит о бытии, зависимом от познания. Философия жизни утверждает, что бытие — это жизнь и потребности ее возрастания. Философия ценностей объявляет ценности предельным основанием человеческого существования. Философская антропология рассматривает бытие как способность человека выходить за свои собственные пределы и тем обосновывать все сущее. Эмпириокритицизм видит единственную бытийную реальность в человеческих ощущениях, а экзистенциализм прямо заявляет, что человек, и только он один, есть подлинное и предельное бытие: вопрос о бытии — это вопрос о его смысле, а смысл задает всегда сам человек.

Проблема бытия перестала быть центральной в философии Нового времени. На первое место выдвигается проблема человеческой деятельности: духовно-теоретической и предметно-практической. Человечество по-прежнему волновал вопрос о предельном основании мира, о гарантиях его существования, но теперь эти гарантии философия искала в самом человеке, его деятельных способностях.

В материалистической философии XVII—XVIII вв. бытие рассматривается как реальность, существующая объективно (т.е. вне и независимо от человека), развивающаяся по своим внутренним законам и в своих пространственных границах, не выходящая за пределы природы. Бытие отождествлялось с миром чувственно воспринимаемых тел. Так понятое бытие противопоставлялось сознанию, духу. Если в античной философии проблема бытия вводилась с целью обоснования существования чувственного мира, то в материалистической философии XVII—XVIII вв. бытие отождествляется с существованием этого мира. Вопрос о том, как обосновать это существование, не ставится: оно постулируется (утверждается безо всякого обоснования).

В первом десятилетии XX в. появляется тенденция возврата к онтологии, и вопросы, что такое бытие, каким образом оно может быть постигнуто, задают философы Ф. Brentano, Э. Гуссерль, Н. Гартманд, М. Хайдеггер и др.

Диалектический материализм о бытии

Основные положения материалистического понимания бытия получили свое дальнейшее развитие в диалектико-материалистической философии. Ф. Энгельс под бытием понимал существование отдельных материальных вещей, считая, что «бытие есть вообще открытый вопрос с той границы, где прекращается наше поле зрения». Другими словами, с его точки зрения, бессмысленно говорить о бытии, если его нельзя воспринять с помощью органов чувств. Поэтому здесь *вопросы о бытии Бога, души и т.д. не рассматривались*. Признавалось только такое бытие, которое имело пространственно-временные характеристики. Божественное же бытие предполагает существование вне времени и пространства, но, как считал Ф. Энгельс, бытие «вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства». По свидетельству М. Хайдеггера, Маркс не занимался проблемой бытия, предметом его внимания была природа (естественная и искусственная, сотворенная человеком).

Рекомендуемая литература

1. *Гайденок П.П.* Бытие и разум // Вопросы философии. — 1987. № 9.
2. *Губид В.Д.* Антология: Проблемы бытия в современной европейской философии. — М., 1998.
3. *Доброхотов А.Л.* Категория бытия в западноевропейской философии. — М., 1986.
4. Фрагменты ранних греческих философов. — М., 1989.
5. *Хайдеггер М.* Время и бытие // Разговор на проселочной дороге. — М., 1991.

Субстанция

Субстанция как философская категория

Субстанция (от лат. *substantia* — сущность; то, что лежит в основе) — философская категория для обозначения внутреннего единства реальности безотносительно к ее многообразным внешним проявлениям.

Отказавшись от классической онтологии, базирующейся на признании принципа тождества мышления и бытия как основы всего сущего, философы Нового времени вынуждены были искать новые аргументы для объяснения внутреннего единства мироздания. Этой цели и способствовало понятие «субстанция». Разрушенное тождество мышления и бытия привело к противопоставлению бытия и мысли, тела и духа, а потому к началу Нового времени противопоставление материи и духа как двух субстанций стало центральной проблемой философии.

Проблема двух субстанций

Понятие «субстанция» использовалось для определения «последних оснований всего сущего». Но в связи с тем, что философы, например, Декарт, рассматривали субстанцию протяженную (она использовалась для характеристики материальных вещей) и субстанцию мыслящую как не имеющие ничего общего между собой, то возникла проблема их соединения. Формальная трудность такого соединения заключается в том, что философы Нового времени определяли субстанцию как вещь, которая «не нуждается для своего существования ни в чем, кроме самой себя». Обе субстанции — и протяженная, и мыслящая — не отвечали данному требованию. Только один Бог соответствовал этому определению субстанции.

Попытку соединить две субстанции и при этом избавиться от необходимости обращения к Богу предпринял Б. Спиноза. Он предположил, что протяженность и мышление — не две различные субстанции, а два «атрибута» (необходимое, существенное, неотъемлемое свойство объекта) одной и той же общей им обоим субстанции. Таковой, по мнению Спинозы, является бесконечная и вечная «телесная субстанция», которая существует только в реальных телах природы.

По сути, в качестве субстанции выступала природа, порождающая сама из себя все многообразие тел, в том числе и мыслящее тело человека. Понимание телесной природы как субстанции исключило необходимость прибегать для объяснения всего существующего к Богу, разуму и т.д. Так понятая субстанция открывала возможности естественнонаучного объяснения проблем психики, сознания, мышления. Объявив «телесную субстанцию» «причиной самой себя», порождающей в силу своей внутренней активности все многообразие реальных тел природы, Спиноза отказал Богу в трансцендентности, растворил его в природе, отождествил Бога и мир. Эта антихристианская позиция открывала дорогу материализму. Поэтому многие философы в дальнейшем рассматривали понятие «телесная субстанция» как краеугольный камень атеизма».

Гегель развил понятие субстанции, видя в нем подлинное начало всякого научного мышления. Он показал, что субстанция развивается и порождает сама в себе многообразие своих атрибутов за счет внутреннего противоречия. По Гегелю, универсальное единство явлений осуществляется только в мышлении, а потому он не принимает определение «телесной субстанции» Спинозы.

Философский монизм, дуализм и плюрализм

В своей попытке объяснить универсальное единство мира философы разделились на монистов и дуалистов.

*Учения, объясняющие единство мира из одной субстанции, называются монистическими (греч. *monos* — один). Если в качестве субстанции берется материальное начало, то это монизм материалистический; если за основу единства мира берется духовная субстанция, мысль, то это монизм идеалистический.*

*Монизму противостоит дуализм (лат. *dualis* — двойственный), согласно которому в основе мироздания две субстанции — материальная и духовная.*

Плюрализм объясняет единство мира исходя из множественности начал и субстанций.

В XX в. экзистенциализм и философия жизни (Хайдеггер, Сартр, Ортега-и-Гассет и др.) отвергают субстанциализм. Так, Ортега-и-Гассет утверждает, что ни «Я» не являюсь субстанцией, ни мир; «Я» и мир находятся в живой связи. «Я» — это тот, кто видит мир, а мир — это то, что видимо мною. «Я» существую для мира, а мир для меня. Поэтому первичным и фундаментальным явлением выступает совместное существование «Я» (субъективности) и мира. Подлинным бытием является не мое существование в мире (как считали идеалисты Нового времени), а мое существование с миром, т.е. моя жизнь. Жизнь — это дуга, соединяющая «Я» и мир. Нельзя говорить о первичности «Я» или первичности мира в отдельности, как это делают материалисты и идеалисты, ибо первично и то и другое. Так понятое бытие меняет содержание основного вопроса философии. Если в традиции субстанциализма философы исследовали, какая из реальностей (дух или материя) первична, а потому самая главная, то теперь надо исходить из того, какая реальность Универсума самая несомненная, самая надежная. С точки зрения Ортега-и-Гассета, это и не материя, и не мышление, и не Бог, и не субъект, а жизнь. Следовательно, ни идеализм, ни материализм не могут претендовать на истинность.

В истории философии вплоть до XX века развивались направления идеалистического и материалистического монизма, на базе которых формировались различные философские системы. Так, диалектико-материалистическая философия продолжает традицию материалистического монизма, в рамках которого категория «материя» является фундаментальной.

Рекомендуемая литература

1. Ильенков Э.В. Субстанция // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 5. — М., 1970.
2. Лешкевич Т.Г. Философия: вводный курс. — М., 2005.
3. Огурцов А.П. Субстанция // Философский энциклопедический словарь. — М., 1989.

Материя

Понятие материи в истории философии

Поиски материальной субстанции начались в античной философии, которая, как мы уже знаем, пыталась найти устойчивое основание жизни. Древние философы устремились на поиски единого, но такого, которое дано не чувствам, а уму. Не случайно Демокрит выколол себе глаза, чтобы чувственно-образный мир не мешал видеть подлинное, истинное бытие. В качестве такового Фалес признавал воду, Анаксимен и Диоген — воздух, Гераклит — огонь, Эмпедокл — сразу все названные стихии.

Почти все первые философы так или иначе находились в состоянии самоослепления: глаза видят землю, дерево, огонь и т.д., а каждый из них признавал в качестве первичного начала что-то одно, например огонь. Огонь, вода, воздух, земля объявлялись материальными началами и причинами вещей; из этих начал вещи возникают, из них состоят и в них, погибая, превращаются. Сами же материальные начала остаются неизменными. Например, Эмпедокл учил, что четыре названных элемента всегда сохраняются, никогда не возникают, но из них путем соединения или разъединения рождается все многообразие мира.

Аналогично рассуждал и Демокрит, учивший, что все состоит из атомов, как предельных оснований бытия. Атомы, притягиваясь и отталкиваясь по воле случая, порождают предметы и явления.

Античный материализм столкнулся с проблемой, суть которой сформулировал Аристотель. Допустим, что все происходит из одного или нескольких материальных начал. Но почему все происходит, что причина происхождения? Ведь сами материальные начала признаются неизменными! Более того, любой

материальный субстрат (вещество) не вызывает сам в себе собственную перемену. Например, ни дерево, ни медь, ни какое-либо другое вещество не могут сами из себя создать изваяние, ложе и т.д. Следовательно, делал вывод Аристотель, нечто другое есть причина изменения.

Материальных начал, считал Аристотель, недостаточно, чтобы вывести из них все существующее. Даже если предположить, что в качестве начал признаются, например, два вещественных (субстратных) основания — огонь и земля, то ни огонь, ни земля (при условии, что огонь — двигательное начало, а земля — движимое) не могут быть причиной того, что одни вещи прекрасные, а другие безобразные.

Аристотель поставил вопрос: почему начала одни и те же у совершенной вещи и несовершенной? Чтобы возникла вещь, считал он, надо, чтобы наряду с субстратом (веществом), из чего вещь делается, присутствовали еще следующие причины-начала: движущая (то, что движет и делает вещи); форма (проект делания, или вид, определение будущей вещи); цель (ради чего вещь делается). При этом материя не равнодушна к форме. Например, мрамор имеет определенную внутреннюю структуру, которая дает возможность изготовить из нее статую. Поэтому материя (вещество) включает в себе принцип формы: форма — это возможность делать, материя — возможность быть сделанным.

Но откуда появилась материя — вещество? Этот вопрос стал центральным в средневековой философии. Античный материализм постулировал тезис, согласно которому «из ничего не возникает ничего», следовательно, *материя вечно существует*. Средневековые философы отрицали саму возможность вечного существования материи, ибо вечность — это атрибут (неотъемлемый признак) Бога. Только он пребывает неизменно выше и вечно. До его творения ничего не было, и все существующее зависит от него. Поэтому проблема материи решалась как проблема отношения природы и Бога в плане творения.

Материализм XVIII в. отказывается от понятия Бога, и материя начинает рассматриваться как бытие, сопряженное с пространством. Пространство же понимается как математическое тело, т.е. такое, которое не содержит в себе ничего, кроме трех измерений. Оно объявляется всеобщим местом вещей, а материя сводится к «абстрактной чувственности геометра».

Диалектико-материалистическое учение о материи

Определение, данное В.И. Лениным, является общепризнанным в материализме. *Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них.*

О чем говорит это определение? Во-первых, о том, что главным свойством материи является свойство *быть объективной реальностью*, т.е. *существовать вне нашего сознания*. Этим признается первичность материи по отношению к сознанию.

Во-вторых, если признаком материальности является свойство «быть объективной реальностью», то никакие тела, вещи, процессы, как природные, так и произведенные человеком, не могут претендовать на свое исключительное право быть материей. Материя существует только во многообразии конкретных объектов. Люди открывают все новые и новые свойства природных тел и процессов, производят бесконечное множество не существующих в природе вещей. Это дает возможность утверждать, что *материя неисчерпаема*.

В-третьих, материя «копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями». *Этим признается принципиальная познаваемость материального мира*, что означает согласование, совпадение между собой содержания законов мышления и законов объективного мира. Объясняется факт этого согласования следующим образом: мышление — продукт человеческого мозга; но и человек, и его мозг — продукты природы, которые развиваются вместе с ней. Следовательно, в конечном счете мышление — продукт природы, а потому его законы совпадают с законами объективного мира.

Понятие «материя» выполняет ту же функцию, что и понятие «бытие» Парменида в античности или Бога в Средневековье: выступает гарантом существования мира. Дело в том, что материи приписываются те же характеристики, что и Богу: вечность, неуничтожимость, несотворенность. Следовательно, она может рассматриваться в качестве своеобразного обоснования существования не только материального мира, но и духовного. *Материальный мир развивается через взаимодействие вещей и процессов*. Это взаимодействие (а не Бог) выступает, согласно материализму, основанием мира. Другими словами, в вопросе о существовании здесь дается первое и последнее слово только и исключительно самым конкретным вещам. Это и есть

позиция науки. Наука и материализм имеют одно и то же понимание бытия: оно отождествляется с существованием чувственных вещей, а функция обоснования этого существования приписывается материи.

Строение материи

Материя неисчерпаема, т.е. многообразие конкретных объектов, в которых она существует, бесконечно. Но бесконечное содержание материи не хаотично; оно упорядоченно. Прежде всего можно говорить о строении материи на уровне неживой и живой природы.

В структуру материи на уровне неживой природы, с точки зрения современной науки, входят элементарные частицы, физический вакуум (особое состояние материи, где происходят сложные процессы появления и исчезновения элементарных частиц), атомы, звезды, молекулы, макротела, планеты, планетные системы, галактики (совокупность взаимосвязанных планетных систем и звезд), системы галактик, Метагалактики (система взаимодействующих скоплений галактик). Тайны строения материи, существующей за пределами элементарных частиц и Метагалактики, люди еще не познали.

Живая природа включает два уровня: биологический и социальный.

На биологическом уровне в структуру материи входят нуклеиновые кислоты (ДНК и РНК присутствуют в клетках всех живых организмов и выполняют важнейшие функции по хранению и передаче генетической информации); белки (доклеточный уровень жизни); клетки и одноклеточные организмы, многоклеточные организмы (растения и животные); популяции (совокупности особей одного вида, длительное время занимающие определенное пространство и воспроизводящие себя в потомстве; пример популяции — стая волков, стая рыб, муравейник); биоценозы (совокупность популяций, населяющих данный участок суши, воды и находящихся в определенной связи между собой и окружающей средой; пример биоценоза — лес, в котором популяции живущих в нем животных, растений, грибов, микроорганизмов взаимодействуют, образуя целостную равновесную систему); биосфера (глобальная система жизни, образованная в результате взаимодействия биоценозов).

На определенном этапе развития в биоценозе возникают особые популяции живых существ, которые благодаря своей способности к труду переходят с биологического уровня существования на социальный. В рамках биосферы возникает человеческое общество. *На социальном уровне* в структуре материи можно выделить следующие элементы: семья, классы, расы, нации и т.д. Обязательным условием функционирования как всего общества в целом, так и отдельных его элементов является духовная жизнь людей, их мышление и сознание. *Поэтому на социальном уровне материи вопрос о первичности социальных структур и вторичности сознания не может решаться жестко однозначно.*

Атрибуты материи: движение, пространство, время

Материя обладает многочисленными свойствами: несотворимость, неуничтожимость, познаваемость, неисчерпаемость строения и т.д. Но среди них есть такие, без которых она не может существовать. Эти свойства называются *атрибутами*. К ним относятся движение, пространство, время.

Движение обозначает любые взаимодействия, а также изменения состояний объектов, которые происходят в процессе этих взаимодействий. Поэтому движение есть изменение вообще.

Все вещи окружающего нас мира находятся в постоянном движении, изменении. Есть такие состояния движения, которые не изменяют качественных характеристик предметов. Например, все знают, что внутри предметов происходит «бешеная пляска» электронов и других элементарных частиц, но при этом внешний вид, место расположения предметов сохраняется неизменным. Мы воспринимаем их как находящиеся в покое. *Покой — это состояние движения, которое не нарушает качественной специфики предмета, его стабильности.*

Существуют состояния движения, которые приводят к изменению качественного состояния предметов. Здесь возможны два результата: распад предмета на более простые элементы (например, гниение) и, наоборот, образование нового, более сложного объекта. *Изменение, сопровождающееся появлением новых качественных состояний, которые представляют собой развертывание возможностей, скрытых в предшествующих качественных состояниях, называется развитием.* Например, в желуде скрыта

возможность стать дубом, и когда желудь попадает в благоприятные для него условия, эта возможность реализуется. Происходит процесс развития желудя в дуб.

Каждому структурному уровню материи соответствует своя *форма движения материи*: механическая, физическая, химическая, биологическая, социальная. Формы движения материи взаимосвязаны. Так, механическое движение обусловлено глубинными процессами взаимопревращения элементарных частиц, взаимовлияниями электромагнитных и гравитационных полей, сложными переплетениями сильных и слабых взаимодействий в микромире.

Взаимодействие форм движения материи лежит в основе развития Вселенной. Доказано, что в особенностях взаимодействия элементарных частиц заложена возможность появления человека. Так, электромагнитные взаимодействия имеют постоянную величину, числовое значение которой $1/137$. Благодаря именно такому ее значению образуются атомы, молекулы и в итоге — человек. Малейшее изменение этой величины сделало бы нашу Вселенную иной. Современная космология утверждает, что человек и общество есть такая структурная организация материи и движения, которая обусловлена взаимодействиями в масштабе всей Метагалактики. Поэтому социальная форма движения есть космическое явление.

Пространство — форма бытия материи, выражающая протяженность составляющих ее объектов, их строение из элементов и частей. Пространство нашего мира имеет три измерения, а потому его называют трехмерным. Оно является необходимым условием существования устойчивых систем, состоящих из двух тел. Если бы наше пространство имело больше размерностей, то планеты не смогли бы двигаться по замкнутым орбитам, а значит, не было бы планетных систем.

Время — форма бытия материи, выражающая длительность протекания процессов, последовательность смены состояний в ходе изменения и развития материальных систем. Человек научился измерять время, сравнивая различные процессы с одним, выбранным за образец (эталон). Например, мы сравниваем длительность суток с движением часовой и минутной стрелок часов. При этом один оборот по циферблату часовой стрелки мы условно называем «один час».

Но человеку свойственно и интуитивное чувство времени. В нас как бы встроены «биологические часы». И здесь нет ничего сверхъестественного, если учесть, что человек — закономерный итог развития

галактики, а потому может «чувствовать» ее ритмы. Медики открыли, что наши внутренние органы работают с разной степенью интенсивности в разное время суток. Между двумя и четырьмя часами ночи усиливается функционирование печени, очищающей организм от ядов, а в четыре часа ночи все органы снижают свою активность. Не случайно в это время чаще всего умирают больные люди. Обладает своими определенными ритмами и человеческий мозг. Знание этих ритмов необходимо для гигиены умственного труда.

В начале XX в. физика выявила глубокую связь между материей, пространством и временем. Оказалось, что *время есть четвертое измерение мира*, а пространственно-временной срез нашей Метагалактики характеризуется формулой $3 + 1$ (три пространственных измерения и одно временное). Эта фундаментальная характеристика определила материальное строение Метагалактики.

Современная наука считает, что могут существовать миры с другими пространственно-временными параметрами. Ученые предполагают, что при рождении нашей Метагалактики существовало десятимерное пространство — время. Четыре измерения (формула $3-4-1$) стали формами бытия материи на макроскопическом уровне, а шесть — определили структуру микромира, размеры которого меньше 10^{-33} см. Очевидно, что эта структура не имеет аналогов в макромире, в котором живет человек.

Время органически связано с материей и движением макромира. *Каждому структурному уровню материи соответствует специфическая форма пространства и времени.* Так, особенности биологического пространства — времени проявляются уже на уровне белковых молекул в форме асимметрии (нарушение полного соответствия в расположении частей целого относительно какого-то центра) «левого» и «правого» в группировках атомов. Живые системы образуются только из тех молекул, в которых имеется «левосторонняя» группировка. В неживой природе нет различия между «правыми» и «левыми». Камню все равно, где лежать: слева или справа. Растения же четко различают эти свойства пространства, что особенно видно на вьющихся растениях, завивающих спирали-усики только справа налево.

Имеет свою специфику и временная организация живого. Растения меняют длительность протекания в них биологических и химических процессов в зависимости от времени суток, погоды и т.д.

Свою специфику имеют пространство и время жизни общества. Человечество, в отличие от животных, сразу же начало

формировать особую пространственную сферу жизнедеятельности: изготавливать орудия труда, строить жилища и целые поселения, создавать пастбища, одомашнивать диких зверей и т.д. Рядом с неосвоенной природой появилась очеловеченная природа. Если в неживой и биологической формах материи пространство включает только связи предметов, то *в социальное пространство входит и отношение человека к предметам, к месту своего обитания*. Например, понятие «Родина» характеризует не только определенную территорию, место рождения и жизни человека, но и его отношение к этому месту: человек испытывает чувство любви к ландшафту (это могут быть лес, горы, море, океан, поля) и тоскует, если по какой-то причине вынужден жить в другом месте.

Социальное время — форма бытия общества, выражающая длительность исторических процессов, их смены, возникающих в ходе деятельности людей.

Социальные процессы имеют разную длительность. Родоплеменные общества и первые цивилизации древнего мира уходят корнями в толщу веков, составляющую несколько десятков тысяч лет. Средневековое общество просуществовало около 1400 лет, а современный способ жизни насчитывает всего около 300 лет. Смена этапов развития общества характеризуется убыстрением темпов социальных изменений, что нашло свое отражение в понимании времени.

Древние цивилизации воспринимали время как повторяющийся цикл, в котором особой ценностью обладало прошлое, хранящее необходимые для жизни навыки и знания. С появлением христианства временной цикл развернулся в линию, вектор которой был направлен в будущее.

Специфическое восприятие времени сформировалось капиталистическим способом производства. Погоня за прибылью требовала постоянной интенсификации труда, уплотнения событий и процессов, протекающих в единицы времени. Не случайно именно в эту эпоху была изобретена секундная стрелка как свидетельство ускорения ритма жизни. Начался бег времени, превышающий уровень биологического ритма человеческого организма и происходящих в нем физиологических процессов. Ускорение ритма социальной жизни продолжается, что негативно сказывается на здоровье людей.

Социальное время характеризуется не только неравномерностью протекания, но и многоуровневой структурой. В ней можно

выделить время, определяющее историю происхождения рода человеческого, время образования наций и народностей, время развития и смены целых эпох и формаций, а также время индивидуального бытия человека. В свою очередь индивидуальное бытие человека подразделяется на время детства, отрочества, юности, зрелости, старости. И в каждом из этих времен свой ритм и свои ценности. Например, в старости человек перестает спешить, усмиряет бег времени, а также чаще, чем в молодости, размышляет о смысле жизни, смерти.

Изложенное выше учение о материи базируется на ленинском ее определении. Но в настоящее время некоторые философы утверждают, что это определение содержит два взаимоисключающих суждения:

- материя независима от нашего сознания;
- материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях.

Первое суждение отрицает второе и наоборот. Тезис о независимости материи от сознания не так просто обосновать, как это кажется на первый взгляд. Не случайно поэтому еще представители русской религиозной философии относили первое суждение к разряду знаний, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

Материя как субстанция

Понимание материи как субстанции помогает вывести сознание из материи, сознанием не обладающей. Частично эту проблему решил уже Спиноза. Философия диалектического материализма продолжает традиции философии Спинозы, так как видит универсальное единство мира «в его материальности». Ленин подчеркивал, что необходимо «углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явления». Это значит, что материя должна трактоваться как субъект всех своих изменений, т.е. активная причина всех своих формообразований.

Материя, понятая как субстанция, является причиной самой себя и потому не нуждается в объяснении своего существования в деятельном субъекте (Бог, идея, разум и т.д.), находящемся вне ее и независимо от нее. Материя как субстанция не может быть сведена к какому-либо субстрату, ибо понятие субстанции обозначает причинное отношение объектов, их взаимодействие. Поэтому понимание материи как субстанции помогает понять ее

не как конечную причину, первоначало и т.д., а как универсальную причинную обусловленность объектов.

Понятие субстанции как причины самой себя можно раскрыть через взаимодействие материальных объектов. Взаимодействие в этом смысле является основой конкретного бытия объектов, их изменения и развития. Это и отмечал Ф. Энгельс: «...взаимодействие является истиной *causa finalis* (конечной причиной. — Т.М.) вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что его нечего больше познавать». В понимании материи как субстанции диалектико-материалистическая философия развивает традиции Спинозы и Гегеля. Следуя Спинозе, субстанция понимается как материя, а согласно философии Гегеля субстанция рассматривается как субъект всех своих изменений. Сознание, воля, мышление человека в этой связи трактуются как модусы субстанции, как способы ее саморазличения, сопровождающие ее саморазвитие.

В западноевропейской философии конца XX в. понятие субстанции подвергается критике. Оно трактуется как следствие противопоставления субъекта и объекта, а также специфической структуры европейских языков и т.д.

Рекомендуемая литература

1. *Гайденко П.П.* Бытие и разум // Вопросы философии. — 1987. № 9.
2. *Доброхотов А.Л.* Категория бытия в классической западноевропейской философии. — М., 1986.
3. *Лобанов С.Д.* Бытие и реальность. — М., 1999.
4. *Орынбеков М.С.* Проблема субстанции в философии и науке. — Алма-Ата, 1975.
5. Основы философии в вопросах и ответах: учеб. пособие для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Ростов н/Д., 1997. — Разд. III.
6. Фрагменты ранних греческих философов. — М., 1989. — С. 279–290.
7. *Хайдеггер М.* Время и бытие // Разговор на проселочной дороге. — М., 1991.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

Глава 6

Природа человека и смысл его существования. Человек и Космос

Природа и сущность человека

Размышления о том, кто есть человек, всегда были основными для философии. К чему бы ни обращалась мысль людей, оказывалось, что главное — это отношение человека к этим явлениям жизни, понимание им самого себя. Диапазон определений и оценок человека в истории очень широк. Аристотель в нем видел «разумное животное», американский просветитель Б. Франклин — животное, делающее орудия труда, Ф. Ницше — «больное животное», М. Шелер — «неудовлетворенное животное». Человека боготворили и, напротив, подчеркивали, что он «из праха произошел и в прах возвратится», и поэтому, как говорил царь Соломон, все «суета сует и томление духа». Жизнь человека то ничего не стоила, то рассматривалась как величайшая ценность.

Особенно очевидно это стало в конце XX в., когда появилась возможность самоуничтожения всего человечества и в то же время стало ясно, что единственная подлинная ценность — это человек.

Почему человек остается загадкой для самого себя? Почему, познав и даже «покорив» природу, познав в какой-то мере основные законы развития общества, человек чувствует себя неуверенно, жизнь его часто полна трагизма? Ответить на эти вопросы непросто, и первое, что нужно уяснить, — это парадоксальность познания человеком самого себя. Чтобы что-то изучить, надо как бы отойти в сторону, посмотреть на предмет изучения объективно, исключив субъективные чувства и эмоции. Так поступают естественные науки (физика, химия, биология). Может ли философская антропология, наука о человеке, изучать человека объективно, а если может, то до какой степени? В этом суть вопроса, в этом своеобразный парадокс самопознания человека. Античный мудрец Сократ оставил нам вечный девиз «Познай самого себя», хорошо понимая, что человек сам для себя является наиболее трудным предметом. Но вполне уместно задать вопрос: занимается ли философия познанием человека как такового или ее интересует особый, свой угол зрения на человека?

Очевидно, что человека изучают с разных сторон такие науки, как антропология, медицина, гигиена, психология и т.д. Вместе с педагогикой, юриспруденцией и рядом других дисциплин они составляют цикл человекознания. Философия в этом цикле играет особую роль, интегрируя все науки, давая синтетическую картину человека и выделяя понятие его сущности. Оно является центральным для философской антропологии, т.е. области философского знания, направленной на постижение феномена человека. Последняя возникла на рубеже XVIII и XIX вв. и получила особое развитие в XX в., причем не только как философское учение о человеке, но и как особый, специфический метод мышления, взгляд на мир с позиций человека, его природы и сущности.

Эти два основных понятия, т.е. «природа» и «сущность» человека, близки между собой по содержанию, но различаются по смыслу. Говоря о природе человека, мы стремимся постичь отличие человека от естественного бытия и прежде всего от животных. Это усматривается либо в каком-то одном, главном качестве человека, отличающем его от животных (разум, речь, воображение, религия, мораль), либо в комплексе качеств. Однако за тридцать столетий развития философской мысли так и не удалось объяснить человека исчерпывающим образом, исходя из какого-то одного качества или свойства. Феномен человека

как бы ускользал от анализа, всегда казался более загадочным, чем это представлялось вначале. Недаром в религиозном сознании сущность человека представляется тайной, которой владеет только Бог. Так или иначе, но, размышляя над качественной спецификой человека, сущностью его уникальности, приходишь к выводу, что, будучи частью природы, человек способен выходить за пределы ее закономерностей, возвышаться над миром, да и над самим собой. У человека нет какой-то одной, раз и навсегда данной ему «природы», так же как и неизменной «сущности». И то и другое — исторически изменяющиеся характеристики человека. Сказать, что человек по своей «природе» добр или зол, эгоистичен или альтруистичен, раб или царь, червь или частица Космоса, — значит выразить только частичное, абстрактное знание о человеке. Поэтому определения природы и сущности человека не исходный пункт для философии, а ее конечная цель. Более того, и природу, и сущность человека невозможно выразить в каком-то одном определении, даже самом широком, ибо эти понятия выражают коренное и неустрашимое противоречие человеческого бытия.

Суть его в двойственности человека, в принадлежности его к двум мирам одновременно — природе и обществу, телу и духу. Человек так или иначе решает эту проблему, которую можно назвать проблемой существования, экзистенции. Впервые в отчетливой форме проблему достижения гармонии между телом и духом, природой и обществом выразил около 1350 г. до н. э. египетский фараон Эхнатон и примерно в то же время европейский пророк Моисей, а между 600 и 500 гг. до н. э. об этом же говорили Лао-цзы в Китае, Будда в Индии, а в Персии Заратустра. Все они учили тому, как человеку стать человеком, как выйти за пределы своей природной ограниченности, как приблизиться к высшему смыслу жизни. Христианство и ислам, пятьсот и тысячу лет соответственно принесли эти идеи народам Средиземноморья, Европы и Азии.

Определение сущности человека неотделимо от обсуждения противоречий его существования, его бытия. К. Маркс усматривал сущность человека в *совокупности (ансамбле) общественных отношений, формирующих то или иное отношение человека к миру в разные исторические эпохи.* Чтобы понять, как, когда и почему возникают общественные отношения, необходимо обратиться к генезу (происхождению) человеческого рода, к ранним этапам его эволюции.

Возникновение человечества

Человек разумный сформировался около 50 тысяч лет назад, хотя предыстория человека уходит на глубину до 1,5–2 миллионов лет, когда на Земле появился человек прямоходящий. Произошло это в Восточной Африке в силу ряда причин, о которых до сих пор идет горячая дискуссия среди антропологов, биологов, экологов. Скорее всего, в это время создалось достаточно уникальное сочетание ряда факторов, среди которых и изменения климата, и колебания радиационного фона планеты, и возможные воздействия ближнего Космоса на Землю. Почти все согласны с тем, что этот процесс был длительным, знал свои скачки и периоды плавного развития. Очевидно также, что немало линий в эволюции приматов оказались тупиковыми, а их представители (например, неандерталец) вымерли. Современные генетики считают, что человечество произошло от так называемой «африканской Евы», — женщины, жившей в Африке примерно 100–200 тысяч лет назад.

Для философского осмысления данного процесса наиболее важен факт увеличения объема черепа и мозга в процессе эволюции. Во многом это было связано с переходом ко все большему потреблению пищи с высоким содержанием животного белка. Развивалась и обогащалась новыми связями прежде всего кора головного мозга, которая у современного человека имеет около 15 миллиардов нервных клеток. Этот процесс носит название «цефализация», и именно он обусловил предпосылки для развития речи, мышления и трудовых действий. Кроме того, для человеческого мозга очень характерна асимметрия полушарий, их функциональная специализация. Левое полушарие обеспечивает такие функции, как двигательное поведение, речь, абстрактное познание мира, а правое — непосредственное восприятие и эмоционально-чувственное познание мира. Это имеет отношение и к особенностям мышления и поведения людей в странах Востока и Запада, и к объяснению таких явлений, как право- и леворукость, восприятие времени и т.д.

Итак, природное развитие подготовило субстрат для возникновения принципиально нового, надбиологического, сверхприродного способа выживания и совершенствования человека. Этот способ носит название человеческой культуры. Ее сущность — в передаче по каналам информации способов общения индивидов

между собой, традиций, обычаев, обрядов и всего того, что выражается словом. В человеке, таким образом, два основных канала, обеспечивающих его жизнь и деятельность:

- генетический, лежащий в основе биологической эволюции;
- культурно-лингвистический, характеризующий специфику человека.

Именно второй обусловил и такую *важнейшую отличительную черту человека, как способность к труду*, к производству и тем самым к созданию человеческого общества.

Материальное производство создает мир культуры, т.е. природных объектов, измененных рукой человека в целях удовлетворения его потребностей. Эта «вторая природа» постепенно становится все шире и разнообразнее. В ее объектах воплощаются творчество человека, его физические и духовные способности. Такое производство обозначается понятием *«предметно-практическая деятельность»*, под которой понимается *целесообразный труд, реализующийся в создании продукта, полезного для человека*.

Однако материальное производство имеет и другую сторону — *производство и воспроизводство самого человека*, т.е. деторождение, воспитание, социализацию человека и все, что связано с этими процессами. На заре развития общества, в ходе антропогенеза (т.е. становления человека и общества) обе эти стороны производства были в сложном, противоречивом соотношении. Человек изготавливал орудия труда, которые были оружием для охоты, а также, очевидно, использовались и во внутристадных конфликтах. Возможность самоистребления первобытного стада была весьма вероятной, что позволяет сделать вывод о настоятельной необходимости перехода от «животнообразных» форм труда и регуляции брачных отношений внутри стада к принципиально новым общественным отношениям, характеризующим переход от стада к роду и общине.

Огромную роль в этом процессе сыграло развитие языка как специфически человеческого канала общения и основы для успешной предметно-практической деятельности. Без названия предметов и явлений, без их обозначения невозможно было бы развитие производства и общения и тем самым социальности той «ткани», которая объединяла первобытных людей и разделяла «наших» и «чужих», вредное и полезное, священное и обыденное. В языковой форме были реализованы первые примитивные

формы верований — фетишизм, тотемизм, магия, анимизм. Язык в этом смысле не только отражал мир, но и творил его.

Существенную роль в процессе социализации сыграл и *переход от эндогамной организации животного стада к брачно-семейным отношениям*. Стадо человекообразных обезьян основано на принципе «гаремной организации» и соперничества самцов за обладание самкой. Все половые связи ограничиваются стадом (отсюда эндогамия, т.е. брачные связи внутри сообщества). Связи с особями соседних стад (экзогамия) были практически исключены. Интересно, что одним из самых древних запретов, принявшим затем форму абсолютного морального запрета (табу), было кровосмешение и обязательный поиск брачного партнера в других общинах. Очевидно, это имело решающее значение для выживания и дальнейшей эволюции человека, ибо потомство от близкородственных браков наиболее восприимчиво к мутагенным факторам (радиации, воздействию химических веществ и др.). Возможно, что в развитии экзогамии большую роль сыграла потребность во внутривидном мире, без чего была невысказана успешная производственная деятельность и само выживание. На этих ранних этапах антропосоциогенеза такая потребность осознавалась в форме тотемного культа, когда тотем мыслился как прародитель группы, от которого она получила свое имя (чаще всего животное или растение). Единство членов рода со своим тотемом делало его священным. На этом примере хорошо прослеживается процесс «снятия» биологических, природных закономерностей новыми социальными и религиозно-нравственными связями.

Этот процесс животноеобразных форм регуляции жизни, основанных на принципах биологического отбора и «права» сильнейшего, был длительным и глубоко противоречивым. Половые и пищевые запреты (табу), вероятно, являлись древнейшими формами регуляции поведения человека, которые выступали своеобразным «руководством к действию», основанным на опыте предков. Табу были универсальными запретами, которые касались всех членов рода — мужчин и женщин, сильных и слабых, старейшин и детей. Нарушение табу (например, поедание пищи, предназначенной только для вождя) влекло за собой немедленную смерть, причем чаще всего это было самоубийство. Таким образом, преодолевался даже биологический инстинкт самосохранения. Хотя примеры самопожертвования есть и в мире животных, но именно для че-

ловека добровольное самоограничение (голодание и пр.) или самоповреждение и самоубийство во имя идеальной цели наиболее типичны. История полна таких примеров, что далеко не всегда можно объяснить с позиций разума. Более того, человек, преступивший закон рода или племени, становился изгоем, вынужден был покинуть общину, обрекая себя на смерть. «Закон предков» до сих пор необычайно силен, особенно для общества, где преобладает патриархальная мораль, скажем, в виде кровной мести, выкупа невесты и др.

Говоря о становлении моральной регуляции поведения человека, о «проясняющемся» его сознании, нельзя не остановиться на отношении к смерти как важнейшей вехе в жизни.

Для становления человека огромное значение имело осознание факта смерти, что видно по ритуальным погребениям уже в эпоху палеолита. Очевидно, что в сознании первобытного человека очень рано произошло разделение мира на мир реальный и потусторонний, земной и сверхъестественный. Снаряжение покойника в мир иной говорит о примитивных представлениях о душе и теле, о путешествии души в загробном мире, о ее влиянии на оставшихся в живых. Культ умерших предков был практически у всех народов, равно как и надделение душой всех предметов материального мира (анимизм). Скорее всего, это раздвоение мира и основанные на нем приемы магии, обряды фетишизма и тотемизма были необходимым и обязательным компонентом процесса приспособления первобытного человека к суровым условиям окружающей среды. Римский поэт Стаций сказал: «Страх создал богов». Хотя, видимо, не только и не столько страх, сколько потребность в выживании и сохранении рода была тем питательным раствором, из которого кристаллизовались элементы первобытной религии.

Особо надо остановиться на проблеме отношения первобытного человека к убийству. В западной антропологической литературе распространено представление о человеке как о «сверхубийце», который является единственным представителем живого, убивающего себе подобных в значительных масштабах. В первобытных общинах существовал строжайший запрет на убийство сородича, что вовсе не исключало убийство чужака, иноплеменника. Достаточно распространено было людоедство и членовредительство, жестокое насилие и коварство. С другой стороны, в большинстве культур Востока был очень рано освещен принцип индуизма

«ахинса», т.е. непричинение зла всему живому и абсолютный отказ от убийства. Человек как бы выступал в двух обликах — «зверя» и «ангела», между которыми шла постоянная борьба. В разные эпохи выходил на первый план то один, то другой облик человека, но чаще всего человек представлялся в виде существа, которое в муках рождается, в страхе и тревоге проводит свои дни, в поте лица трудится, в грязи заканчивает свою жизнь и ждут его черви в могиле. Он рождается, чтобы умирать, а между этими крайними точками лежит страдание, преодоление которого составило суть буддизма.

Одной из самых отличительных черт первобытной общины была забота о старых и больных сородичах, что необъяснимо с точки зрения биологической целесообразности. Человеческий род как бы нес на себе все более и более тяжкий груз нетрудоспособных людей, не могущих обеспечить самих себя пищей и другими средствами поддержания существования. Но, как показывает история, там, где общество становилось на путь «устранения лишних ртов» и селекции людей по принципу выживания сильного, там рано или поздно наступала деградация. Немалое число великих были в раннем детстве крайне слабыми, болезненными и явно нежизнеспособными. В их числе Ньютон и Кеплер, Бэкон и Гумбольдт, Руссо и Шиллер, Гюго и Диккенс, Лермонтов и Гоголь, Достоевский и Чехов, Гейне и Шопен. Показательно, что в суровой, мужественной Спарте тщедушных и хилых младенцев сбрасывали со скалы по законам Ликурга, а в изнеженных аристократических Афинах им сохраняли жизнь. Спарта не дала миру ни одного гения, кроме полководцев, а Афины на века прославили античность именами Сократа и Платона, Гиппократ и Аристотеля, Поликлета и Фидия. В этом своеобразный парадокс развития человечества, загадка его бытия и существования. Современная антропология подтверждает гипотезу, что в первобытном обществе выживали не самые сильные, а самые умные и самые заботливые.

Теперь рассмотрим более детально специфическую форму человеческой деятельности — труд. *Под трудом обычно понимается целесообразная деятельность человека, направленная на преобразование природы в целях удовлетворения своих потребностей.* В философском смысле происхождение труда и его первоначальная эволюция интересны прежде всего тем, что в этом процессе закладывались основа коллективного взаимодействия людей, со-

циально-психологические стереотипы их поведения. Понятно, что на самых ранних этапах доминировало естественное присвоение плодов земных, хотя природа уже выступала и как условие зарождающегося производства, как арсенал средств труда. Первый тип отношений наших предков с природой можно обозначить как пользование. Оно вызвало к жизни первые примитивные формы осознания таких явлений, как собственность и власть.

Зачатки будущей собственности возникали, по-видимому, как определенная форма отношений между «мы» и «они» (т.е. другое племя) по поводу источников пищи. Следующий шаг, очевидно, был связан с развитием владения, т.е. длительного целенаправленного пользования, например, огнем как достоянием всей родовой общины или запасами продовольствия, «общим котлом». В этот период формируются специфические мужские и женские виды собственности. Наконец, с развитием производства, установлением регулярных обменов продуктами питания с соседними общинами появляется феномен распоряжения результатами производства, из чего вырастает торговля. Этот процесс особенно ускорился в период «неолитической революции», когда человечество переходило от собирательства к земледелию, скотоводству и ремеслу. Последнее предполагало оседлый образ жизни, возникновение постоянных поселений, а затем и городов.

Понятно, что развитие форм собственности неотделимо от форм власти в первобытном обществе и способов ее выражения. Институт власти не был выражением силы и насилия, подобно «власти» доминирующего самца в стаде обезьян. Власть в первобытной общине не только и не столько использовала силу, сколько поддерживалась существованием священных запретов — табу и опиралась на авторитет высших сил (родового тотема, духов предков и т.д.). Взаимосвязь природного и социального в феномене власти выражалась в том, что к вождю племени предъявлялись высокие требования в плане физического совершенства, нравственных качеств и т.д. Власть и ее носители (вожди, старейшины) не только «распоряжались», но и занимали ключевое положение в сфере обучения и воспитания подрастающего поколения, обеспечивали то, что называется социализацией человека. В этом была основная роль власти в первобытной общине.

Двойственность человека, его принадлежность одновременно и к миру природы, и к миру общества осознавалась, очевидно, уже на самых ранних этапах человеческой истории в понятиях

«тела и духа». Телесность человека рассматривалась как его причастность к природе, земле, праху. Недаром христианство и ислам рассматривают человека как прах земной, которого Бог наделил душой. Апостол Павел делил всех людей на телесных, душевных и духовных, причем духовное начало в человеке — от приобщения к Богу. Телесное и душевное должно быть подчинено духовному, и в этом видится смысл христианской жизни. Такое понимание специфики жизни тела человека, принятое в основных мировых религиях (христианство и ислам), было реакцией на языческий образ тела, наиболее ярко представленный в искусстве античной Греции и Рима. Для греков Космос представлялся огромным, хорошо организованным телом, а человека они считали микрокосмосом, воплощающим в себе все богатство макрокосмоса. Так или иначе, но каждая эпоха, каждая цивилизация по-своему понимала специфику человеческого тела и соотношение тела и духа. Это имеет немалое значение для осмысления таких явлений в жизни человека, как Жизнь, Смерть, Болезнь, Страх, Вера, Ненависть, Тоска, Эрос. Эти понятия относятся к экзистенциальным сущностям человеческой жизни.

Телесные качества человека всегда привлекали пристальное внимание, ибо по ним отличали «своих» от «чужих». Прежде всего это относится к расе. Суть расовых различий заключается в том, что группы людей, населяющих разные регионы планеты, в процессе адаптации к условиям окружающей среды приобрели специфические анатомо-физиологические признаки (цвет кожи, разрез глаз, форму зубов, группы крови, особенности кожного рисунка на кончиках пальцев, специфику вкусовых ощущений и др.).

Три основные расы — европеоидная, негроидная и монголоидная, а также австралоидная и американоидная — принадлежат к одному человеческому роду, тем более что большая часть человечества произошла в результате смешения рас. Особенно наглядно это проявляется у народов, населяющих Северную и Южную Америку. Представление о превосходстве той или иной расы над другой либо о «чистоте» расы не имеет отношения к действительности и, как правило, служит для оправдания насилия и экспансии. Внешние, телесные признаки в определенной степени отличают друг от друга и различные народы (этнос), хотя вряд ли их можно считать основными.

В гораздо большей степени человеческая телесность дифференцирована по полу. Отличительные признаки мужского и жен-

ского тела настолько очевидны, что служат, как правило, первой приметой незнакомого человека. Женское тело «информативнее» и «душевнее» мужского, оно в большей степени отражает родовые особенности человека. В то же время в античном мире идеалом было мужское тело, запечатленное на века в так называемом «каноне Лисиппа». Тело человека рассматривалось как пространство для нанесения «социальных меток». Татуировка, искусственное изменение формы носа, ушей, шеи, конечностей, обрезание — все это символизировало принадлежность человека к тому или иному роду, группе, касте и пр. Одежда также выполняла роль особого социального признака, как бы подчеркивающего особенности тела. Своеобразной приметой культуры конца XX в. стало стремление к унификации пола, к бисексуальности, в которой ряд западных антропологов видит будущее человечества.

В Книге рекордов Гиннеса приводятся интересные данные о своеобразных телесных рекордах человека. Так, пакистанец Мухаммед Чанна имеет рост 2 м 57 см, а доминиканец Нельсон де ла Роса всего — 71 см. Вальтер Хадсон из Нью-Йорка весит более 540 кг, а его соотечественница Роза Карненолла — 386 кг.

Однако надо помнить, что понять специфику телесной организации человека исходя из его физических характеристик невозможно. К чему приводит такой редуccionистский подход, видно из полушутливого определения человека с точки зрения химии:

«Человек есть не что иное, как:

- жир, в достаточном количестве для семи кусков мыла;
- известь, в достаточном количестве, чтобы покрасить курятник;
- фосфор, в достаточном количестве, чтобы сделать 2 200 спичек;
- железо, в достаточном количестве для одного гвоздя среднего размера;
- магний, в достаточном количестве для одной фотовспышки;
- сахар, в достаточном количестве для семи чашек чая;
- сера, в достаточном количестве, чтобы избавить одного пса от блох».

Невероятная пластичность человеческого тела хорошо известна, а то, чего добиваются в этом отношении сторонники йоги или культуристы, граничит с чудом. И тело, и дух в равной степени характеризуют человека, поэтому считать, что он обречен на вечную борьбу «низких» влечений тела с высокими духовными порывами, было бы искажением природы и сущности человека.

Предназначение человека, смысл его жизни

Рассматривая эту сложнейшую проблему, надо отметить, что существуют два принципиально различных пути объяснения вечных вопросов жизни и смерти. *Первый подход можно обозначить как объективистский.* Он связан с именами таких философов, как Б. Спиноза, П. Гольбах, Г. В.Ф. Гегель, П. Лафарг, с догматикой иудаизма, христианства и ислама и отчасти с установками естествознания XIX в. В его основе лежит представление об изначальном Миропорядке, при котором уже заранее предначертаны все акты любой общественной и личной судьбы, «расписаны» все события мировой истории. В данном случае не так уж важно, кто «управляет» миром — Бог, Дух, Космический разум, объективная реальность, законы Природы и т.д. Важно, что человек должен лишь осознать этот Порядок и найти в его недрах, в его устройстве зазор для «относительной самостоятельности», которую он будет считать свободой.

Второй подход во главу угла ставит субъективность человека, его самодеятельность, творчество. Сущность его хорошо выражают афоризмы: «Человек — мерило всем вещам» (Протагор), «Человек — творец самого себя» (Пико делла Мирандола), «Человек непрерывно перерастает человека» (Б. Паскаль).

Разумеется, в «чистом виде» эти подходы характеризуют полярные позиции, и в реальной жизни приходится считаться и с объективными условиями бытия и с миром своих субъективных творческих потенций. Человек в одно и то же время может рассматриваться и как объект (а иногда даже как игрушка в руках чуждых ему сил), и как субъект, как уникальное и неповторимое (и телесно, и духовно) создание Природы и Общества.

Великий немецкий философ И. Кант сформулировал еще в конце XVIII в. четыре основных вопроса, на которые необходимо дать ответ любому мыслителю, постигающему сущность человека и человечества:

- Что я могу знать?
- Что я должен делать?
- На что я смею надеяться?
- Что такое человек?

Он считал, что на первый вопрос должна ответить метафизика (т.е. философия), на второй — мораль, на третий — религия, на четвертый — антропология. Философу прежде всего следует

определить источники человеческого знания, объем возможного и полезного применения всякого знания и, наконец, границы разума. Попытаемся, если не ответить, то обозначить пределы ответов на кантовские вопросы для человека начала XXI в.

Человек в современном мире, сохраняя все то, что было присуще людям прошлых эпох, тем не менее начинает все более и более осознавать уникальность ситуации начала века. Современный мир, отягощенный глобальными проблемами, ставит все человечество и каждого отдельного человека в положение, когда надо либо принять принципиально новые способы выживания, существования и развития, либо деградировать как вид. Недаром предметом размышления ученых, философов, мудрецов все чаще и чаще становятся непредсказуемые процессы, отклонения от «нормы», нестабильность и т.п. В этом одна из особенностей современности, ставшая предметом изучения.

Итак, *что может знать человек и как ему распорядиться своим знанием?* На первый взгляд может показаться, что любой современный школьник знает больше, чем прославленные мудрецы прошлого. Действительно, человечество узнало о мире и себе в XX в. неизмеримо больше, чем за все предыдущие столетия. Тем не менее величайшие мыслители нашего времени Толстой и Ганди, Фрейд и Ясперс, Эйнштейн и Рассел, Вл. Соловьев и Бердяев, Швейцер и Сахаров испытывали глубочайшую неудовлетворенность уровнем знаний человечества, видели, что познание не только не принесло ему счастья, но и поставило на край пропасти. Не случайно невежество продолжает оставаться «демонической силой» и в XXI в. и способно погубить мир. Прорыв к неизведанным глубинам познания, к сфере бессознательного и интуитивного чреват новыми потрясениями для человека. Богиня мудрости Минерва сейчас явно не в почете. Человечество как бы ужаснулось той бездне, которая открылась перед познающим разумом. «Все труды человека — для рта его, а душа его не насыщается», — говорил царь Соломон еще три тысячелетия назад. Плоды познания мира человеком обращаются против него самого, ибо, как говорил евангелист Марк: «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит?».

Познание истины действительно делает человека свободным, о чем знали еще древние мудрецы, но вопрос заключается в определении того, что есть истина.

Еще античный философ Гераклит заметил, что «многознание уму не научает» и задача человека — в постижении мудрости и в понимании мира и самого себя. «Всякий поступай по удостоверению своего ума», — советовал апостол Павел. Христианство исходит из того, что «немудрое Божие премудрее человеков», ибо людям не дано постигнуть истинный мир вещей и обрести знание. Ум человеческий несовершенен и, как говорил один из героев Ф.М. Достоевского, «если Бога нет, то все дозволено». Эту опасность остро почувствовали еще в середине XX в. выдающиеся мыслители и ученые Рассел и Эйнштейн. Осознав возможность самоуничтожения человечества в результате открытий в области термоядерной энергии, они выступили с призывом: «Помните, что вы люди, и забудьте обо всем остальном». В сознании людей нашего поколения все более и более утверждается идея о том, что сам по себе научно-технический и технологический прогресс, само познание и знание еще не гарантируют счастливое будущее, и необходима выработка человеческой, гуманистической меры самого прогресса.

Понимание этого приводит к рассмотрению круга проблем второго вопроса Канта.

Вопрос о том, что должен делать человек (или чего он не должен делать никогда и ни при каких условиях), принадлежит к числу важнейших. Еще древние понимали, что вера без дел мертва, а суть человека выявляется в его деяниях и поступках. Автор Екклесиаста учил: «Все, что может рука твоя делать, по силам делай, потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости». Однако главное — *не масштаб* деятельности человека и *не область*, в которой он трудится, а *смысл* его деятельности, в котором преодолевается «суета сует» повседневной жизни. В истории человеческой мысли можно найти разные подходы к определению смысла и содержания деятельности человека. Среди них есть идеал недеяния, т.е. отказ от деятельности, от активного вмешательства в жизнь. Эту позицию развивали мудрецы Древнего Китая и Индии, некоторые мыслители античного мира (Пиррон). Они считали, что идеалом жизни человека должны быть атаксия (безмятежность) и апатия, или «тишина». В русской литературной классике этот подход выражен в образе Обломова. У японцев есть пословица: «Прежде чем что-то написать, подумай о том, как прекрасен чистый лист бумаги».

С другой стороны, в XVIII—XIX вв. в европейской мысли сформировался подход, в основе которого лежала идея активного пре-

образования, переделки природы, общества и человека на базе рационального метода познания мира. Доведенная до логического конца, она преобразилась в концепцию «покорения» природы, что привело к экологическому кризису в конце XX в.

Эта проблема имеет не только прагматическое, но и гораздо более важное моральное значение, ибо в поступке прежде всего нужно видеть определенную моральную цель. В плане моральной оценки различают благодеяние и злодеяние, хотя, разумеется, есть и морально нейтральные действия, не подлежащие оценке в терминах добра и зла. Еще на заре цивилизации человечество выработало «золотое правило» нравственности. Оно встречается в учении Конфуция, в древнеиндийской «Махабхарате», в буддизме, в Библии и Коране, в «Одиссее» Гомера и других литературных памятниках. Его наиболее распространенная формулировка: «(не) поступай по отношению к другим так, как ты (не) хотел бы, чтобы они поступили по отношению к тебе». Развивая эту идею, Кант считал, что человека никогда нельзя делать средством достижения каких-то целей, он сам должен быть целью общественного развития. «Категорический императив», сформулированный им, гласит: поступай только согласно такой максиме (правилу), руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим моральным законом (т.е. чтобы все люди могли ему следовать). Пределы деятельности человека обозначены достаточно точно — нельзя причинять вред или ущерб ни себе, ни другим людям, а основой всей жизни должна быть взаимная любовь в духе евангельских заповедей Христа. Человек не может также посягать на цельность Природы, не может в ней «хозяйничать» по своему произволу. Так или иначе, эта позиция требует либо признания Бога в качестве творца, волю которого нельзя произвольно нарушать, либо абсолютных общечеловеческих ценностей, имеющих такой же статус.

Разумеется, все мудрецы отдавали себе отчет в том, что существует «хитрость разума» и ирония истории, выражающая в сентенции, что дорога в ад устлана добрыми намерениями. То, что цель и замысел, даже самые мудрые и прекрасные, трагически не соответствуют полученному результату, никогда не было тайной. Люди всегда старались понять, как и почему добрый замысел обращался во зло даже вопреки их воле; почему деятельность, направленная на созидание, оборачивалась разрушением. Например, научно-техническая революция, способная обеспечить человечество

средствами для благополучного существования, привела его на край пропасти из-за возникших глобальных проблем. Созидательный потенциал многих социальных революций, основанный на прекрасных идеях справедливости, зачастую оборачивался тотальным разрушением и человека, и общества. Вот почему именно сейчас так остро стоит вечная проблема: пределы деятельности человека, вмешательства его в природу, Космос и самого себя. Все больше ученых, политиков, религиозных деятелей приходят к выводу о необходимости перехода человечества от безудержной экспансии к сознательному самоограничению во всех сферах деятельности.

Еще более сложно ответить на третий вопрос Канта: на что я смею надеяться? Особенно актуально это сейчас для россиян, переживающих один из труднейших периодов своей истории. Суть вопроса проста — можно ли надеяться на собственный разум, волю, труд, солидарность людей или же надо уповать на авторитет Творца, Бога, Космического разума, т.е. на надчеловеческую силу? Здесь мы сталкиваемся с проблемой соотношения человека и Бога, веры и разума, науки и религии. Трагизм многих жизненных ситуаций и страх неминуемо предстоящей смерти приводили к надежде на бессмертие в мире ином, мире загробном, где будет всем воздано по заслугам, где Божий суд установит наконец высшую справедливость. Очевидно, что неопределенность исхода многих дел и начинаний людских, непредсказуемость событий и действий не зависящих от человека сил являются мощным основанием для надежды на Тайну, Чудо и Авторитет. Люди всегда поклонялись носителям тайны, чудотворцам и облеченным авторитетом, ибо в них видели надежду на спасение, если не в земном мире, то в небесном.

С другой стороны, вызревала и набирала силу тенденция, отвергающая надежду на упование на высшие силы. Свободомыслие и атеизм предлагали в качестве альтернативы надежду человека на самого себя, свои силы, на групповую солидарность. Еще в эпоху Возрождения была развита концепция человекобога, опирающегося на свои силы и потенции: «Человек человеку бог» или «Нет бога, кроме человека» (фейербаховский атеизм); «Бог есть человек» (энгельсовский атеизм); «Человек есть высшее существо для человека» (марксовский атеизм); «Все для человека, все ради человека» (советский атеизм). В реальной жизни люди более всего связывали свои надежды с той социальной группой, к которой

они себя относили. Прежде всего это этнос, нация, группа единоверцев или семейный клан, короче говоря, о ком человек может сказать «мы». Вообще к ним могут быть отнесены все соотечественники или, как еще говорят, «люди доброй воли». Идеал общечеловеческой солидарности без апелляции к высшим силам получал все большую поддержку с ходом осознания себя человечеством единым целым, с нарастанием опасности глобальных проблем. В последние годы получило распространение мнение, что жителям Земли можно надеяться на помощь внеземных цивилизаций, пришельцев из Космоса, которые не допустят термоядерной или экологической катастрофы и научат неразумное человечество правилам Космической этики.

Четвертый вопрос Канта как бы резюмирует первые три, вбирая в себя все основные вопросы бытия и существования человека. Попробуем подытожить то, к чему пришла философия за почти три тысячи лет своего существования, отвечая на вопрос: *что такое человек?*

Человек — уникальное создание Вселенной. Если даже считаться с гипотезой о существовании «снежного» человека или гуманоидов — космических пришельцев, то надо признать, что вид Человек разумный — неповторимое творение. Он — продукт Природы, плод биологической эволюции. Но человек в своей истории в основном вышел из-под действия чисто биологических закономерностей. Вне общества человеческий детеныш остается животным, да еще самым не приспособленным к среде. Биологический «замок» человеческого мозга открывается только «ключом», находящимся в общении людей.

Человек производит орудия труда и использует их как свое «неорганическое» тело для производства материальных благ. Воспроизводя самих себя и орудия труда, создавая мир человека и мир вещей, люди вступают в общественные отношения, которые оказывают определяющее воздействие на их жизнь и деятельность.

Человек — существо общительное, создающее в ходе своего исторического развития особый тип общности, принципиально отличный от стаи или стада. Люди сознательно идентифицируют себя с племенем, родом, народностью, нацией, семьей, кланом, единоверцами, единомышленниками, сверстниками, участниками тех или иных событий и т.д. При этом возникает тот или иной тип ответственности, та или иная форма социальной организации, основанная на разных типах собственности и власти.

Человек не имеет заранее определенной жесткой программы жизнедеятельности, а реализует себя в той или иной степени свободно, руководствуясь теми или иными нравственными запретами и предписаниями. Он способен различать добро и зло и принимать решения на основе ответственности за себя и других и своей совести.

Человек в своей деятельности выходит за рамки утилитарных потребностей, круг повседневных забот, преодолевая даже в самые трудные времена ограниченность своего существования. Создавая миф, сказку, песню, музыку, рисунок, скульптуру, украшая себя и свое жилище, охраняя и поддерживая ритуал, человек творит мир духовной культуры, мир идеалов и ценностей.

Человеческая жизнь не имеет какого-либо заранее заданного смысла, который, очевидно, нужно искать не в прошлом, не в ретроспекции, а в настоящем и будущем. Смысл создается человеком, творится им каждый миг и поэтому есть глубокий смысл в сентенции: «Живи так, как будто через пять минут умрешь».

Человек и Космос

Важнейшим аспектом проблемы человека является выяснение его места и роли в природном Универсуме и Космосе. Под природой понимается совокупность всего сущего в материальном мире и противоположность духовным явлениям и феноменам культуры и цивилизации. Природа является объектом естествознания. Представления о природе, как пространстве для развертывания человеческих сущностных сил, были особенно актуальны в XIX в., когда успехи естествознания давали надежду на использование сил природы для удовлетворения потребностей человека. Научно-рационалистический подход к природе превращал ее в постоянный объект для усилий человека с целью выживания и обеспечения элементарного существования. Используя вещество и энергию природных объектов, человек, в сущности, постоянно боролся с природой, отстаивая свою жизнь, свое право на бытие.

Экологический кризис, поставивший под вопрос выживание и дальнейшее развитие человечества, заставляет по-новому взглянуть на природу и ее эволюцию. Ряд исследователей считают, что наша Земля — это «живая планета Гея», способная регулировать

физические условия в масштабе всего организма планеты. Планета сейчас «больна» человеком, и речь должна идти об исцелении от «человекоцентризма», о переориентации всей жизни человечества на спасение Земли по принципу выведения «счастья человека» из «счастья планеты». Эти идеи высказывались еще в начале и середине XX в. в концепциях выхода человека в Космос (К.Э. Циолковский), перехода биосферы в ноосферу (В.И. Вернадский), «благоговения перед жизнью» (А. Швейцер), устойчивого развития на основе коренной переоценки нынешних представлений о самом себе и своих ценностях («восемь смертных грехов цивилизованного человечества») (К. Лоренц) и др.

Образ природы в религии основан на понимании роли и места человека в природе как «тварного» существа, призванного не изменять природу по своему усмотрению на основании гордыни разума, а жить в гармонии с «Божьим миром», относиться к природе с благоговением, беречь и приумножать ее ресурсы. В высшей степени это относится к живой природе, к нашим «братьям меньшим», в духе принципа «непричинения зла живому» и «благоговения перед жизнью». Все природные явления и процессы воспринимаются как символические и сакральные. Для человека гораздо важнее «быть», а не «иметь».

Поэтому при анализе отношения человека к природе следует учитывать, с одной стороны, природное происхождение человека, его генетическое родство со всем миром живого, и прежде всего гоминидами, а с другой стороны, принципиальную выделенность человека, его возвышение над природой и принадлежность к миру культуры. Человеческое поведение определяется не инстинктами, а является актом свободной воли. Последнее обстоятельство несет в себе возможность хищнического отношения к природе, что вызвало современный экологический кризис.

Выход человечества в ближний Космос, в Макромир, по новому поставил многие традиционные философские проблемы. Макромир — та часть единого материального мира, которая представлена звездами, галактиками, планетами и другими космическими телами, — изучается астрономией и космологией. В современных представлениях о макромире имеются модели «ветвящихся», параллельных вселенных; разработана гипотеза Большого взрыва и нестационарных процессов, идущих во Вселенной. Человечество все более соотносит свое развитие с ритмами и закономерностями Космоса.

Рекомендуемая литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. — М., 1993.
2. Великие мыслители о великих вопросах: современная западная философия. — М., 2000.
3. Гроувс К.П. Происхождение современного человека // Человек. 1996. № 3.
4. Гудинг Д., Леннокс Дж. Мировоззрение: человек в поисках истины и реальности. — Ярославль, 2004.
5. Гуревич П.С. Философия человека. — М., 1999.
6. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — М., 1990.
7. Проблема человека в западной философии. — М., 1988.
8. Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. — М., 1991.
9. Философия: учеб. пособие для вузов / под ред. В.П. Кохановского. — Ростов н/Д, 2008. Гл. V.
10. Феномен человека: антология. — М., 1993.
11. Фромм Э. Догмат о Христе. — М., 1998.

Свобода и ответственность личности. Ценности

Индивид — индивидуальность — личность

Понятие личности относится к числу сложнейших в человекознании. В русском языке издавна употребляется термин «лик» для характеристики изображения лица на иконе. В европейских языках слово «личность» восходит к латинскому понятию «персона», что означало маску актера в театре, социальную роль человека как некоего целостного существа, особенно в юридическом смысле. Раб не рассматривался как персона. Выражение «потерять лицо», которое есть во многих языках, означает утрату своего места и статуса в определенной иерархии.

Начинать изучение проблемы личности надо с *индивида — неделимой дальше частицы какого-либо целого*. Но этот своеобразный социальный атом, *отдельный человек, рассматривается не только как единичный представитель рода человеческого, но и как член какой-то социальной группы*. Это самая простая и абстрактная характеристика человека, говорящая лишь о том, что он отделен (прежде всего телесно) от других индивидов. Гораздо содержательнее другой термин — «индивидуальность», обозначающий *уникальность и неповторимость человека во всем богатстве его личностных качеств и свойств*. Схематически это выглядит так: человек выступает сначала как особь, «случайный индивид», затем как социальный индивид, персонифицированная социальная группа (сословный индивид) и, наконец, как *личность, вбирающая в себя все многообразие социальных связей и отношений*.

Сущность «особой личности», по словам К. Маркса, составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальные качества. Но свойства личности никак не сводят-

ся к ее индивидуальным особенностям. Личность тем значительнее, чем больше в ее индивидуальном преломлении представлено всеобщих, общечеловеческих характеристик. Индивидуальные свойства личности — это не то же, что личностные свойства индивида, т.е. свойства, характеризующие его как личность.

Становление личности и ее формы

Чтобы разобраться в этих вопросах, необходимо обратиться к проблеме генезиса, происхождения личностных особенностей человека. Прежде всего возникает вопрос — когда рождается личность, что этому способствует или препятствует? Очевидно, что к новорожденному ребенку термин «личность» неприменим, хотя все люди появляются на свет как индивиды (за исключением так называемых сиамских близнецов) и как индивидуальности, т.е. в каждом новорожденном ребенке неповторимым образом запечатлена как в генотипе, так и фенотипе вся его предыстория. Это относится и к врожденным особенностям биохимических реакций, физиологических параметров, готовности мозга к восприятию внешнего мира и т.д. При рождении все дети не только разные, но и все уникальные, ибо даже однояйцовые близнецы различаются по ряду существенных признаков. Получение генетической копии — двойника человека — в принципе возможно, но вызовет массу сложнейших этических проблем.

Итак, новорожденный уже индивидуальность, и каждый день жизни увеличивает его потребность в многообразных реакциях на окружающий мир. Плач и крик — единственно доступные для него способы дать знать о своих неудовлетворенных потребностях. Но уже с первых дней жизни, с первых кормлений, пеленаний и т.д. формируется свой, особый стиль поведения ребенка, так хорошо узнаваемый матерью и близкими. Индивидуальность ребенка нарастает к 2–3-летнему возрасту. Именно в это время проявляются первые черты личностного поведения, во многом обусловленные тем, что ребенок попадает в ситуацию свободного выбора. В этом возрасте все дети необычайно талантливы и любознательны, и если окружающие способствуют развитию этих качеств, становление личности идет нормально.

Дальнейшее развитие личности связано с прохождением других возрастных периодов и с особенностями развития девочек

и мальчиков, девушек и юношей. Возраст, пол, профессия, круг общения, эпоха — все это формирует личность. На жизненном пути неизбежны и взлеты (как правило, в юности и в возрасте 30—40 лет), и застои (25—30 лет, 40—50 лет). Рубежами в жизни человека становятся отрыв от родительской семьи, создание собственной семьи, рождение детей и т.д.

Становление личности происходит в процессе социализации, т.е. усвоения ею опыта и ценностных ориентаций данного общества. Человек учится выполнять социальные роли (вести себя в соответствии с ролью ребенка, студента, служащего, супруга, родителя и т.д.). Все эти социальные роли имеют выраженный культурный контекст и, в частности, сильно зависят от стереотипа мышления. Если сравнить европейский канон личности, скажем, с японским, то очевидны существенные различия. Европейцами личность понимается как определенная ценность, которая сходным образом действует в разных ситуациях, сохраняя свой ведущий «стержень». Для японцев более характерно восприятие личности и ее поступков как совокупности нескольких «кругов обязанностей» — по отношению к императору, родителям, друзьям, самому себе и т.д. Для каждой сферы есть свой «кодекс» поведения. Личность здесь не автономна и не самоценна, а реализуется лишь в связи с какой-то общностью. Европейец предстает как «твердая личность», напоминающая яйцо в скорлупе, в то время как японец более озабочен установлением и поддержанием связей с окружающими.

В европейской традиции становление личности прошло этапы осознания чувства страха и стыда (античное общество), любви к Богу, греховности человека и корпоративной морали (феодальный мир), утверждения самоценности человеческой индивидуальности и появления феномена отчуждения (Новое время).

Остановимся на структуре и составных элементах личности. Мы уже говорили о том, что личностями не рождаются, а становятся в итоге длительного процесса созревания, который имеет свои критические периоды. Более того, на определенном этапе жизненного пути человек может частично или полностью утратить личностные черты. Это бывает у хронических алкоголиков, наркоманов, при тяжелой патологии головного мозга и т.д. Личность характеризуется уникальным сочетанием природных свойств индивида (возрастно-половые, нейродинамические, биохимические и пр.) и социальных качеств, формируемых в том или ином

обществе. В этом смысле личность представляет собой синтез чувственного и сверхчувственного, т.е. того, что не фиксируется органами чувств, но очень реально влияет на поведение человека.

Прежде всего выделяют *физическую личность*, или «*физическое Я*». Это тело, или телесная организация человека, самый устойчивый компонент личности, основанный на телесных свойствах и самоощущениях. К физической личности могут также быть отнесены одежда и «домашний очаг». Известно, как много о человеке можно сказать по этим компонентам его мира. Это же относится к произведениям ручного или интеллектуального труда человека — украшениям его быта, коллекциям, рукописям, письмам и т.д. Защита себя, своего тела, своей идентичности, своего ближайшего окружения относится к числу древнейших личностных качеств человека как в истории общества, так и в истории индивида.

Социальная личность складывается в общении людей, начиная с первичных форм общения матери с ребенком. По сути дела, она вырастает из системы социальных ролей человека в разных группах, мнением которых он дорожит. Все формы самоутверждения в профессии, общественной деятельности, дружбе, любви, соперничестве и т.д. формируют социальную структуру личности.

Духовная личность — ядро нашего «Я». Это внутренние состояния, отражающие устремленность к определенным духовным ценностям и идеалам. Они могут и не осознаваться во всей полноте, но так или иначе забота о «душе» является квинтэссенцией личностного развития. Рано или поздно каждый человек начинает задумываться над смыслом своего существования и духовного развития. Духовность человека не является чем-то внешним, ее нельзя приобрести путем образования или подражания. Зачастую она не только «держит» личность, подобно стержню, но и является высшим благом, верховной ценностью, во имя которой даже жертвуют жизнью. Потребность в духовном развитии личности в полном смысле слова ненасытаема, чего нельзя сказать о физических и социальных потребностях. История дает массу примеров того, как интенсивная духовная жизнь (мудрецов, ученых, деятелей литературы и искусства, религиозных подвижников) была залогом не только физического выживания, но и активного долголетия. Люди, сохраняющие свой духовный мир, как правило, выживали и в условиях каторг и концлагерей, что еще раз подтвердил горький опыт XX в.

Выделение физической, социальной и духовной личности (как и соответствующих потребностей) носит достаточно условный характер. *В человеке все эти стороны личности образуют систему, каждый из элементов которой может на разных этапах жизни приобретать доминирующее значение.* Известны, скажем, периоды усиленной заботы о своем теле, его функциях, этапы расширения обогащения социальных связей, пики духовной активности. Бывает, что какая-то черта принимает системообразующий характер и во многом определяет сущность личности на данном этапе ее развития. Возраст, тяжелые испытания, болезни и т.п. могут во многом изменить структуру личности, привести к своеобразному ее расщеплению или деградации.

Социальные типы личности

Выделяют несколько крупных типов личности, которые прослеживаются на всем историческом пути развития человечества. Первый тип — деятели (охотники и рыболовы, воины и ремесленники, земледельцы и индустриальные рабочие, инженеры и геологи, медики и педагоги, политики и менеджеры и т.д.). Для них главное — это активное действие, изменение мира и других людей, включая и самих себя. Эти люди «горят» на работе, находя в этом высшее удовлетворение, даже если ее плоды и не столь заметны. Бурное развитие западной цивилизации привело к культивированию именно такой личности — активной, знающей себе цену, обладающей чувством собственного достоинства и осознающей меру своей ответственности за себя, свою семью, свой народ. Потребность в таких личностях всегда была острой. Еще евангелист Лука приводил слова Христа: «Жатвы много, а делателей мало».

Второй тип — мыслители. Это люди, которые, по словам Пифагора, приходят в мир не для того, чтобы соревноваться и торговать, а смотреть и размышлять. Образ мудреца, мыслителя, воплощавшего в себе традиции рода и его историческую память (летописание), всегда пользовался огромным авторитетом. Недалом многие великие мудрецы и пророки — Будда и Заратустра, Моисей и Пифагор, Соломон и Лао-цзы, Конфуций и Махавира Джина, Христос и Мухаммед — либо считались посланниками богов, либо обожествлялись сами. Мыслители имеют единственное оружие — слово.

Третий тип — люди чувств и эмоций, которые остро чувствуют, как «трещина мира» проходит через их сердца. Это деятели литературы и искусства, чьи гениальные прозрения зачастую опережают самые смелые научные прогнозы и прорицания мудрецов.

Четвертый тип — люди, сделавшие делом своей жизни милосердие. Альберт Швейцер и Федор Петрович Гааз, Анри Дюнан и мать Тереза, тысячи их последователей в истории и современности — живые примеры служения людям, независимо от их расы, нации, возраста, пола, состояния, вероисповедания и других признаков. Евангельская заповедь — «Возлюби ближнего твоего как самого себя» — находит в их деятельности непосредственное воплощение. Такие личности обостренно чувствуют душевное состояние другого человека, как бы «вчувствуются» в него, облегчая его страдания. Их сила — в вере в свое предназначение, в любви к людям и всему живому.

Разумеется, *большинство людей сочетают в себе признаки разных типов личностей*, а иногда происходит и смена ведущих установок. При этом важно понять одно — выбор личностного пути и поля деятельности — результат свободного волеизъявления человека. Поэтому личность немыслима вне свободы, а по словам Гегеля, истинная природа человека «есть свободная духовность».

Свобода

Свобода — это способность человека действовать в соответствии со своими интересами и желаниями. В русском языке термин «свобода» употребляется прежде всего в значении «свобода от», т.е. отсутствие внешнего принуждения, гнета, ограничений и т.д. Понятие «воля» имеет более широкое значение, которое оформилось примерно в XV–XVI вв. в Московском государстве. С одной стороны, «вольница» отнюдь не означала автономии личности, а напротив, заменяла ее авторитетом группы, что является в определенном смысле несвободой. С другой стороны, в воле есть и свое желание и повеление природы, степи, дали, что так характерно для русского восприятия мира (вспомним гоголевскую птицу-тройку). Понятие свободы закрепилось в христианстве как выражение идеи равенства людей перед Богом и возможности для человека свободного выбора на пути к Богу. Однако реализация этой идеи оказалась в противоречии с идеалами равенства и справедливости.

Чтобы понять сущность феномена свободы личности, нужно разобраться в противоречиях волюнтаризма и фатализма, определить границы необходимости (закономерности), без которой немыслима реализация свободы.

Волюнтаризм рассматривает волю в качестве принципа жизни человека, принижая при этом значение разума. Эти идеи были развиты в философии Шопенгауэра и Ницше и получили распространение в XX в. Действовать в духе волюнтаризма — значит, не считаться с объективными условиями бытия, с законами природы и общества, выдавая свой произвол за высшую мудрость. Таких примеров немало, в том числе и в истории нашего общества. Многие революционеры испытывали своеобразное нетерпение, желание «подтолкнуть» ход истории и навязать ей свою волю. Но жизнь рано или поздно показывала утопичность таких попыток, за которые народы расплачивались кровью, нищетой, замедлением развития.

Фатализм предопределяет изначально весь ход жизни человека и его поступки. Это объясняется либо судьбой (в мифологии и язычестве), либо волей Бога (в христианстве и исламе), либо детерминизмом замкнутой системы, где каждое последующее событие жестко связано с предыдущим (системы Гоббса, Спинозы, Лапласа). Здесь, по сути дела, места для свободного выбора не остается, ибо нет альтернатив. Жесткая необходимость и вытекающая отсюда полная предсказуемость основных этапов жизни человека и главных событий характерна для астрологии и других оккультных учений прошлого и настоящего, а также для всевозможных социальных утопий и антиутопий, отраженных в произведениях А. Платонова, Дж. Оруэлла, О. Хаксли и др.

Вместе с тем очевидно, что игнорирование необходимости (природной, исторической и т.д.) чревато произволом и вседозволенностью, анархией и хаосом, что вообще исключает свободу. Следовательно, свобода есть нечто большее, чем учет объективной необходимости и устранения внешних ограничений. *Гораздо более существенна внутренняя свобода, «свобода для», свобода в выборе истины, добра и красоты.* В рамках «свободы от» вполне резонна формула: «Разрешено все, что не запрещено». Но по сути дела это логика раба, оставшегося без надсмотрщика.

Существеннейшей характеристикой свободы является ее внутренняя определенность. Ф.М. Достоевский верно заметил: «Свое собственное, вольное и свободное хранение, свой

собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздражающая, иногда хотя бы даже до сумасшествия, — вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и все теории постоянно разлетаются к черту. И с чего это взяли эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотения? С чего это вообразили они, что человеку надо благонамеренно выгодного хотения? Человеку надо — одного *самостоятельного* хотения, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела». Человек не примет никакое общественное устройство, если оно не учтет выгоды его быть личностью и иметь свободу для ее реализации.

Выделяют несколько моделей взаимоотношений личности и общества по поводу свободы и ее атрибутов.

Во-первых, это *отношения борьбы за свободу*, когда человек вступает в открытый и часто непримиримый конфликт с обществом, добиваясь своих целей любой ценой. Это трудный и опасный путь, чреватый тем, что человек может утратить все другие человеческие качества и попасть в еще худшее рабство. Во-вторых, это *бегство от мира*, когда человек, будучи не в силах обрести свободу среди людей, бежит в монастырь, в скит, в свой «мир», чтобы там реализовать себя. В-третьих, чаще всего, *человек адаптируется к миру*, жертвуя своим стремлением обрести свободу, идя в добровольное подчинение, с тем чтобы обрести новый уровень свободы.

Если раньше свобода воспринималась в основном как отсутствие принуждения со стороны государства, то к середине XX в. уже стало очевидно, что понятие свободы должно быть дополнено идеей регулирования деятельностью людей. Однако государство должно это делать не методами принуждения, а с помощью экономического механизма и при строгом соблюдении прав человека.

В 1789 г. Национальное собрание Франции приняло Декларацию прав человека и гражданина, в которой провозглашалось, что «целью всякого политического союза является сохранение естественных и неотчуждаемых прав человека. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». Особо надо подчеркнуть, что права человека не могут никем и ничем дароваться, они возникают вместе с человеком, присущи ему при рождении. Даже плод в утробе матери обладает рядом человеческих прав, находится под защитой закона, а в христианской этике

уже с момента зачатия человеческая плоть становится священной, и ее уничтожение (в случае аборта) рассматривается как убийство.

Государство обязано гарантировать соблюдение прав человека, признавая, что ценность человеческой личности выше любых ценностей — нации, класса, группы людей и т.д. Это является гарантией от тоталитарного подавления прав человека, при котором он выступает «винтиком» социальной системы. Еще в 1918 г. Н.А. Бердяев писал, что идея класса убила в России идею человека. Игнорирование или принижение прав личности по сравнению с правами социальной общности ведет к неминуемой деградации личности и общества. С другой стороны, нельзя не видеть, что индивидуалистическая модель отношения личности и общества небезупречна. В ее рамках могут быть легализованы корыстные мотивы, эгоизм и та или иная степень социальной несправедливости. В этой сфере, как и во многих других, нужна *золотая середина*, которая способствует усилению жизнестойкости общества и человека и развитию человеческого в человеке, т.е. движению к гуманизму. Гегель отмечал, что для того, кто сам не свободен, не свободны и другие.

Таким образом, свобода — это самый сложный и глубоко противоречивый феномен жизни человека и общества, имеющий величайшую притягательность и являющийся в то же время тяжким бременем. Не зря в западной философской мысли (Э. Фромм) анализировалось явление «бегства от свободы», особенно если реализация свободы приводила к росту неравенства и несправедливости. Эта проблема — как соотносить свободу и равенство, не приводя к подавлению и уравниловке, — стоит перед каждым обществом и государством. Решая ее, приходится ориентироваться на ту или иную систему ценностей.

Ценности и их виды

Понятие ценностей отражает значимость тех или иных объективных явлений для жизни людей. Ценностное отношение формируется в процессе человеческой деятельности, где выделяют три вида производства: людей, вещей и идей.

Первой (и основной) ценностью является сам человек во всем многообразии его жизни и деятельности. Это представление возникло не сразу, стало итогом довольно длительной эволюции общественного сознания. Убеждение, что каждый человек

самоценен независимо от возраста, пола, расы и нации, происхождения и т.п., возникло и укреплялось либо в сравнении человека с высшей ценностью (Бог, Дух), либо в силу действия общих закономерностей жизни общества. Так, в буддизме равенство людей и признание их ценности происходило вследствие того, что все рожденное обречено на страдание и должно преодолеть его и обрести блаженство. В христианстве ценность человека усматривается в возможности искупления греховности и обретения вечной жизни во Христе, а в исламе ценность человека — в отдаче себя Аллаху и исполнении его воли.

Понятие ценности человека — универсальное, и его нельзя сводить к «полезности» человека для общества. Попытки делить людей на «нужных» и «ненужных» порочны по самой сути, ибо их реализация неминуемо порождает произвол, ведущий к деградации и человека, и общества. Ценность человеческой личности в определенном смысле выше всего того, что делает или говорит данный человек. Ее нельзя свести к труду или творчеству, к признанию со стороны общества или группы людей. Как объективные критерии (плоды труда, акты творчества), так и их субъективная оценка со стороны современников грешат односторонностью. История многократно доказывает, что истинный масштаб и направленность деяний и помыслов многих личностей становятся очевидными спустя много лет, а то и столетий. Ценность многих трудов исторических деятелей как бы непрерывно возрастает; в то же время немало примеров, когда время развенчивает дутые авторитеты.

Возникает вопрос: а существуют ли стоимостные характеристики человека, можно ли говорить не только о ее ценности, но и цене? Как известно, в системах классического (античного) рабства несвободный человек рассматривался как «говорящее орудие», цена которого составляла в среднем 30 монет (отсюда и евангельские 30 сребреников). Продавался не только человек в целом, но и его функции. Феномен проституции (продажи тела) был известен в эпоху уже первых государств, и она не зря приобрела статус «древнейшей профессии». Маркс называл современное ему общество системой всеобщей проституции, или всеобщей полезности и годности для взаимного употребления. Так или иначе, в условиях рынка люди обмениваются на эквивалентной основе плодами своей деятельности, талантами и способностями, навыками и умениями, которые несут на себе печать самого человека и зачастую неотделимы от него.

В последние годы появилось немало новых проблем, связанных с продажей органов (почек, глаз) для пересадки другим людям, с суррогатной беременностью (вынашивание до родов плода, пересаженного от другой женщины) и т.д. Возникают непростые вопросы: чем отличается продажа своих рук или мозга от продажи своих органов? Вправе ли человек распоряжаться в этом отношении сам собой? Решать их нужно с учетом того, что человек является не только материальным, но и духовным существом, а этот род ценностей не имеет стоимостных характеристик. Образно говоря, человека можно купить или продать целиком или частично, он сам вправе это сделать, но самое страшное — это, говоря словами Гете, — «продать душу дьяволу», отказавшись от самого себя. Рано или поздно человечество преодолет товарное отношение к человеку, он вырвется из отношений экономической необходимости, хотя, видимо, было бы опрометчиво говорить о полном исчезновении в обозримом будущем стоимостных характеристик человека и его тела.

Вторым феноменом мира ценностей являются вещи, производимые человеком на протяжении всего исторического пути. Мир вещей охватывает все — от древнейших пирамид до суперсовременных компьютеров и ускорителей, космических аппаратов и полимеров. Этот мир материальной культуры, созданный людьми для удовлетворения своих потребностей, представляет как бы «неорганическое тело» человека, многократно усиливая его мощь, опредмечивая его способности и таланты. Вещный мир стал «второй природой» человека, и не случайно ценностное отношение к нему является достаточно точным критерием ценности самого человека. Вопрос о соотношении ценности человека, его жизни, здоровья и его имущества всегда был центральным для любой мировоззренческой системы. Все религии сурово осуждают стремление к накоплению материальных ценностей, алчность. Христианство считает людей, погрязших в вещах и чувственных удовольствиях, не способными на душевность и духовность. Делиться своим имуществом с бедными — один из «столпов» ислама, обязательное правило поведения мусульманина. Буддисты считают, что отказ от накопления вещей — первый шаг на пути к просветлению.

Сущность проблемы ценности и оценки мира вещей состоит в том, чтобы уяснить пределы этого мира и его влияние на развитие человека. Очевидно, что люди не могут обходиться каким-то минимумом вещей, а идеалы аскетизма никогда не имели

широкого распространения. Столь же очевидно, что нет и верхнего предела насыщения вещами, а их количество все умножается. Более того, одной из причин острого экологического кризиса является накопление отходов человеческой цивилизации, которые не могут быть ею утилизированы (пластмассы, полимерные материалы и т.д.). Переработка ресурсов планеты в вещи идет ускоренными темпами, что порождает, с одной стороны, серьезную озабоченность ученых и политиков, а с другой стороны, массовые движения за отказ от беспредельного потребления и добровольное самоограничение (гандизм). Если учесть, что рост населения Земли идет достаточно быстрыми темпами, а ресурсы ее ограничены, то ясно, что без самоограничения не обойтись, и это требует выработки соответствующей системы ценностей.

Распространенное мнение, что богатство развращает человека, губит его, а бедность способствует моральному очищению, рождалось и поддерживалось в моменты острых социальных катаклизмов, при резкой поляризации общества. Не зря все мировые религии, особенно в начале своего возникновения, были религиями бедных, обездоленных, угнетенных. Они проповедовали отказ от тленных земных богатств и стремление к вечным небесным ценностям. Позже, когда церкви сами стали собственниками и владельцами значительных богатств, отношение к миру вещей несколько изменилось. Атеисты, не уповая на жизнь вечную, призывали всячески пользоваться благами земными. Ф.М. Достоевский видел в этом основной порок идей социализма, ибо человек, непрерывно потребляющий материальные блага и удовлетворяющийся, обращается либо в животное, либо в машину. Л.Н. Толстой предсказал, что люди в будущем обществе станут «наслаждающимися комками нервов». С проблемой «непрерывно растущих потребностей» населения так или иначе столкнулись все общества, пытавшиеся провести в жизнь социалистические идеалы. Не случайно в этих странах осуждалось «потребительство» и насаждалась уравниловка, близкая к аскетическим стандартам жизни. При этом подпольно происходило значительное расслоение общества, образовывалась потребительская элита при обеднении значительной массы населения. Понятно, что в таких условиях призывы к служению высоким идеалам и личной скромности выглядели как насмешка.

Вещи сами по себе в ценностном отношении нейтральны, хотя человечество в течение тысячелетий мечтало перековать «мечи на орала». Ценностное отношение возникает только в том или

ином социальном контексте. Представление о том, что есть «мирный» атом, в корне отличающийся от «военного», рухнуло после чернобыльской катастрофы. Людям постоянно приходится оценивать новые явления в жизни общества и человека и соотносить их с традиционными системами ценностей. В полной мере это относится и к системе духовных ценностей.

Духовные ценности — это своеобразный духовный капитал человечества, накопленный за тысячелетия, который не только не обесценивается, но и, как правило, возрастает. Природа духовных ценностей исследуется в теории ценностей (аксеологии), которая устанавливает соотношение ценностей с миром реальностей человеческой жизни. Речь прежде всего идет о моральных и эстетических ценностях. Они по праву считаются высшими, ибо во многом определяют поведение человека в других системах ценностей.

Что касается моральных ценностей, то здесь основным является вопрос о соотношении добра и зла, природе счастья и справедливости, любви и ненависти, смысле жизни. В истории человечества было несколько сменяющих друг друга установок, отражающих разные системы ценностей. Одна из наиболее древних — гедонизм. *Гедонизм утверждает наслаждение как высшее благо жизни и критерий поведения человека.* Об этом говорил еще автор Екклезиаста: «...нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться». Эти взгляды разделял ученик Сократа Аристипп, который учил, что лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им. Позже к этой позиции склонились Эпикур, Гоббс, Локк, Гассенди, Гельвеций, Гольбах и др.

Аскетизм идеалом жизни провозглашает добровольное отречение от наслаждений и желаний, культ страданий и лишений, отказ от благ жизни и привилегий. Эта концепция проявилась в христианстве, особенно в монашестве, в философских школах киников (Диоген с его девизом «быть нагим и одиноким»), а также в грубоуравнительных тенденциях «казарменного коммунизма».

Утилитаризм величайшей ценностью и основой нравственности считает пользу. По словам Н. Бентама, смысл этических норм и принципов состоит в том, чтобы содействовать наибольшему счастью для наибольшего числа людей.

В XX в. учение о ценностях связано с именами таких выдающихся мыслителей и гуманистов, как А. Швейцер, М. Ганди,

Б. Рассел, А. Эйнштейн, Дж. Сантаяна, Х. Ортега-и-Гассет, а также с плеядой русских религиозных философов — П. Флоренским, С. Булгаковым, Н.О. Лосским, Вл. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, Л.П. Карсавиным, Н.Ф. Федоровым и др. Бурные социальные потрясения, появление возможности самоуничтожения человечества, возникновение глобальных проблем до предела обострили все традиционные проблемы. На первый план вышли общечеловеческие проблемы, связанные с признанием абсолютной ценности самой жизни человека и необходимости сохранить среду его обитания. Поэтому появление концепций «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер), «заслужи любовь ближнего» (Г. Селье), «цели для человечества» (А. Печчеи), «путь ненасилия» (М. Ганди), «ноосфера» (В.И. Вернадский) и других не случайно, а отражает современный этап развития общечеловеческих идеалов.

То же самое можно отнести и к эстетическим ценностям. Известное выражение Ф.М. Достоевского — «Красота спасет мир» — нужно понимать не изолированно, а в общем контексте развития идеалов человечества. Все изложенное дает основание сформулировать понятие духовности человека, которое в светской философской традиции рассматривается, во-первых, как относительная автономность человека, его независимость от внешних влияний, а во-вторых, как то, ради чего стоит жить и отдать жизнь в случае необходимости. *Духовность — это синтез Истины, Красоты и Добра с акцентом на последнем, ибо его человек способен творить сам.* В христианской философии это выражается триадой Веры, Надежды, Любви и обнимающей их Софии, т.е. мудрости. При всех зигзагах мировой истории, человечество движется по пути гуманизации отношений людей, утверждения общечеловеческой системы ценностей, признания ведущей роли личности в прогрессе. Таким образом, понятие личности, свободы, ценностей обогащает и расширяет наше представление о человеке, его прошлом, настоящем и будущем.

В начале XXI в. величайшей личностной и социальной ценностью становится ответственность человека за свои деяния и поступки. Трагедия 11 сентября 2001 г. потрясла мир и показала всю опасность глобального терроризма. Становится все более очевидно, что личностный выбор каждого человека должен быть сопряжен с величайшей ответственностью не только за судьбу своих родных и близких, но и всего человечества в целом.

Рекомендуемая литература

1. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. — М., 1989.
2. *Берковиц Л.* Агрессия : причины, последствия и контроль. — СПб., 2001.
3. Диалог Тойнби — Икеда. Человек должен выбирать сам. — М., 1998.
4. *Ильенков Э.В.* Философия культуры. — М., 1991. Разд. 5.
5. *Лобкович Н.* Что такое личность? // Вопросы философии. — 1998. № 2.
6. *Сафрански Р.* Вольные вариации на тему свободы. — СПб., 2004.
7. *Соловьев Вл.* Оправдание добра. Нравственная философия. В 2 т. Т. 1. — М., 1988.
8. *Столлович Л.Н.* Красота. Добро. Истина. — М., 1994.
9. Философия : учеб. пособие для вузов / под ред. В.П. Кохановского. — Ростов н/Д, 2008. — Гл. VIII.
10. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М., 1990.
11. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теория личности. — СПб., 1997.

Общество как условие и продукт деятельности людей

Основные подходы к пониманию сущности общества

Термины «общество», «общественный», «социальный» широко распространены, хотя они весьма многозначны и неясны, несмотря на то, что еще в XIX в. возникла наука социология, имеющая своим предметом исследование общества. Ее основоположник О. Конт считал социологию «социальной физикой» и «позитивной моралью», способной стать новой религией всего человечества. В этом же столетии общество называли и растением, и животным, и союзом, и взаимодействием, и солидарностью, и борьбой. Не меньше определений дано и в XX в. Латинский глагол *социо* означает соединять, объединять, затевать совместный труд. Отсюда первоначальное значение слова «общество» — *общность, союз, сотрудничество*. Аристотель называл человека «политическим животным», подразумевая, что только люди способны добровольно и сознательно объединяться в общество. Не всякая общность людей является обществом, но любое общество — это так или иначе самоуправляющаяся общность.

Суть проблемы заключается в том, чтобы понять: каким образом люди связаны в обществе? Какова природа этих связей и возникающих между ними отношений? Что определяет в конечном итоге развитие общества и ход мировой истории? Ответов на эти вопросы давалось множество, но их можно свести к нескольким основным типам.

Сторонники натурализма выводили общественное устройство из природных закономерностей (географическая среда, климатические условия и пр.) и особенностей человека как существа естественного и живого (раса, пол и пр.). Действительно, на пер-

вый взгляд плотность населения и виды его занятий, уровень производства и его темпы, политическое устройство и многое другое зависят от характера климата, рельефа местности и водных ресурсов, запасов полезных ископаемых, флоры и фауны и т.д. Великие цивилизации древности (индийская, китайская, египетская, Двуречья) возникали в устьях великих рек, расцвет многих государств был связан с освоением Мирового океана, а низкие темпы развития ряда стран были обусловлены во многом их отгороженностью от внешнего мира. Более того, реально существуют этнические и культурные различия в характере производств, его особенностях и даже его темпах. Так, наиболее высокие темпы производства отмечались в странах с умеренным климатом, богатыми недрами и удобными путями сообщения. Эти моменты надо учитывать, но, очевидно, нельзя жестко связывать исторические судьбы тех или иных цивилизаций с характером среды их обитания.

Человек, несомненно, главная структурная единица любого общества, но попытки вывести особенности того или иного социального устройства из особенностей личности человека, его свойств и качеств зачастую малопродуктивны. Они отражают метафизический взгляд на общество как на простую сумму отдельных индивидов, а не как на целостную органическую систему.

Сторонники идеализма сущность связей, объединяющих людей в единое целое, усматривали в комплексе тех или иных идей, верований, мифов. История знала немало примеров существования теократических государств, где единство обеспечивается одной верой, которая тем самым становится государственной религией. Многие тоталитарные режимы основывались на единой государственной идеологии, которая выполняла роль скелета общественного устройства. Рупором идей обычно выступал религиозный лидер или «вождь» нации и народа, а те или иные исторические действия (войны, реформы и т.д.) зависели от воли этого человека, которая опиралась на данную идеологическую или религиозную систему. Данная точка зрения имела широкое распространение и раньше и разделяется многими в настоящее время. Попытки найти тайную пружину великих исторических событий в умонастроениях великих людей и фактах их биографии всегда привлекали внимание. К. Маркс писал о Мартине Лютере: «Революция началась в мозгу монаха». Велико искушение найти интуитивным (как в религиозном откровении) или научным путем магическую

формулу счастливой жизни человечества. Веками святые и пророки, утописты и ученые пытались направить развитие человечества на «путь истинный».

К. Марксом была разработана концепция материалистического понимания истории, суть которой составляет положение о способе производства, который складывается объективно, т.е. независимо от воли и сознания людей. *Сторонники материализма утверждают, что связывают людей в «социальный организм» не общая идея или общий Бог, а производительные силы и производственные отношения.* Видоизменения последних составляют основу общественно-экономических формаций как этапов мировой истории. Эти системообразующие факторы зависят, в свою очередь, от ряда природно-климатических условий, средств общения, языка, культуры и т.д. Однако *определяющим является общественное бытие людей, т.е. своеобразная «социальная материя», которая предстает как реальный процесс жизни людей.* Материалистическое понимание истории делает упор на объективность процессов, происходящих в обществе, на принципах детерминизма, согласно которому из определенной формы материального производства «... вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим» (К. Маркс). Общество можно изучать как «естественно-исторический процесс», подобно тому, как естествознание изучает природу и ее законы. Общественные законы, в отличие от законов природы, возникают позже, реализуются только в сознательной деятельности людей, более сложны по механизму проявления, имеют вероятностный характер.

Диалектический материализм не отрицает субъективного фактора в истории и свободы воли, но предполагает каждый раз исследование корней, причин, объективных условий, которые решающим образом оказали влияние на действия личностей. В этом сила данного подхода к объяснению истории, ибо он не уповает на волю внечеловеческих сил (Бог, Дух, Вселенная, «пришельцы» и т.д.) и пытается преодолеть «дурную субъективность» (Гегель) в действиях великих личностей, которые, как и все люди, обуреваемы эмоциями, страстями, предрассудками и т.д. В основе *общественной связи людей лежит, по Марксу, система материальных общественных отношений*, которые при всей их материальности (т.е. первичности и независимости от сознания) не являются вещественными.

Образно говоря, «социальную материю» нельзя пощупать, но она очень реальна и определяет жизнь миллионов людей. Известно, чем кончаются попытки «перехитрить», обойти действие закона стоимости, равно как и других закономерностей исторического процесса. Навязывание истории своей воли, подстегивание событий, проявление революционного нетерпения чреват, как показал опыт XX в., выпадением из общего потока развития мировой цивилизации, замедлением темпов прогресса и т.д. Не менее порочным выглядит на практике и упование на «крота истории», который роет глубоко, на то, что объективные законы рано или поздно непременно приведут человечество в царство свободы и справедливости.

Сущность общественных связей и отношений, соединяющих людей, вещи и идеи в единое, многомерное целое, состоит в том, что отношение человека к человеку опосредуется миром вещей, и наоборот, контакт человека с предметом означает по сути дела его общение с другим человеком, его силами и способностями, аккумулярованными в предмете. Здесь выявляется качественная двойственность человека и любого предмета и явления, относящихся к миру культуры. Кроме их природных, физических, телесных качеств у феноменов культуры, в том числе и человека, есть система социальных качеств, возникающая именно в процессе деятельности в обществе. Социальные качества сверхчувственны, невещественны, но вполне реальны и объективны и весьма существенно определяют жизнь человека и общества. Подобно явлениям потребительской стоимости, анализ диалектики которых составляет научную заслугу К. Маркса, человек и весь мир его двойственны, и осознание этого факта позволяет дать качественный анализ общества как системы. Характеризуя собственность как общественное отношение, К. Маркс писал, что в нее «не входит ни одного атома вещества природы».

Говоря об общественном производстве, особо следует подчеркнуть, что оно мыслится как взаимосвязанный процесс, в котором выделяются четыре основных компонента:

- производство материальных благ;
- воспроизводство самого человека;
- воспроизводство материальных общественных связей и отношений;
- духовное производство.

В реальной жизни они взаимно переплетены. На самых ранних этапах антропо- и социогенеза производство в значительной сте-

пени определялось природными закономерностями, ибо человек, по словам К. Маркса, выступал как «родовое существо, племенное существо, стадное животное». Люди были всецело озабочены воспроизводством самих себя вначале путем присвоения готовых продуктов, а затем натуральным хозяйствованием на земле. Отсюда вытекает и определенная простота общественных связей и отношений, что породило мнение об ушедшем золотом веке человечества, о рае, который оно утратило с течением истории.

Если попытаться выделить нечто общее в разных подходах для объяснения сущности общества, то можно, во-первых, представить общество как систему, занимающую особое место в Универсуме в сравнении с природой и Космосом, во-вторых, выделить общие черты различных обществ в их историческом развитии, которые могут быть обозначены как инварианты социального устройства. К ним прежде всего относятся:

- постоянная территория, где живет данный народ;
- стабильное воспроизводство за счет деторождения;
- развитая культура и язык.

При этом понимании понятие «общество» близко к таким понятиям, как «культура» и «национальное государство». Исходя из этого, можно представить разные классификации общества: по уровню и этапу экономического развития, по господствующей религии, по языку и т.д. Можно говорить о трех крупнейших этапах развития человеческого общества: доиндустриальном (аграрные общества), индустриальном (с XVIII в.) и постиндустриальном, начавшемся на глазах нашего поколения.

Труд — основа общественного развития

При всем огромном разнообразии природно-климатических условий, в которых протекала деятельность первобытных сообществ (равно как и современных примитивных общин, сохранившихся еще в ряде регионов), основным «двигателем» истории было разделение труда. Вначале оно носило характер полового и возрастного, а затем непрерывно усложнялось. Благодаря разделению и специализации трудовых операций люди смогли обеспечить выживаемость первобытной общины и каждого ее члена, превзойти в этом отношении сообщества животных. Развивая производство, человек все более и более воздействовал на окружающую среду, изменяя тем

самым и свою собственную природу. Это было бы невозможно при примитивных формах общения; поэтому уровень и степень системной организации человеческих сообществ стали превосходить соответствующие структуры животного стада. *Человеческий труд как фактор, не только удовлетворяющий телесные потребности (пища, одежда, жилище и пр.), но и формирующий человеческое общество через систему общественных связей и отношений, выступает как основа всей истории.*

Развитие и усложнение трудовой деятельности людей сопровождалось эволюцией семейно-брачного поведения. Поэтому формы воспроизводства человека (деторождение, воспитание, социализация, инициации и пр.) неотделимы от собственно производства материальных благ, тем более на ранних стадиях развития общества, когда от физических возможностей человека, его здоровья и работоспособности зависело само существование общины.

Для философского анализа общества центральным вопросом является *анализ мотивов и побуждений к труду и деятельности*, поскольку это во многом определяет отношение человека к миру и другому человеку. Выделяют несколько ведущих мотивов и стимулов деятельности.

Во-первых, это *поддержание собственного существования, направленное на выживание индивида*. Вспомним ситуацию, которая складывается у героев различных «робинзонад», оставшихся один на один с природой.

Во-вторых, это *продолжение жизни рода* (особенно труд родителей ради поддержания жизни детей). В любом обществе есть немало людей, работающих и живущих ради семьи и детей, рода и клана. В периоды бурных социальных потрясений семья, родные и близкие зачастую оказываются единственной надеждой и опорой человека, смыслом его жизни и деятельности. С другой стороны, невнимание к проблемам семьи со стороны государства оборачивается, как правило, разрушением социальных связей и деградации общества.

В-третьих, это *необходимость удовлетворения самой потребности в труде, труд ради творчества, приносящий радость и ощущение полноты бытия*. Такой труд перестает быть необходимостью, а является свободной игрой творческих сил человека. Разумеется, это возможно при удовлетворении определенного (и исторически изменчивого) уровня биологических потребностей человека.

В-четвертых, это *борьба с другими людьми за присвоение продуктов труда или ради помощи людям*. Соотношение этих двух компонентов — борьбы и помощи — меняется в зависимости от этапа развития общества. Однако в любом обществе можно увидеть и острую непримиримую борьбу людей за удовлетворение своих потребностей за счет других, и примеры бескорыстного служения людям вопреки даже собственным потребностям. *Антагонизм и сотрудничество — два полюса взаимодействия людей в обществе*, а между ними находится основная масса человеческих взаимоотношений по поводу труда и распределения его плодов.

Рассмотрение этого вопроса приводит к анализу понятий собственности и эксплуатации, труда и капитала. Нет той или иной религиозной системы, этического учения, социальной доктрины, которая бы не высказывала своего отношения к этим проблемам. Еще апостол Павел учил: «Не трудящийся пусть не ест»; Сен-Симон выдвинул девиз социализма: «От каждого по способностям, каждому по труду», а Э. Каабе — лозунг коммунизма: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Благородный призыв «Манифеста Коммунистической партии» к построению ассоциации, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», на практике часто оборачивался своей противоположностью.

Собственность

Под собственностью понимается способ присвоения людьми продуктов материального и духовного производства, а также природных объектов. Собственность имеет вещное воплощение, но суть ее в общественных отношениях людей по поводу вещей. Понятие «собственность» возникает тогда, когда у человека появляется право распоряжаться принадлежащими ему вещами, включая и продукты духовного производства. Собственность распространяется и на личную жизнь человека, его телесные и духовные силы. Когда же человек, опираясь на силу, подкрепленную или законом, или незаконным насилием, распоряжается другими людьми, возникает феномен власти. Очевидно, что соотношение власти и собственности представляет собой важнейшую характеристику общества, имеющую прямое отношение к каждому человеку. Через эти социальные институты (власть и собственность) так или

иначе реализуется принцип справедливости, исторические модификации которого отражают эволюцию взглядов на соотношение общества и человека. Так, в разные эпохи считалось справедливым распределение по статусу рождения (аристократия), по положению в обществе (бюрократия), по имущественному положению, по труду или его результатам, по едокам в семье и т.д. В реальном обществе, как правило, сосуществуют все или почти все виды распределения, хотя один из них занимает доминирующее положение.

История учений о собственности показывает, что почти у всех народов существовали мифы и утопии о золотом веке, когда ни у кого не было частной собственности, имущество считалось общим, и это порождало мир и согласие, добрые нравы и уверенность в будущем. Наиболее характерной чертой мифов и утопий является идеализация примитивной общины, которая, как правило, отгорожена от других общин и внешнего мира (остров, горное ущелье и т.д.). При таком способе организации общества справедлива формула: «Всякий собственник есть либо вор, либо наследник вора», которую в XIX в. выразил Прудон в знаменитой фразе: «Собственность есть кража».

При общинном типе устройства и таком же отношении к собственности вполне оправдано стремление к максимальной замкнутости этого мира (отсюда образ «железного занавеса»), к постоянной переделке природы и человека и их «покорение». Человеку позволено делать то, что приказано и одобряется официально, и запрещено все то, что не приказано. Это общество жестко детерминировано и по сути дела исключает или сводит к минимуму случайность и свободную волю человека. Понятие производства вытесняется понятием распределения и присвоения, а произведенный прибавочный продукт рассматривается как источник потенциального зла (обогащения) и последующей эксплуатации человека человеком.

Тем не менее властвующая в таком обществе элита (либо единственный деспот, либо класс «номенклатуры») отчуждает в свою пользу этот прибавочный продукт, беря на себя роль «справедливого» распределителя. Очевидно, что такое положение долго существовать не может, поэтому вполне резонно, что общество сотрясают революционные потрясения, сопровождающиеся переделом собственности. Источником зла является не столько несправедливое распределение последней, сколько само богатство, порождающее

жадность, роскошь, лень. Государства гибнут от «процветания», ибо, как писал еще Платон, «стать же очень богатым, оставаясь добродетельным, невозможно». Всякий обогащающийся человек делает это за счет других. Цицерон в этом смысле сравнивал мир с театром, который принадлежит всем, а место в нем — каждому. Всякий, кто сидит более чем на одном месте, — захватчик, ибо нельзя поставить лишний стул, можно только отнять другой. У человека практически отбивается стремление к расширению производства, ибо главное — как распределить.

Эти идеи восходят к идеалу «божьей справедливости», так как создавая Вселенную и человека, творя день и ночь, солнце и воздух, землю и воду, Бог предусмотрел, что если все разделить поровну, то у каждого будет все необходимое, и ни у кого не будет излишка. Если же человек приобрел богатство, он обязан поделиться им, так как он делится не своим собственным имуществом, а принадлежащим всем людям и, в конечном итоге, Богу. Религия ислама вообще запрещает ростовщичество, а в христианстве это сурово осуждается. В многочисленных (особенно в эпоху Средневековья) коммунах имущество было общим, вводился всеобщий обязательный физический труд.

Следствием такого отношения к собственности является разделение общества на два антагонистических класса, борьба между которыми и является движущей силой исторических процессов. Отсюда выводится концепция уничтожения частной собственности, которая порабощает и закабаляет человека, допускает эксплуатацию в массовых масштабах.

Эксплуатация и ее роль в истории

В узком смысле слова *эксплуатацию можно определить как форму социального паразитизма, когда человек (или группа людей) живет за счет другого (других).*

Следует различать экономическую форму эксплуатации и ее неэкономические формы. К последним могут быть отнесены такие явления, как расизм, национализм, т.е. то или иное ущемление прав людей другой расы, нации и пола. Можно говорить и о том, что нынешнее поколение людей эксплуатирует ресурсы Земли, загрязняя среду обитания будущих поколений (жизнь за счет детей и внуков). Однако *основная форма эксплуатации*

складывалась в деятельности людей по поводу производства материальных благ. Она построена на той или иной форме присвоения прибавочного труда, т.е. труда избыточного, направленного не только на удовлетворение элементарных физиологических потребностей организма. Он появился при выходе общества из первобытного состояния, когда обмен товарами стал не эпизодическим, а постоянным феноменом. В определенном смысле размер и масштабы прибавочного труда характеризуют прогресс общества, ибо только он позволил создать элементы материальной и духовной цивилизации. На предшествующих этапах развития человечества преобладала самоэксплуатация по принципу: «Человек — раб своего желудка».

Развитие рыночного хозяйства позволило расширить производство, создать новые общественные отношения. Ф. Энгельс в свое время отметил, что без античного рабства как классической формы эксплуатации не было бы современной Европы и социализма. Рыночная экономика, развиваясь в течение ряда столетий, проходя различные фазы, приобрела в конечном итоге форму классического капитализма с высоким уровнем *эксплуатации человека человеком.* Однако уже в XIX в. эта форма эксплуатации стала постепенно вытесняться другой формой — *эксплуатацией человека не другим человеком, а государством и обществом.*

Государственный монополизм и опирающаяся на него мощная система бюрократического аппарата («номенклатура») становится основным эксплуататором миллионов людей, отчуждая их и от собственности, и от власти. Разрешить это противоречие в принципе можно двумя основными путями: либо путем создания мощной системы социальных гарантий, пособий, выплат и т.д. с ростом «среднего» класса, владеющего собственностью, либо путем, по которому пошли страны, пытавшиеся воплотить идеалы социализма в жизнь. В первом случае в обществе существует сравнительно небольшая группа крупных собственников, равно как и беднейший слой населения, но большинство людей находится в «золотой середине». Далеко не все из них владеют средствами производства, но многие становятся либо их совладельцами, либо имеют недвижимое имущество. За счет налогов, взимаемых с этой массы, государство осуществляет не только общенациональные проекты, но и оказывает помощь бедным, пенсионерам, больным, безработным, беженцам и т.д. Далеко не всегда при этом складывается «общество всеобщего благоденствия», но эта форма

общественного устройства в основном гарантирует соблюдение прав человека и имеет разветвленную систему государственной и общественной помощи в случае ее необходимости.

Во втором случае экономическая модель основывается на сверхэксплуатации миллионов людей, плоды труда которых отчуждаются в пользу государства («общий котел», «закрома Родины» и т.д.). Затем государство перераспределяет эти фонды через систему социального обеспечения, дотаций нерентабельным предприятиям, искусственно занижает цены на ряд товаров и услуг. Внешне все выглядит достаточно справедливо и гуманно, и пока хватает рабочих ресурсов и «работает» трудовая этика стимулов к труду, такие общества еще могут развиваться. Вместе с тем набирают силу и такие критерии распределения и перераспределения, как должностной (распределители для номенклатуры), имущественный (теневая экономика, проценты по вкладам), кровнородственный (в семейных кланах) и т.д. В этих условиях государство не может осуществлять справедливый контроль за мерой труда и мерой потребления, а резкое падение стимулов к труду и уравниловке в оплате приводят к закономерному финалу.

Как показало время, тоталитарные государства оказались неспособными удержаться на передовых рубежах мировой цивилизации и стали испытывать серьезные экономические трудности. Установка миллионов людей на то, что «власть должна кормить страну», оказалась пагубной и привела к массовому иждивенчеству. Миллионы людей оказались отчужденными от собственности и власти, а их роль свелась к функции исправного «винтика» в огромной государственной машине. Попытка преодолеть капиталистическую эксплуатацию этим путем привела к еще более примитивной, архаичной и антигуманной форме эксплуатации.

В связи с этим возникает вопрос: искоренима ли эксплуатация в принципе или человечество может стремиться только к смене одних форм эксплуатации другими, более гуманными? Веками социалисты-утописты, апеллирующие к науке, пытались построить каркас будущего общества без эксплуатации, где были бы реализованы идеалы свободы, равенства и братства. У всех трех мировых религий (буддизм, христианство и ислам) есть свой духовный путь достижения тех же благородных целей. Современные футурологи, описывая модели будущего, делают упор на средства и методы преодоления эксплуатации, на обретение человечеством подлинной свободы.

Вопрос этот крайне сложен, но современная НТР может способствовать тому, чтобы труд миллионов людей перестал быть проклятием и приобрел черты творческого процесса. В обозримой перспективе человечество может преодолеть основную форму эксплуатации — экономическую, если найдет в себе силы для решения глобальных проблем современности, а также старых как мир проблем отношений полов, рас, наций и т.д. Это не означает, что «светлое будущее» неизбежно наступит. Развитие мирового сообщества имеет и другие альтернативы. Ясно, однако, что по этому пути следует идти большинству стран мира, а основой такого движения являются экономические и политические свободы. Для философского анализа важно то, что этот процесс должен быть саморегулирующимся, ибо никаким самым точным и безупречным планом нельзя охватить все многообразие хода мировой истории. Очевидно также, что ведущая роль в этом движении будет принадлежать интеллектуальному и моральному потенциалу человечества.

В определенном смысле мировая экономика стоит на пороге новой Реформации, поскольку существующие экономические модели (даже в самых высокоразвитых странах) близки к своему исчерпанию. Человечество уже не может исходить только из своих эгоистических интересов и бесконечно расширять производство. Точка опоры человека и общества находится не внутри их, а вовне, что определяется логикой развития сложной системы, входящей как фрагмент в еще более сложную систему Космоса.

Структура современного общества

Необходимость анализа структурных особенностей общества требует выделения в нем субъектов исторического процесса в их историческом развитии. Говоря об этом, следует начать с понятия «народ». В марксистской традиции *к народу относили представителей прогрессивных сил общества, в первую очередь трудящихся, и тех представителей эксплуататорских классов, которые способствовали движению общества к прогрессу.* Все остальные считались «населением» в узком смысле этого слова. Здесь исходили из двух посылок:

- разделения на прогрессивные и реакционные классы и группы;
- представлений об однонаправленности прогресса.

Действительность же гораздо сложнее, поскольку движение истории — в деяниях классов и наций, групп людей и отдельных личностей. Чем больше людей действительно заинтересовано в тех или иных реформах или революционных преобразованиях, тем основательнее результаты, тем надежнее они закрепляются в обычаях и традициях. Масштабы преобразований требуют и великих, выдающихся личностей, в которых персонифицируются те или иные направления движения истории.

Говоря о структуре современного общества, следует остановиться на его классовых характеристиках, с которыми в марксистской традиции связывалось дело социального освобождения, инициатором которого выступал рабочий класс. Под классом понимается большая общественная группа, отличающаяся отношением к средствам производства и собственности. Классовое деление общества имеет объективные корни, ибо связано с местом данного класса в производстве, его отношением к средствам производства, организацией труда и т.д. Образование классов — длительный процесс, который шел во время разрушения первобытной общности и формирования государства.

Однако рассмотрение этого феномена как главного двигателя истории и возложение на один класс (рабочий) миссии всемирно-исторического масштаба нарушают принцип объективности рассмотрения. Дело в том, что НТР приводит к постепенному стиранию различий между умственным и физическим трудом, а также людьми разных классов общества. При тоталитарных режимах происходит формирование мощного класса номенклатуры и люмпенизации представителей других классов. Как правило, это ведет к социальной апатии, утрате чувства причастности к экономическим и политическим решениям. Лечение этой «социальной патологии» мыслится на путях создания реальных (в том числе законодательных) предпосылок для владения собственностью.

В последние годы привлекает к себе внимание «этнический парадокс», проявляющийся практически во всех странах мира. Суть его состоит в том, что мировая экономика все более и более обретает глобальный характер и целостность, что заставляет все страны включаться в единый процесс. С другой стороны, растет национальное самосознание, идет борьба (или война) за национальную независимость и суверенитет, обостряются многие старые конфликты в многонациональных государствах.

Для того чтобы адекватно оценить понятия «национальное самосознание», «национальная идея», «национализм», «патриотизм», «интернационализм» и т.п., необходимо определить исходные термины. Следует различать понятия «популяция» и «этнос». В первом заключен в основном природно-биологический смысл, ибо популяция — это проживающие на одной территории сообщества особей, связанных единством генофонда и кровно-родственными связями. Понятие «этнос» более глубокое и несет в себе важное мировоззренческое содержание. Происхождение этноса является одной из самых интересных проблем современной науки. Л.Н. Гумилев выдвинул концепцию пассионарности. Ее суть — в направленном воздействии энергии Космоса на определенные популяции, которые, получив энергетический заряд, включаются в длительную (около 1000—1200 лет) эволюцию, проходящую ряд ступеней — от взлета до упадка. Этим объясняются многие исторические явления, особенно массовые переселения народов, экспансии, войны и т.д. Этнос имеет три уровня организации:

- семья;
- группы (общины, анклав, служители культа, национальная интеллигенция);
- субэтносы (расовые группы, хозяйственно-культурные группы, языковые группы и пр.).

На базе этносов формируется феномен национальной культуры, которая сохраняется даже при гибели этноса или растворении его в других этносах. Триада «популяция — этнос — культура» обеспечивает действие механизма биологической и социальной преемственности. Для философского анализа сущности этноса важно прежде всего то, что в этнической принадлежности современный человек часто находит последнее убежище от неразрешимых проблем современного мира. На данном этапе развития мировой цивилизации все большее значение приобретают процессы метизации разных этносов и формирование новых крупных наций (например, латиноамериканской). В принципе, только сам человек, действуя свободно, может отнести себя к тому или иному этносу или нации. Все попытки зафиксировать это на государственном уровне так или иначе приводят к дискриминации.

Трудно переоценить значение патриотизма, любви к Родине, к своей земле и своему народу, ощущения себя частью богатого

и славного целого. Эта любовь плодотворна тогда, когда сочетается с признанием того же чувства у человека другой национальности и не сопровождается идеями национальной исключительности. В этом смысле каждый народ — «избранный Богом» или историей. Национализм же означает превышение меры национального самосознания, переход грани (часто тонкой и трудноуловимой), отделяющей социальную норму и социальную патологию.

Каждый человек, кроме национально-классовой структуры общества, включен в поселенческую структуру (например, город, село, пригород), культурную среду, семью, профессиональную группу и т.д. В целом создается сложное и уникальное переплетение «силовых линий» социальной структуры, тем более что человек в течение жизни может менять классовую принадлежность, профессию, место жительства и т.д. Но половые, этнические и культурные особенности принадлежат к устойчивым элементам структуры.

Для современности наиболее важные изменения в социальной структуре общества обусловлены двумя обстоятельствами. Во-первых, это переход к урбанистическому (городскому) образу жизни более половины населения планеты, в том числе и в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Это в корне меняет сложившееся ранее представление о движущих силах развития общества, поскольку на первый план выходит человек, его сознание, мышление и творчество. Недаром образование считается важнейшей сферой развития общества и наиболее выгодной сферой инвестиций. Во-вторых, еще в 60-е гг. XX в. был отмечен переход к информационной модели развития стран западной цивилизации, где стирается грань между производством и потреблением, где деятельность человека связана прежде всего с информацией и знаниями как основным ресурсом развития.

Итак, *общество — определенный этап эволюции живого, подчиненного законам, общим для всего сущего и специфичным именно для данной системы.* Изучение этих законов показало их необычайную сложность, многозначность, вероятность, несводимость к механическому детерминизму. Человек, рождаясь в определенном обществе и в определенную эпоху, застает сложившуюся систему общественных отношений, которую он не может игнорировать. Он сможет и должен определить свое место и роль в этой жизни, найти в ней свое предназначение как существа живого и действующего. Власть объективных закономерностей общества

не является чем-то фатальным, и в этом смысле *история* — движение человечества к свободе и гуманизму в отношениях людей и их сообществ. Особенно очевидно это сегодня, когда человечество должно вновь осознать себя единым субъектом, способным не только на выживание, но и на дальнейшее развитие, выход в Космос и обретение новых горизонтов.

Рекомендуемая литература

1. Барулин В.С. Социально-философская антропология. — М., 1994.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. — М., 1990.
3. Гречко П.К. Концептуальные модели истории. — М., 1995.
4. Деятельность: Теория, методология, проблемы. — М., 1990.
5. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — М., 1997.
6. Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной федерации. — М., 1995.
7. Карсавин Л.П. Философия истории. — СПб., 1993.
8. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. — М., 1996.
9. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
10. Очерки социальной философии: учеб. пособие для вузов. — М., 1994.
11. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
12. Тойнби А. Дж. Постижение истории. — М., 1991.
13. Уткин А.И. Запад и Россия: история цивилизаций. — М., 2000.
14. Философия : учеб. пособие для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Ростов н/Д, 2002. — Гл. VII.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.

Культура и цивилизация

Сущность культуры, ее генезис и структура

Понятия «культура» и «цивилизация» прочно входят в арсенал обществоведческой и гуманитарной мысли. Латинский термин «культура» означает возделывание, обработка, воспитание, развитие, поклонение. Эти понятия относились и к земледелию, и к животноводству, и к человеку.

К настоящему времени насчитывается множество определений культуры. В истории человеческой мысли термин «культура» понимался как «воспитанность», соответствие идеалам гуманизма и Просвещения, следование Разуму. Особое значение это понятие приобрело в XVIII в. в трудах французских энциклопедистов. В самом широком смысле слова *культура* — это то, что создано и создается человеком (материального и духовного), в отличие от природных вещей и явлений. Культура — это природа, обработанная особым, человеческим, образом в целях удовлетворения тех или иных потребностей. Она не сводится к вещам, воспроизведенным человеком, а распространяется на общественные отношения и продукты духовного производства.

Можно привести ряд кратких определений культуры, данных выдающимися представителями отечественной мысли. Так, А. Блок писал, что «рост мира есть культура»; у Г. Шпета — «культура — это культ разума»; П. Флоренский считал, что «культура — это язык, объединяющий человечество» и «среда, растящая и питающая личность», а Б. Пастернак называл культуру «производительным существованием», которое «первому встречному в объятия не бросается». В христианской антропологии культура понимается как любовь к человеку и квинтэссенция человечности.

Самым существенным философским признаком предмета культуры является его двойственность, двукачественность. Уже

на примере самого примитивного орудия труда — ручного рубила — можно видеть, что в этом обработанном куске камня есть и природные качества (например, вес, цвет, твердость), и качества, вложенные в него рукой человека, создавшего этот предмет культуры. В нем опредмечена человеческая мысль, нашел воплощение замысел творца, и он тем самым стал служить удовлетворению той или иной потребности человека. Поэтому *любой феномен культуры является чувственно-сверхчувственным, несет в себе систему природных и социальных качеств*. В этой двойственности — суть культуры как общественно-исторического способа адаптации человека к миру, причем эта характеристика относится и к самому человеку. Мир культуры включает в себя, таким образом, и процесс, и результат человеческой деятельности, направленный как вовне, так и внутрь человека. Внешний слой культуры является для последнего по сути дела такой же объективной реальностью, как и мир природы и Космос. Живя в мире культуры, будучи сам культурным явлением, человек оставляет после себя феномены материальной культуры (дети, вещи) и духовной культуры (идеи). Тем самым он общается и с прошлым, и с настоящим, и с будущим, включаясь в движение мировой истории.

Можно, следовательно, говорить о культуре каждого человеческого существа, групп людей, объединенных по возрасту, полу, общественному положению, профессии, религии и т.д., а также о культуре человечества в целом. Все это — различные субъекты культуры, соотношение которых исторически изменчиво.

Суть культуры может быть графически представлена в виде треугольника, у основания которого — воспитание и образование (двигатель культуры), а стороны — возделывание, обработка (смысл культуры) и поклонение, почитание (культ как своеобразный тормоз).

Говоря о культуре как способе очеловечивания бытия и самого человека, нужно обратиться к проблеме ее генезиса и структурных особенностей. Очевидно, что в процессе антропосоциогенеза на протяжении длительного времени первым (и ведущим) компонентом в культуре была *технология обеспечения жизненного цикла человека*, его «натуры». При внешнем сходстве телесных функций человека и животных (еда, питье, выделения и т.д.) именно в этих процессах начиналось различие биологического и социального. В процессе удовлетворения физиологических потребностей формировалась телесная культура человека как базовый фундаментальный

слой культуры. Недаром самые древние и наиболее мощные нравственные запреты-табу были связаны с пищевым и половым поведением человека как предпосылками становления культуры. Обеспечение себя пищей и водой, приспособление к климатическим условиям, ритуализация половой и детородной функций требовали все более и более совершенной организации жизни общины. Постепенный переход от присваивающего типа хозяйства к производящему и тем самым от пользы к выгоде означал нарастание потенциала второго компонента культуры — *ее организационных форм*. Новая стадия развития потребовала принципиально новой культуры, сущностью которой было обеспечение технологии деятельности путем управления людьми. В этом заключается глубинный смысл феномена и идеи государственности.

Следует подчеркнуть, что и самообеспечение и управление как явления культуры принимали форму символического выражения. Люди не просто ели, укрывались от холода и опасности, размножались и старели, но культивировали процесс осуществления этих биологических потребностей. Самовыражение в пирах и оргиях, одежде и постройках, празднествах и мистериях, войнах и походах имело не только и не столько утилитарный смысл (насыщение, укрытие и т.д.), но и превосходящее его символическое значение. Феномены культуры все время обозначали и подтверждали социальный статус человека и общества. По характеру сооружений (например, пирамид), оружия и утвари, одежды можно достаточно точно судить о состоянии третьего компонента культуры, *ее духовной сферы*.

Если первые два как-то ограничены ресурсами и физическим потенциалом данного общества, то мир духовной культуры беспределен. Постепенно он становился в сознании многих людей доминирующим, ибо служение Богу, Абсолюту, культу предков и т.д. рассматривалось как основная сфера самовыражения личности и общества.

В эволюции культуры прослеживаются три основные формы передачи культурного наследия, без чего немислимо само существование культуры. Во-первых, это *передача образцов технологии деятельности по принципу: «Делай, как я»*. Эта древнейшая форма передачи знаний, умений и навыков от учителя к ученику воспроизводится на протяжении всей истории. Ее достоинством является живое общение с авторитетом, использование в обучении механизма подражания действиям. С другой стороны, всегда существует опасность консерватизма, слепого копирования усто-

явшихся форм, догматизации учения. Тем не менее этот тип передачи культурного наследия, который в восточной традиции называется «у ног Учителя», остается универсальным.

Вторая форма — *передача опыта не прямо, а с использованием норм, предписаний и запретов*. Здесь упор делается на устную или письменную традицию, передаваемую от поколения к поколению в виде формулы: «Делай так». Она может носить характер не только предписания, но и абсолютного запрета, как, например, гиппократовский принцип в медицине: «Не навреди». Характер передаваемых норм изменяется в ходе истории, они наполняются новым смыслом, что дает гораздо больше простора для творчества. Однако опасность догматизации норм так же велика, как и соблазн объявить эти нормы устаревшими. Каждая эпоха по-своему оценивает и применяет нормы исходя из своих императивов культуры.

Еще более сложна третья форма — *аксиологическая, когда наследуются идеалы и ценности, облекаемые в те или иные принципы*. Проблема идеала в культуре необычайно сложна, ибо любая ценность самопротиворечива и содержит в себе свое отрицание. Достаточно вспомнить проблему происхождения зла в мире и тедицеи, т.е. оправдания Бога как творца и правителя мира вопреки существованию зла и темных сил. Коварство в словесном выражении любого идеала (светского и религиозного) было понято очень давно, что породило учения о молчаливом постижении Истины и Бога (исихазм, дзен-буддизм и т.д.). Поэтому так трагична судьба многих прекрасных идеалов (например, еще недавно такой близкий нам коммунистический). При трансляции через поколения они зачастую утрачивают свой первоначальный смысл, а при «внедрении» в практику дают такие плоды, что основоположники этих идеалов в ужасе отшатнулись бы от них. Здесь находится сердцевина старого спора — что или кто виноват — плохие идеалы или плохие люди, извратившие прекрасные идеалы? Поскольку в любом идеале можно найти уязвимое место, а люди — не ангелы, то реализация идеалов, как правило, относится либо к далекому земному будущему, либо к миру небесному.

Тем не менее для культуры система идеалов, исповедуемая данным обществом и выражающаяся в форме символов, имеет решающее значение. *Культура — это идеал, выполняющий системообразующую роль в технологии общественного производства*. Если первый, базовый, слой культуры заключен в предметной деятельности человека, где созидаются вещи, второй ее слой — в процессе

общения людей, порождающего идеи и представления, то ее третий пласт представлен *системой духовных символов*. Они имеют форму религиозных догматов и откровений, философских концепций, а также реализуются в разнообразных формах искусства. По терминологии Гегеля, это царство Духа как высшего цвета культуры, ее квинтэссенция. Можно говорить о трех основных типах духовной культуры человечества:

- индоевропейская — культ творческого человека и свободы;
- семитская — культ необходимости и следования закону;
- китайская — культ случайности и следования ритмам природы.

Данные установки редко прослеживаются в «чистом виде» и в основном выступают как тенденции развития, которые модифицируются в каждую конкретную эпоху. Во многом это связано с доминирующим типом демографического поведения людей данной культуры. Так, в культурах с высоким потенциалом прироста населения прослеживается преимущественная ориентация на традицию. В культурах, испытывающих трудности, часто преобладает так называемая ориентация «на другого», которая выражается в восприимчивости к ожиданиям и предпочтениям других людей. В культурах промежуточного типа люди часто предпочитают ориентацию «на себя», т.е. на удовлетворение прежде всего личных потребностей и достижение личных целей.

Нужно также указать на противоречия аксиологического, т.е. ценностного понимания культуры. В обыденной жизни под культурой часто понимают только доброе, хорошее, нужное и полезное человеку и обществу, забывая, что любой феномен культуры можно обратить как на пользу, так и во вред человеку. Скажем, ножом можно прооперировать больного и спасти ему жизнь и этим же ножом можно убить человека. Поэтому с понятиями «антикультура», «контркультура» и т.п. нужно обращаться очень осторожно, памятуя о том, что нельзя не игнорировать ценностное измерение культуры, не раздувать его и абсолютизировать.

Кризис культуры и его формы

Говоря о кризисе современной культуры, следует остановиться на наиболее важных формах этого кризиса. Одна из них описана английским писателем Ч.П. Сноу под названием «две культуры». Суть этой формы — в болезненном и порой трагическом разрыве естественнонаучного знания и гуманитарной культуры.

Классическое естествознание (физика, химия, биология) всегда отличалось строго объективным подходом. В этом смысле наука безлична, наднациональна. А вот владение содержанием этого знания, его репродукция и трансляция происходят в сфере культуры, в мире, где господствует субъективный подход.

Занимаясь естественнонаучным познанием, люди тем самым приобретают особый тип мышления и отношения к миру, который может быть определен как технократический. В его основе лежит идея «овладения» миром с помощью науки и техники, «покорения» природы, «переделки» человека на базе рациональности. Научное исследование с этой точки зрения абсолютно свободно и ради познания может пойти, в принципе, на любой эксперимент. Наука не может заниматься отдельным человеком, его субъективным миром; ее сфера — это область массовых явлений, статистических закономерностей.

С другой стороны, представители гуманитарного знания сосредоточены именно на человеке, его духовном мире, на том, что не поддается описанию и объяснению в строгих терминах логики. Эта установка формирует особый, гуманитарный, тип мышления, в корне отличающийся от технократического. Разрыв этих двух установок, наличие «двух культур» чревато деструкцией общественного сознания, причем технократический подход берет верх.

В конце 60-х гг. нашего столетия появился термин «контркультура», под которым понималась форма протеста против стереотипов и ценностей, сложившихся в индустриальных обществах Запада. *Контркультура* была частью молодежного движения и выражалась в умонастроениях, стиле жизни, формах художественного творчества. В ее основе лежала идея «великого отказа» (термин ввел философ Г. Маркузе) от ценностей традиционного общества, научно-технического прогресса и образа жизни отцов. Сторонники этого движения (например, хиппи, панки и т.п.) пытались создать «новую философию жизни». Существование параллельных форм культуры (наряду с официальной) было отмечено в 60–70-е гг. и в СССР, и в восточноевропейских странах (секты, андеграунд в искусстве и т.п.). Идеологи этих направлений резко критиковали «массовую культуру», оглуляющую человека, и рационализм как установку жизни, свойственную в основном людям старшего поколения.

Под массовой культурой понимаются разнообразные явления в сфере общения людей, связанные современными средствами

коммуникации (радио, телевидение, видеотехника, телексы, Интернет и т.д.). В результате появляется так называемый «одномерный» человек, у которого утрачена цельность и деформирован внутренний мир. Для него вполне пригодна «двойная мораль», он полностью ассимилирован обществом и служит ему. Контркультура, резко осуждая этот тип, призывает к восстановлению целостности человеческой личности.

Бунт «детей» против «отцов» был направлен на поиск новых идеалов и ценностей, которые будут «работать» при крахе современной техногенной цивилизации. На основе этих молодежных движений появилось и получило интенсивное развитие движение «зеленых», направленное на спасение человечества от надвигающейся экологической катастрофы.

Нельзя не упомянуть становление «экранной» («компьютерной») культуры. Последняя в принципе отличается от традиционных тем, что происходит в режиме диалога и осуществляет синтез понятийного и чувственного. Очевидно, что это требует развития у человека новых качеств и значительно расширяет его интеллектуальные возможности. Но данный процесс требует новых подходов к соотношению традиций и новаций в культуре. Компьютер в начале XXI в. воплощает в себе не только высшее достижение человеческой мысли, но и наиболее совершенный продукт цивилизации, овладение которым (а не только его обслуживание) требует фундаментальной общекультурной подготовки. В этом смысле можно понять людей, которые считают Интернет смертью культуры человека.

«Экология культуры»

В преодолении кризиса культуры начала XXI в. крайне важно учитывать то, что названо академиком Д.С. Лихачевым «экологией культуры». Соблюдение правил «экологической безопасности» позволяет, не нарушая взаимодействия разных слоев, пластов, стилей и направлений в культуре, обеспечить ее естественную эволюцию, которую сравнивают с ростом дерева. Главное — *обеспечить питательную почву для культуры, беречь и сохранять уникальность каждой человеческой личности и среды ее обитания.* Политическая система не должна вмешиваться в жизнь культуры, навязывая ей какую-либо систему идей в качестве доминирующей и подавляя все остальные.

В связи с этим необходимо остановиться на проблеме национального и общечеловеческого в культуре. Очевидно, что каждый народ, даже самый малочисленный, создает свою неповторимую и уникальную национальную культуру. О ней можно судить по таким материальным и духовным явлениям, как организация производства и быта, одежда, архитектура, прикладное искусство, народное творчество, язык, литература и пр. Этнические характеристики в этих видах и продуктах культурной деятельности человека видны наиболее ярко. Национальное своеобразие проявляется в формах и методах воспитания детей и юношества, сохранении здоровья, профилактике и лечении болезней, выражении чувств и эмоций, участии в общественно-политической жизни, поведении в быту, взаимоотношениях мужчин и женщин, старших и младших и т.д. Все это образует тот неповторимый колорит, который позволяет отнести человека к той или иной национальной культуре. Огромную роль в этом играют и национальные религии. Культура каждого народа — это, в переносном смысле слова, своя Вселенная, которая порождена общим потоком человеческой истории и в этом отношении открыта всем влияниям.

Общечеловеческое (интернациональное) в культуре не может развиваться в ущерб национальному своеобразию, ибо в каждой этнической культуре есть элементы общечивилизационных материальных и духовных ценностей. Не зря ряд крупнейших историко-культурных памятников считается достоянием всего человечества, а не только данного народа. Осознание этого обстоятельства чрезвычайно важно, поскольку в умах многих людей процесс интернационализации культуры ассоциируется с утратой национального своеобразия, его унификаций, а затем и гибелью. Нередко это связывается с целенаправленным действием каких-то враждебных сил, которые пытаются таким образом поработить народ, отнять у него самое ценное — национальную культуру. Чтобы разобраться в этой сложной проблеме, необходимо понимать реальную опасность исчезновения культур, особенно малочисленных народов, и не менее реальную угрозу национальной ограниченности культуры с утратой ее способности к дальнейшему развитию. Как и любой процесс, протекающий в сложной системе, эволюция культуры внутренне противоречива. Хранить и сберегать культурное наследие нельзя в замкнутом пространстве. Подлинная жизнестойкость культуры любого народа проверяется только на ветрах истории, чему немало примеров и в прошлом, и в настоящем.

Наш век принес неклассическую (модернистскую) модель культуры с центральной идеей диалога разных культур, иррациональности жизни человека, приоритета его внутреннего мира с переживанием различных состояний. Это отразило суть резких изменений всех сторон бытия и сознания человека.

Не случайно, что в конце XX в. рождается постмодернистская модель культуры, где разумность мира вообще ставится под сомнение, а культура не укладывается ни в какие теоретические схемы. Образом постмодернистского мира является так называемая «ризома» (термин, обозначающий переплетение корней растений), когда личность охотно принимает все разнообразие культур и одинаково ровно относится ко всем проявлениям в жизни, не стесняясь быть не похожей на других. Культура нашего времени становится достаточно всеядной, не утрачивая, однако, свободы в самоопределении. Иногда ее характеризуют как «тектуру», т.е. гибрид культуры и высоких технологий современности.

Понятие цивилизации

Понятие цивилизации является одним из наиболее употребляемых в философии, истории и других науках гуманитарного цикла. Оно родилось во Франции, в середине XVIII в. и обозначало идеальное устройство человеческого общества. Этимологически термин восходит к латинскому слову «цивилис» — городской, что говорит о тесной связи цивилизации с городским типом культуры. Часто термин «цивилизация» выступает синонимом термина «культура», ибо обозначает особый этап в развитии культуры.

Нужно подчеркнуть, что при всем многообразии подходов к определению соотношения культуры и цивилизации основным является представление о цивилизации как о более внешнем по сравнению с культурой слое человеческого бытия. Цивилизация воплощает в себе технологический аспект культуры со ставкой не на качественные, а на количественные параметры бытия с установкой на беспредельное развитие со сменой целей этого развития. *Главное в цивилизации — непрерывная смена технологий для удовлетворения столь же непрерывно растущих потребностей и возможностей человечества при законодательном обеспечении этого процесса.* Такое представление о цивилизации основано на успехах и достижениях научно-тех-

нической революции в странах Запада и на постулатах либеральной демократии.

В философской мысли XIX–XX вв. наибольшим признанием пользовалась концепция так называемых «локальных цивилизаций», созданная усилиями Н.А. Данилевского, О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби. Все народы в этой концепции делятся на первобытные и цивилизованные, а последние — на определенные культурно-исторические типы (от 8 до 21). Особый интерес здесь представляет феномен «вызов — и — ответ», когда спокойное развитие сменяется критической ситуацией. Она в свою очередь побуждает цивилизацию к росту, вплоть до «надлома» и «смутных времен». Авторы этой концепции пытались преодолеть европоцентризм в понимании цивилизации, что нашло позже развитие у К. Ясперса. Он выдвинул идею об «осевой» культуре середины I тысячелетия до н. э., которая дала ряд великих имен в разных концах планеты: Конфуций, Лао-цзы и Мо-цзы в Китае; Будда и авторы Упанишад в Индии; Заратустра в Персии; Илия, Исая и Иеремия в Палестине; Гомер, Парменид, Гераклит, Сократ, Платон в Греции; Нума в Риме. Суть этого времени в рефлексивной гуманистической культуре, а его фундамент — так называемая «философская вера», отличающаяся от религиозной и научного познания.

Есть и другие представления о цивилизации, основанные, в частности, на поисках внесемных цивилизаций, которые гипотетически характеризуются как высокоразвитые сообщества гуманоидов, овладевших законами времени и пространства, материи и духа.

Понятие «цивилизация» плодотворно прежде всего для исторической науки, ибо позволяет синтезировать объективный подход к истории (и основанное на нем формационное деление) и субъективный фактор, связанный с деятельностью человека. Последнее особенно важно для понимания духовной ситуации на каждом этапе истории. Это «человеческое измерение» исторических событий заключается в ментальности каждой эпохи и цивилизации, под которыми понимаются особый путь умонастроения большинства людей, ведущая вера или идея, вдохновляющая миллионы. Однако уповать только на духовный потенциал было бы не меньшей односторонностью, чем принимать во внимание только экономический базис или социально-политические институты общества.

В понятии цивилизации заключена интегральная характеристика, относящаяся и к человеку, и к обществу, представляющая

качественное своеобразие данного периода мировой истории и человека, находящегося в нем. В понятии «человек цивилизованный» как бы пересекаются два типа исторического времени — линейное и циклическое. Все мы — дети всемирной истории, капельки ее океана, но в то же время каждый человек — представитель культуры своего народа.

В конце XX в. оформилась особая отрасль знания — цивилизационные исследования, целью которых является попытка охватить все, что накоплено наукой за предшествующие годы, дать прогноз обозримого будущего мировой цивилизации. Раскрывая содержание этих исследований, надо сказать, что часть ученых придерживается традиционного представления о цивилизациях как локально-исторических образованиях, имеющих в своей основе специфический социокультурный код. Эти ученые развивают идеи М. Вебера и А. Тойнби в отношении того, что для каждой цивилизации важен прежде всего духовно-религиозный код деятельности. Если же цивилизации не навязывают иные ценности (например, образ жизни людей западной цивилизации), наступает реакция отторжения, подобно тому, что бывает и при пересадке чужеродной ткани. Это отчасти объясняет феномен малой эффективности применения новейших технологий в цивилизациях, культурный архетип которых не воспринимает новации.

Далее нужно отметить и развитие людей современной глобалистики, подоплекой которой является обострение глобальных проблем и необходимость их решения в масштабах всей планеты. С одной стороны, стало очевидно, что от этого не может уйти ни одна цивилизация современности, с другой стороны, ясно, что нельзя смотреть на эти проблемы только с позиций западного мира. Мир стал многополюсным, и потому необходимо понимать, что цивилизации многозначны, и они сами должны идти навстречу друг другу. Основой для такой «встречи цивилизаций» могут быть всеобщие коды духовной и материальной жизни людей на планете. Универсальность символов, разумеется, не отменяет специфики трактовки этих понятий в рамках каждой цивилизации. Известно, например, как по-разному трактуются понятия свободы, прав человека, власти и т.п. в разных странах.

Развивая эту мысль, нужно сказать, что есть два течения в осмыслении феномена целостности мира. Сторонники одного (Н. Моисеев и др.) считают, что в XXI в. возникнет единая планетарная цивилизация с общечеловеческим Разумом, Памятью

и Духовным миром. Другие полагают, что будущая, «метацивилизация» будет своеобразным «общим знаменателем» разных культур и цивилизаций, которые сохраняют своеобразие во всем обозримом будущем. Это мнение основано на концепции «культурного плюрализма», идее неустранимости этнокультурных различий и признания равенства каждой культуры.

Запад — Восток — Россия

Чтобы уяснить суть этой проблемы, следует обратиться к традиционной дихотомии Запад — Восток. Правильнее будет говорить о взаимодействии цивилизаций западного и восточного типа. Характеризуя основные черты цивилизации Запада, нужно указать на такие существенные признаки:

- идея преобразования мира;
- природа — неиссякаемая кладовая ресурсов;
- ценность власти, силы и господства над природой и обществом;
- ценность научной рациональности.

Это предполагает: антропоцентрический характер восприятия мира, где цели и средства могут не совпадать, а цель науки — истина, имеющая практическую отдачу. В свою очередь здесь возникает противоречие между технологией и личностными запросами человека, его отчуждение от самого себя и общества.

Восток, например, предпочитает личностный характер восприятия мира, но человек вовсе не является венцом творения. Его задача — «недеяние», а не насилие над природой, поскольку средства понимаются как развертывание содержания цели. Главное — обеспечить стабильность и предсказуемость, так как познание — это прежде всего путь нравственного совершенствования. Отсюда вытекает важность фигуры Учителя и наша сопричастность к Космосу.

Сравнив характеристики цивилизаций Востока и Запада, следует подчеркнуть, что особое значение имеет *взаимодействие культур Запада и Востока*, поскольку именно в этом большинство ученых усматривает залог успеха человечества. Данная проблема анализировалась многими выдающимися деятелями культуры или в аспекте конфронтации, или в аспекте примата Запада (Р. Киплинг) либо Востока (Мао Цзэдун). В России эта проблема

приобретала форму диалога славянофилов и западников. Постепенно вызревала идея о том, что культуры и цивилизации Запада и Востока являются взаимодополняющими и представляют собой определенную целостность, а рационализм Запада и интуитивизм Востока, технологический подход и гуманистические ценности должны сочетаться в рамках новой общепланетарной цивилизации.

Кроме того, следует упомянуть о реальных процессах взаимопроникновения восточной и западной цивилизаций в современном мире. Это Япония и другие страны Юго-Восточной Азии, где осуществлен синтез ряда западных и восточных моделей развития при сохранении культурной идентичности. Наконец, вспомним, что русское национальное самосознание рождалось в попытках осмыслить место России в дихотомии Запад — Восток. Если Запад представлялся для России чем-то достаточно монолитным в духовном отношении, хотя и различающимся по линиям католицизма и протестантизма, то с Востоком дело обстояло сложнее. Для России, по словам Вл. Соловьева, всегда был выбор — быть Востоком Ксеркса или Христа, т.е. мусульманским или христианским. Этот культурно-религиозный выбор имеет не только историческое, но и глубокое философское значение.

В связи с этим нужно выделить особенности российского типа культуры, среди которых: интравертность; этноцентризм; мессианиззм; монументализм; иррационализм; этатизм в сочетании с правовым нигилизмом; патернализм. Это определяет своеобразные формы российской цивилизации. Они обусловлены рядом географических условий (огромное пространство, плохие коммуникации), типом производства (преимущественно аграрно-ремесленное, «догоняющее» другие страны) и политическими институтами (деспотическая власть, опирающаяся на бюрократию, произвол власти и роль насилия в истории и т.д.).

Среди цивилизационных норм следует назвать:

- примат государства и общества над человеком;
- легкая взаимозаменяемость людей и правовой нигилизм;
- симбиоз власти и собственности;
- преимущественно экстенсивное ведение хозяйства.

Кроме того, надо упомянуть такие категории, как инверсия и медиация. При *инверсии* возможны мгновенные переходы от одной культурно-исторической ситуации к другой, причем в новые «одежды» рядятся традиционные элементы. *Медиация*, напротив,

требует длительной, напряженной работы для снятия противоречий социокультурного характера.

Из этого должен последовать вывод, что Россия представляет собой особый промежуточный тип цивилизационного развития с элементами как западной, так и восточной цивилизаций. Крайне характерным для нее является так называемый «мобилизационный» тип развития, что предполагает чрезвычайные меры для достижения экстраординарных целей.

В свою очередь это определило цивилизационные черты человека российской культуры. Он характеризуется как мессианский («иоанновский») человек, чутко различающий добро и зло, ищущий «божьей правды», терпеливо сносящий удары судьбы, пытающийся обрести гармонию. Для него характерен ценностно-рациональный тип мышления с ориентацией на «соборность», «общее дело», «традицию» и т.д.

Рекомендуемая литература

1. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. — М., 1994.
2. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. — М., 1990.
3. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. — М., 1996.
4. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. — М., 1991.
5. *Лосев А.Ф.* Философия, мифология, культура. — М., 1991.
6. *Миронов В.В.* Философия и метаморфозы культуры. — М., 2005.
7. *Михайлов А.В.* Языки и культуры. — М., 1997.
8. *Моисеев Н.Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. — 1995. № 1.
9. *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. — М., 1998.
10. *Фейнберг Е.Л.* Две культуры. — М., 1992.
11. *Чучин-Русов А.Е.* Конвергенция культур. — М., 1997.

Человек перед лицом глобальных проблем

В чем сущность глобальных проблем?

Кроме проблем каждой цивилизации, человечество стоит перед острой необходимостью решения общепланетарных проблем. Еще в 1868 г. французский ученый Э. Реклю ввел понятие «биосфера» для обозначения «живой» оболочки Земли, слоя животных и растений. В 20-е гг. XX в. наш соотечественник В.И. Вернадский разработал фундаментальную концепцию биосферы и ввел понятие «ноосфера», сфера Разума, преобразующего планету.

Уже в конце XX в. появились первые грозные признаки ухудшения качества биосферы вследствие развития техногенной цивилизации и установки на покорение природы. Смог над крупными городами, вырубка лесов и наступление пустынь, истощение почвы и бассейнов многих рек, снижение количества рыбы и диких зверей — все это волновало людей уже в начале XX в. Чтобы понять суть взаимоотношений человечества с природой, следует отказаться от взгляда на природу как на простой источник сырья для развития материального производства. Жизнь человека (и общества) — это составная часть глобального биогеохимического процесса и круговорота веществ. Человечество давно уже превратилось в мощную биогеохимическую силу, сравнимую, а зачастую превосходящую природные процессы. Планета и ее живая оболочка (включая человечество) — единая система, подчиняющаяся ритмике солнечной активности и других космических воздействий. Осознание этого единства пришло не сразу, как и осознание общих судеб всего человечества.

Поэтому необходимо осмыслить все системные связи в цепочке «человек — общество — производство — природа» с учетом принципа историзма, когда на первый план выдвигаются разные аспекты этого отношения. Особенность нашего времени состоит еще и в том,

что большинство данных проблем приняли глобальный, т.е. общепланетарный характер, давно вышли за рамки государственных границ и материков и представляют собой общечеловеческую задачу. Особое внимание мировой общественности эти проблемы привлекли после Второй мировой войны. В 50–60-е гг. появилось множество публикаций и докладов международных сообществ (Римский клуб и др.), которые зафиксировали нарастающую тревогу человечества.

Угроза термоядерной катастрофы

Бесспорно, *первой и главной глобальной проблемой человечества, угрожающей самому существованию природы и общества, является угроза термоядерной катастрофы.* Взрывы первых атомных бомб летом 1945 г. поистине стали рубежом в истории человечества. Не сразу пришло осознание того факта, что если до сих пор человеческий дух смирялся с существованием индивидуальной смерти, а возможно, и бессмертия (и загробной жизни), то сейчас может погибнуть сразу или за короткий отрезок времени все человечество. Крупнейшие умы XX в. (А. Эйнштейн, Б. Рассел, Ф. Жолио-Кюри и др.) осознали это и призвали все человечество забыть о том, что разделяет людей, объединиться во имя выживания всех.

Долгие годы суть данной глобальной проблемы усматривали в предотвращении ядерной войны, хотя еще в 50-е гг. многие считали допустимой ограниченную ядерную войну. Однако расчеты, проведенные в 70–80-е гг., показали, что при взрыве нескольких ядерных зарядов наступит состояние, названное «ядерной зимой», когда тучи пыли и дыма закроют Солнце, резко нарушив тепловой баланс планеты, что приведет к гибели биосферы. Чернобыльская катастрофа 1986 г. окончательно открыла миллионам людей глаза на сущность ядерной опасности.

Нужно подчеркнуть, что особая опасность состоит в том, что последствия облучения проявляются не сразу, а отражаются на будущих поколениях. Увеличивается количество больных со злокачественными опухолями и заболеваниями крови, резко снижается иммунитет к обычным болезням (и они гораздо чаще приводят к инвалидности или смерти), нарушая способность женщин к вынашиванию и рождению ребенка, растет число детей с тяжелыми врожденными дефектами развития. В целом все это способно привести к вымиранию значительной части населения.

Ядерная энергия — тот джинн, который, будучи выпущен из бутылки, уже не может быть туда загнан. Человечеству придется очень долго сосуществовать с источниками ядерной энергии, исключив войну с применением оружия и поставив под жесткий международный контроль все ядерные электростанции и другие установки. Это требует огромных материальных затрат, ибо накоплено огромное количество ядерного оружия, взрыв которого способен многократно уничтожить все живое на Земле. Другого пути для решения данной глобальной проблемы не существует, тем более, что с каждым годом увеличивается опасность ядерного терроризма.

Экологическая проблема

Не менее грозная проблема — экологическая катастрофа, надвигающаяся на планету. Термин «экология» был введен в оборот в XIX в. немецким биологом Э. Геккелем для обозначения всего внешнего по отношению к человеческому телу. В настоящее время человечество производит отбросы органического происхождения в объеме, в 2 тыс. раз большем, чем объемы отходов остальной биосферы. Очевидно, что нарушение этого равновесия породило целый комплекс сложнейших проблем. Человек, в отличие от всего живого, не связан жестко экологическими условиями своего бытия, он в определенном смысле *шел всегда против природы, не приспосабливаясь к ней, а изменяя ее в соответствии со своими потребностями. В этом и состоит философский смысл экологической проблемы.* Именно экологическая пластичность человека, его невероятная (по сравнению с животными) способность к адаптации определила такое расширение масштаба его деятельности, что привело в XX в. к экологическому кризису.

Решая эти проблемы, цивилизация порождает новые, гораздо более масштабные, и возникает ситуация «дурной бесконечности» (Гегель). Так господствующая система ценностей, направленная на удовлетворение потребности «иметь» (и как можно больше), вошла в глубочайший конфликт с гораздо более фундаментальной потребностью человека — «быть», жить и развиваться вне жесткой зависимости от того, что он имеет.

Следовательно, *суть экологического кризиса лежит в фундаментальном слое культуры человека и его потребностей, что*

определяет в некоторой степени психологическую неготовность миллионов людей осознать эту опасность.

Выход видится только в выработке общечеловеческого экологического императива деятельности на основе концепции коэволюции природы и человечества. Суть экологического императива состоит в международном признании запретной черты технологических экспериментов, переступить которую нельзя ни при каких обстоятельствах. Такой пример уже есть — это запрет ядерной войны и исключение насилия как способа решения международного конфликта. Нарушители этого императива независимо от того, какие цели они преследуют, должны рассматриваться как совершившие преступление перед человечеством. Целью внедрения экологического императива в сознание последнего является достижение коэволюции (совместной согласованной эволюции) природы и разума человека.

Демографическая проблема

Демографическая проблема стала глобальной уже достаточно давно. По подсчетам специалистов, с начала неолита и до настоящего времени на сцене истории «побывало около 80 миллиардов человек», причем темпы прироста населения все время росли. Так, последний десяток миллиардов добавился всего за 130 лет, с середины XIX в. и до наших дней. В 1987 г. родился пятимиллиардный житель планеты, а темпы роста сейчас таковы, что каждую секунду число людей на Земле увеличивается на три человека. В результате этого ежегодно появляется около 100 миллионов человек, что равно современному населению Западной Европы. Основной прирост населения обеспечивают Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, в которых в начале XXI в. живет свыше 80% населения мира. Это еще в 60-е гг. XX столетия расценивалось как «демографическая бомба». С другой стороны, в ряде стран и регионов мира, в том числе в Западной и Восточной Европе, в России наблюдается угрожающее уменьшение численности населения и его значительное постарение. Вполне реальны прогнозы демографов о начале депопуляции (т.е. вымирания) населения в этих регионах на рубеже столетий.

Иными словами, ситуация с народонаселением в мире характеризуется глубоким противоречием: в целом происходит достаточно

интенсивный рост населения в ряде стран (Китай, Индия), предпринимаются энергичные меры для его ограничения, а в других регионах и странах происходит депопуляция, что порождает огромные трудности для экономического и социального развития.

По образному выражению ученых, Земля сейчас «болеет человеком», и вполне закономерно ожидать в скором будущем демографического коллапса, т.е. достаточно резкого снижения численности населения. Оно может быть вызвано глобальным голодом, истощением ресурсов полезных ископаемых и почвы, непригодностью воды для питья, тепловым перегревом поверхности, распространением СПИДа и т.д. Иногда человечество сравнивают с раковой опухолью на теле Земли, полагая, что она и Космос — живые существа, наделенные сверхразумом. С этой точки зрения, неполноценный разум человечества не соответствует законам Космического разума, что приводит к его саморазрушению. В пользу этой концепции говорит, в частности, то, что все попытки со стороны государства и общества стимулировать или тормозить рост народонаселения в целом малоэффективны.

Нужно подчеркнуть, что человечество только начинает познавать сущность процессов саморегуляции своего численного состава, и поэтому искусственное, а тем более насильственное вмешательство в данные процессы чревато тяжелейшими последствиями. В полной мере это относится и к таким глобальным проблемам, как *ресурсная, энергетическая и продовольственная*, а также к *освоению Космоса и Мирового океана*. Они представляют собой компоненты экологической и демографической проблем, разные стороны великого противоречия Природы и Человека.

Кроме того, надо остановиться на глобальных проблемах здоровья человечества и, в частности, проблеме СПИД. В июне 1981 г. Американский центр по контролю заболеваний отметил необычное повышение уровня достаточно редкого заболевания, которое вызывается вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ). С 1982 г. это заболевание получило название синдрома приобретенного иммунодефицита (СПИД), а через год был открыт его возбудитель. Сейчас очевидно, что СПИД представляет собой беспрецедентную угрозу для существования человечества, ибо уже в 2000 г. число инфицированных достигло 25 миллионов человек. Пока неизвестно ни одного случая полного исцеления, а дестабилизация обстановки в мире и нерешенность других глобальных проблем делают ситуацию поистине катастрофической.

СПИД — типичный пример патологии, связанной с поведением человека, уровнем его цивилизованности и состояния культуры. Одни видят в этом божью кару, постигшую погрязшее в грехах человечество, другие — последнее предупреждение со стороны высокоразвитых внеземных цивилизаций, наблюдающих за землянами, третьи — происки реакционных политических сил, которые с помощью ученых создали биологическое сверхоружие. В любом случае ясно, что эпидемия СПИДа ставит нас перед лицом новых мировоззренческих и морально-этических проблем. Как и следовало ожидать, труднее всего изменить природу человека, поколебать его вековые предрассудки, изменить его поведение и культурные стереотипы.

Весь комплекс глобальных проблем (и острейшая из них — экологическая) является сейчас ведущим требованием к поведению человечества. Ряд крупнейших ученых пишут о необходимости воспитания нового человека — «гомо глобалис», человека всемирного, ориентированного на решение глобальных проблем человечества. Можно привести поэтические строки А. Вознесенского, написанные около 30 лет назад: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек».

Сегодня на повестку дня мирового сообщества выдвигается задача не только немедленного мира, но и союза всех сил: правых и левых, консерваторов и радикалов, науки и религии, христиан и мусульман, черных и белых и т.д. Все то, что ведет к обострению политических, национальных, религиозных, идейных и других противоречий и тем самым мешает решению глобальных проблем, должно быть решительно осуждено. Настает время для духовной революции в масштабах человечества, которая может обеспечить максимальную жизнестойкость нашей цивилизации. Речь идет о ненасильственном достижении идеала простоты и умеренности в отношении потребления материальных благ при безграничном интеллектуальном и духовном росте человека. Разумеется, это возможно только при соответствующем отношении к ходу истории, к критериям исторического процесса.

Надо отметить, что любой человек (и любое сообщество людей) находится в точке пересечения трех «силовых линий» истории. Во-первых, мы все выходим из прошлого, сохраняя с ним связь, неся в себе его проблемы и противоречия. В этом смысле все мы дети своих предков, ушедших от нас поколений, и недаром патернализм (т.е. безусловное подчинение старшим, «отцам») — существенная часть крупнейших религий мира (христианства, ислама, конфуцианства).

Глобальные проблемы настоящего вобрали в себя региональные и местные проблемы прошлого. Познание последнего, свободное от конъюнктурных соображений, не только ценно само по себе, но и позволяет преодолеть тот порок человеческого мышления, о котором Гегель писал, что единственный вывод, который можно сделать из истории народов, состоит в том, что сами народы никогда не делали выводов из своей истории. Как ни парадоксально, но люди часто спотыкаются на тех же исторических «ухабах» и, уповая на сугубую индивидуальность каждого момента, не хотят или не могут применить исторический опыт. Проблема духовного наследия сейчас чрезвычайно важна, ибо темпы развития мира в настоящее время значительно возросли.

Во-вторых, нынешнее поколение землян имеет уникальную возможность установления теснейших горизонтальных связей, межчеловеческого общения не только отдельных лиц, но и групп людей и целых народов. *Идея всечеловеческого братства* родилась в истории давно, но всегда оставалась утопией. Ее побеждали расовая и национальная нетерпимость, классовые антагонизмы, вообще любое противопоставление «своих» и «чужих». С трудом она воспринимается и сейчас, поскольку мир продолжают раздирать острейшие противоречия и конфликты. Но, не преодолев этих коллизий, человечество не сможет решить глобальных проблем. По образному сравнению, нас ждут либо братские объятия, либо братские могилы.

В-третьих, *современное поколение не может не думать о будущих детях и внуках, которым предстоит дальше нести эстафету истории*. К сожалению, наша цивилизация во многом живет за счет будущего, исчерпывая невозполнимые ресурсы (нефть, газ), загрязняя воду, воздух и почву своими несовершенными технологиями, консервируя многие архаичные социальные структуры, сея семена национальной и религиозной ненависти, которые будут давать всходы еще столетия. Сейчас мы проедаем будущее наших потомков и в физическом, и в духовном смысле.

Важно отметить, что существенный вклад в развитие этой ситуации вносит явление, которое было названо Ортега-и-Гассетом «восстанием масс». Современное общество стало унифицированным, количественно большим, но качественно ущербным. Феномен отчуждения, о котором уже шла речь, привел к атомизации человека, его взаимозаменяемости, падению его ценности. Все это

вызывает у людей настроения неуверенности, нестабильности, что в свою очередь порождает явления тоталитаризма, исключая нормальные пути разрешения глобальных проблем.

Становится очевидным, что для духовных революций нужны соответствующие формы демократического устройства большинства стран мира, преодоление «бегства от свободы». Перефразировав известные строки, Марина Цветаева хорошо выразила суть изменения духовной ситуации в XX в.: «Нет низких истин и высоких обманов, есть только низкие обманы и высокие истины». Сейчас не может быть истинным то, что безнравственно, а оправдание насилия самыми благими целями и намерениями приводит в конечном итоге к торжеству насилия и зла, к самоуничтожению.

Контурсы цивилизации XXI в.

Итак, можно констатировать, что мировая цивилизация находится в состоянии кризиса, что определяет необходимость выработки стратегии ее дальнейшего развития. Одни футурологи разрабатывают разного рода катастрофические сценарии XXI в., среди которых можно упомянуть «климатическую катастрофу», «религиозные войны», «конкуренцию между фаустовским и конфуцианским типом общества». С этих позиций главный враг человека — сам человек, его агрессивная природа со слепыми инстинктами самоуничтожения и разрушения среды обитания. В этом смысле мы обречены, и нам следует терпеливо ждать конца истории, уповая, возможно, только на Бога.

Другая группа футурологов полагает, что не следует терять исторический оптимизм, а наука, ценности либеральной демократии, прорыв в Космос, добрая воля миллионов людей и мудрость политических лидеров способны обеспечить устойчивое развитие мировой цивилизации в XXI в. Наконец, третья группа ученых полагает, что человечество ждет большие потрясения, но оно сумеет достойно ответить на вызов истории и ценой больших жертв найдет верный путь. В этом смысле большое значение придается культуре взаимопонимания людей разных духовных ориентаций, поиску компромиссов в общественно-политической жизни, устранению насилия как способа решения общественных и личных проблем. Вполне адекватен призыв: «Действовать локально, мыслить глобально».

В свое время Ф.М. Достоевский рассматривал историю человечества как путь от «неосознанного быть» через «осознанное иметь» к «осознанному быть». Разумеется, здесь нет и не может быть никаких гарантий, ибо хитрость Разума и ирония Истории всегда будут спутниками человечества. Наивно в очередной раз уповать на грядущий золотой век. Среди людей всегда будут «правильные» и «неправильные», идущие в стаде и своим, особым путем. Речь не может идти о выведении особой породы «нового человека», который разом преодолет все несовершенства мира, решит все глобальные проблемы и т.д. Размышляя над настоящим и будущим, приходится все чаще вспоминать слова Фауста, сказавшего перед смертью, что свободу заслуживает лишь тот, кто живет, постоянно трудясь, борясь, с опасностью шутя. В этом бесконечном движении рождаются мудрость и радость — вечные спутники философствования.

Рекомендуемая литература

1. Бек У. Что такое глобализация? — М., 2001.
2. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. — М., 1998.
3. Лоренц К. Агрессия. — М., 1994.
4. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. — М., 1990.
5. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. — М., 2001.
6. Предупреждение человечеству: Декларация ученых по глобальным проблемам // Человек. 1993. № 5.
7. Философия : учеб. пособие для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Ростов н/Д, 2002. — Гл. XII.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Политические исследования. — 1994. № 1.
9. Чумаков А.Н. Глобализация: контуры целостного мира. — М., 2009.

СОЗНАНИЕ

Глава 11

Человек и его сознание

Что такое сознание

В философии Нового времени, начиная с Декарта (XVII в.), считали, что *сознание — особое состояние человека, в котором ему одновременно доступен и мир, и он сам. В сознании человека происходит почти мгновенное связывание в целостный образ того, что он увидел, услышал, почувствовал, пережил, подумал.* Сознание предполагает умение человека направить свое внимание внутрь себя и одновременно с этим обнаруживать характеристики мира, возникшие как результат отношения к миру. В акте сознания человек видит мир и себя в мире, понимает, что все содержание его духовности связано с объективным миром. Человек переживает свои отношения с этим миром, а потому в акте сознания его внимание направлено одновременно на внешний мир и внутрь себя.

Естественно ли внутрь себя «смотреть»? Можно ли жить без этого?

В первобытном обществе человек решал преимущественно проблемы выживания и самозащиты. Поэтому все свое внимание

он обращал в основном на окружающий его мир, т.е. постоянно пребывал как бы «вне себя». Он непрерывно искал глазами опасность, напрягал слух и держал свое тело в готовности или защищаться, или быстро убежать. Такое состояние можно представить, глядя на поведение животных, особенно диких: уши, как антенны, настроены на прием звуков опасности, мускулы напряжены, вся поза выражает беспокойство. Слово «экстаз» означает «быть вне себя». В этом смысле первобытные люди, как и животные, находились в непрерывном экстазе, пребывали все время вне себя.

Чтобы обратить внимание внутрь себя, надо было отвлечься от внешнего мира, потерять над ним контроль, а это могло стоить жизни. Поэтому с биологической точки зрения совершенно естественно, что человек вначале не знал самого себя. Направляя свое внимание на окружающий мир, он проходил сквозь самого себя, подобно лучу света, проникающему сквозь стекло. Его «Я» не задерживалось в себе самом.

Античный человек также жил вещами, философствовал о Космосе, о внешнем мире. Древние греки не научились еще сосредоточиваться на своем внутреннем мире, а потому идеи, разработанные ими, относились преимущественно к реальности. Само слово «идея» в греческом языке означало «внешний вид», «видимая фигура». Для того чтобы объяснить движение тел, древние греки пользовались понятием души — невидимой, нематериальной вещи, которая приводит все тела в движение. Но душа не была для них интимным видением самих себя. Они считали, что душа есть не только у человека, но и у животных, минералов, небесных светил и т.д.

Можно утверждать, что человек не всегда знал сознание. Для этого ему надо было открыть себя, обратиться к себе. Открытие субъективности и есть предпосылка открытия сознания. *Субъективность — это внутренний мир каждого человека, его «Я», включающий невидимый поток меняющихся чувств, впечатлений, переживаний, мыслей, побуждений, убеждений, идей* и т.д. Сознание предполагает знание человеком себя, размышления о себе, проникновение внутрь себя. Оно включает в себя не только способность мгновенно устанавливать связь между тем, что человек увидел, почувствовал, услышал, подумал и т.д., но и способность знать о содержании этой связи. То есть человек должен уметь слышать, видеть, чувствовать, думать и од-

новременно отдавать себе ясный отчет о том, что он слышит, видит, чувствует, думает и т.д. Для акта сознания недостаточно сказать: «Я вижу», «Я мыслю», «Я чувствую». Сознание работает по формуле: «Я вижу, что я вижу», «Я мыслю, что я мыслю», «Я чувствую, что я чувствую».

Как и почему «Я» устремило свой взгляд не только на внешний мир, но и внутрь себя? Как и почему внимание человека из центробежного стало центростремительным, что и определило появление сознания? На эти вопросы можно ответить только гипотетически.

Например, Х. Ортега-и-Гассет считал, что открытию способности человека обращать внимание внутрь себя способствовало христианство. Дело в том, что христианский Бог, его способ бытия не сравнимы ни с какой космической реальностью. Так, греческие боги, хотя и находились над миром, но являлись частью его, имели образ людей. Бог христианский в своем бытии выходит за сферу существования космической реальности, находится за пределами чувственного опыта людей. Как человеку войти в общение с таким Богом? Для этого нужно представить все земное и космическое несущественным для человеческой души. Отринув мир, она сможет остаться наедине с Богом. Душа может существовать только тогда, когда освободится от мира житейских забот и потребностей тела. Христианство, считал Ортега-и-Гассет, открыло одиночество как сущность души, которая с этого момента обернулась на самое себя.

В христианстве существует практика духовного погружения в себя — молитвы. Состояние молитвы требует отключиться от чувственного восприятия потока жизни. Состояние, переживаемое при молитве, и становится предметом внимания средневековых философов. Так, Бл. Августин в своей «Исповеди» искал способ выражения в слове религиозных переживаний. Он пришел к выводу, что подлинное «Я» принадлежит духовности. Человека начинает интересовать его духовный внутренний опыт. Христианство обострило потребность человека обращать внимание на собственные переживания.

Практика исповеди также формировала способность самоанализа под руководством священника. О том, что эта способность не изначально присуща человеку, свидетельствует тот факт, что искусству исповеди люди учились несколько столетий.

Зачем человеку сознание

Выше мы сказали, что состояние сознания имеет своим условием умение человека «смотреть внутрь себя». Это умение формировалось под влиянием христианской культуры. Даже античный человек не имел еще навыков постоянно обращать внимание на собственное переживание.

Возникает вопрос: можно ли жить, не включая самосознание как процедуру «обращения внутрь себя»? Другими словами, зачем человеку сознание? Например, еще греческий философ Плотин считал, что в повседневной жизни состояние сознания не обязательно. Оно включается только в тот момент, когда нам надо ощутить, пережить жизнь нашего «Я» в Боге. Поэтому сознание — странная способность, предполагающая возможность отвернуться от мира, что противоестественно для жизни. По Платону, сознание — это воспоминание нашего пребывания в состоянии иномирности, отдохновения в Божественном. Сознание дает нам лишь отражение тех переживаний, которые мы испытывали в состоянии слияния с Богом.

Ф. Ницше неоднократно писал, что «жизнь была бы вполне возможна и без того, чтобы видеть себя как бы в зеркале», т.е. без сознания. «Человек, как всякая тварь, постоянно мыслит, но не знает этого». Осознание действия ума («Я мыслю, что я мыслю») не обязательно в повседневной жизни. «К чему вообще сознание, раз оно по существу излишне?» — спрашивал философ.

Известный философ Э.В. Ильенков писал, что сознание — двудликая способность человека. С одной стороны, оно чудо из чудес, великий благостный дар человеку, ибо только в сознании человек видит себя как личность, индивидуальность, достигает вершин духовного бытия, возвышенной дружбы, любви, сострадания и т.д.

С другой стороны, сознание — тяжелый крест, ибо только в нем дана вся боль мира. Заметьте, не *все знания о мире*, а *вся боль мира*. Древнегреческие философы Парменид и Эпикур считали, что сознание находится в грудной клетке, а не в голове. Чтобы снять боль (душевную или физическую), стараются на время погасить сознание (с помощью наркотиков, алкоголя и т.д.). Именно в силу наличия у человека сознания он способен к душевным страданиям, а потому многие философы были уверены, что если бы не было сознания, люди были бы счастливее. Именно в сознании человека возникают вопросы: зачем

я живу в этом мире? Почему и зачем в мире существуют страдания и зло? Зачем человеку дана смерть? и т.д.

Глубокие размышления по поводу этих вопросов содержатся в Библии, где говорится, что во всякой мудрости много печали, и кто умножает познание, тот умножает скорбь, ибо приходит в итоге к печальному выводу, что все есть суета сует.

Русская религиозная философия утверждала, что сознание — это проклятый дар людям в наказание за первородное грехопадение, совершенное их прародителями. Оно открывает людям возможность испытывать все муки души, потерявшей в акте грехопадения единение с Богом. Но сознание помогает выйти на путь искупления и творческого восстановления утерянного единения. Сознание — это способность, без которой не было бы человеческого страдания, но и не было бы и самого человека как такового.

Сознание и свобода

Обретя такую способность, как сознание, человек оказался в ситуации постоянного выбора жизненных путей, поступков и т.д.

Например, он вынужден выбирать между общественными и личными интересами, своим достоинством и необходимостью поступиться им. Взаимоотношения между людьми в любой сфере жизни — это такое пространство бытия, где выбор поступка становится неизбежным для каждого. При этом наличие сознания предполагает, что каждый должен сам сделать выбор, взять на себя ответственность за принимаемое решение. *Такой выбор называется свободным, т.е. совершенным человеком в соответствии с его желаниями, интересами, намерениями.* Свободный выбор означает, что человек сам определяет свое поведение и поступки.

Примером свободного выбора является вера. Речь идет о вере как таковой: верить можно в Бога, в добро, в любовь, в коммунизм и т.д. Но в любом из этих актов веры у человека нет опоры на какие-то внешние гарантии, что выбор сделан им верно. Объект веры существует не так, как природные тела: никто, например, не доказал существование Бога, но никто и не опроверг его; никто не дал формулы любви, следуя которой она обязательно состоится, и т.д. В области веры все сопряжено с риском. «Я» рискую прожить всю жизнь верующим в то, что иллюзорно по своей сути. Но человек

обречен на выбор. Уже Адаму и Еве предстояло решить — сорвать или нет запретный плод: Бог запрещал, дьявол соблазнял, человек выбирал.

Вл. Соловьев считал, что человек возвестил миру о появлении у него сознания, когда устыдился своей животной природы, своей наготы, половых влечений и т.д. Человек изначально стыдливое существо (ср., например, половое бесстыдство животных). Устыдившись природного в себе, человек тем самым заявил, что он есть нечто иное, чем только природно-физиологическое. Что он не является только тем, что есть его тело. Он обнаружил в себе духовное существо. Стыд и есть отношение человека духовного к себе самому как телесному. Стыд — показатель наличия сознания, трагического выбора между природным и неприродным в человеке. Стыдясь своих природно-животных свойств, но не имея возможности от них полностью освободиться, человек начинает испытывать мучительные сомнения: жить для удовлетворения потребностей тела легко, но постыдно; жить в духе — благостно, но намного труднее.

Как быть? Каждый человек волен сам решать эту проблему по-своему, сам делать выбор. И так всю жизнь, все законно для каждого нового человека и нового поколения. Этот выбор как проблема все время стоит перед человечеством. К сожалению, следует констатировать, что массовая ориентация современной молодежи на секс — показатель вполне определенного выбора между природным и духовным началом в человеке.

Сделать выбор подчас очень трудно и мучительно. Например, я знаю, что мой близкий человек совершил какое-то преступление и по закону должен понести наказание, но я люблю его и не хочу отдавать его во власть закона. Как быть? Жизнь ставит перед нами ежедневно более или менее серьезные проблемы подобного рода.

Многие люди не могут вынести «страшного бремени свободы выбора» и стремятся освободить себя от него, охотно переключая свое право на выбор лидеру (формальному или неформальному), коллективу и т.д. Людям часто бывает легче, если жизненные вопросы решает за них кто-то другой. Они не справляются с такой хлопотливой особенностью, каковой является сознание. Большинство людей предпочитают жить в состоянии «не-сознания». Психологи называют такое состояние «выученной беспомощностью», или «выученной безнадежностью». Человек при этом

рассуждает примерно так: в нашей жизни, в нашем коллективе от меня лично мало что зависит; я беспомощен, не могу изменить что-либо, и лучше примириться с этой моей беспомощностью, чем пытаться вмешаться в ход событий.

В состоянии «не-сознания» люди психологически чувствуют себя спокойнее: они ни за что не отвечают, совесть их не беспокоит. Их действия и поведение принимают характер имитации (подражания) другим: все побежали — и я побегу; все воруют у государства — и я буду действовать так же; все врут вокруг, следовательно, моя ложь не должна вызывать у меня душевных переживаний и размышлений о моей безнравственности.

Бывают ситуации, когда личность не может совершить свободный выбор в силу того, что находится под жесткой властью коллектива. Человек делается жертвой коллективных мнений, коллективных психозов. Примером может служить положение человека в преступной организации с жесткой иерархией власти и установке на полнейшее, лишенное смысла подчинение. Здесь, как и в случае «выученной безнадежности», прекращается работа сознания, т.е. исчезает способность отдавать себе ясный отчет по поводу содеянного, оценивать свои поступки по их нравственному содержанию. Другими словами, теряется главнейшая способность сознания — быть одновременно и самосознанием.

Сознание и самосознание

Самосознание — способность человека оценить себя, свои возможности, мысли, чувства, поступки и взять их под контроль. Оно — центр нашего сознания. Самооценка и самоконтроль предполагают, что человек может сопоставить, сравнить себя с неким идеалом. Такое сопоставление неизбежно порождает в нем чувство удовлетворения или, наоборот, неудовлетворения собой. В последнем случае перед человеком возникает задача внутренней духовной работы самосовершенствования.

Сознания нет без самосознания. Как это понимать? Сознание всегда направлено на придание смысла предмету, оно по своей сути не терпит хаоса, имеет порядок, смысл в мире. Но порядок и смысл в мире есть прежде всего порядок в структуре личности. Поэтому сознание прежде всего устремляется внутрь личности, перестраивает и упорядочивает хаос мыслей и переживаний.

Самосознание есть одновременно и самовоспитание. Нормальный ход духовного становления человека возможен только при том условии, если личность совершает самостоятельно работу собственного воспитания и перевоспитания. К трудной работе сознания — самосознания — самовоспитания не все люди готовы в одинаковой степени. Это стало очевидно, например, когда в нашей стране после Октябрьской революции все получили право на образование, а десятилетнее — стало обязательным. Но общества умных и добродетельных людей не получилось. Почему? Думали, что все дело в том, чтобы получить право учиться, и не учли, что реализация этого права предполагает трудную и упорную работу ума и души. Сколь бы ни призывали людей не лгать, не убивать, не унижаться, любить ближнего и т.д., многие в лучшем случае просто узнают о том, что лгать, унижаться, ненавидеть и т.д. плохо, но не смогут поступать в соответствии с этим знанием, ибо не предприняли работу по самовоспитанию. Только сам человек при условии собственного труда и духовного усилия может реализовать все возможности своего бытия в мире. Нет ничего, что могло бы за человека решать все его проблемы.

Самосознание — деятельность человека по осознанию себя, а также одновременно работа по переделке своего внутреннего мира, выход за границы того уровня развития себя как личности, который был достигнут. Это размышление о себе самом, полное сомнений, противоречий, в ходе которого происходит изменение и развитие личностного сознания, его содержания. Работа над самим собой всегда мучительна, ибо личность как бы судит себя, выносит сама себе приговор и выбирает свой жизненный путь.

В актах самосознания человек создает для себя свой собственный образ. Но не следует думать, что образ всегда адекватен реальному человеку. Между ними может быть разрыв. Например, девушка может считать себя красивой и уверенной, в то время как окружающие люди оценивают все иначе: ее красоту — как результат умелого макияжа, уверенность — как следствие плохой воспитанности, бестактности и развязности.

Как не ошибиться в своем самосознании? Человек может узнать о том, что он есть на самом деле, только в том случае, если будет учитывать социальную значимость своих мыслей и поступков. Другими словами, в самооценке нельзя игнорировать свои взаимоотношения с другими людьми. Поэтому самосознание должно быть отношением к себе, скорректированным мнением других.

Условия возможности сознания

Акт формирования индивидуального сознания включает в себя как бы подготовительные этапы, условия, делающие его возможным. Прежде всего это *выделение человеком своего тела из окружающих предметов*. Доказано, что в детском возрасте человек бессознательно учится различать границы своего тела и границы внешнего мира, формирует способность воспринимать последний как существующий объективно (независимо от человека, его восприятия).

В тело человека как бы встраивается определенный механизм, позволяющий видеть, воспринимать вещи и не замечать тех изменений, которые происходят при этом в самом его теле. Например, зрительное восприятие того или иного предмета сопровождается какими-то изменениями, происходящими в сетчатке глаза и в мозгу. Мы же видим только предмет, находящийся перед нами. Можно сказать по-другому. На уровне восприятия глаз взаимодействует с вещами внешнего мира. Специфика этого взаимодействия состоит в том, что глаз не видит того, что происходит в нем самом, а воспринимает только предмет, на котором не запечатлены результаты его «взаимодействия» с глазом.

Следующим необходимым условием возникновения сознания является *выделение человеком себя самого из сообщества других людей*. В возрасте около трех лет ребенок перестает говорить о себе в третьем лице и начинает ставить на место своего имени местоимение «Я». Это и есть начало становления индивидуальности человека. Для каждого человека местоимение «Я» понятно, ибо каждый из нас есть «Я». Мы знаем «Я» из своего собственного жизненного опыта. Никакие внешние условия не способны показать нам, что такое «Я», описать «Я», вложить его в нас извне. Каждый открывает в себе «Я» естественно, без сознательных усилий. Недаром никто из нас не может вспомнить и рассказать, как, каким образом в возрасте около трех лет ему пришла в голову мысль говорить о себе «Я». Сказав о себе «Я», человек отделяет себя от других людей, заявляет о том, что с этим «Я» надо считаться, учитывать индивидуальность его тела и духа.

Вся жизнь человека — это постоянное развитие и совершенствование человеческого «Я». Оно осуществляет себя в поступках, мыслях, действиях с внешними предметами, которые обретают смысл только в отношении к «Я». Например, когда люди высказывают суждения

типа: «небо голубое», «лист дерева зелен», то это означает, что для них лист зелен, а небо голубое, ибо ни лист, ни небо сами о себе судить не могут. «Я» судит о них, т.е. высказывает суждение. В любом суждении всегда подразумевается «Я». Даже безличные суждения типа: «светает», «скучно», «досадно» и т.д. означают, что это для меня светает, мне или какому-то другому «Я» скучно и т.д.

Что же такое «Я»? Это один из самых сложных вопросов, обсуждаемых по сей день в философии, психологии, антропологии и других науках.

Структура «Я» очень сложна. В нее входят:

- психические характеристики человека (постоянно изменяющееся море переживаний, волнений, эмоций);
- гносеологические способности (способность воспринимать мир как существующий объективно, имеющий пространственно-временные измерения, а также совокупность мыслительно-познавательных схем);
- морально-нравственное состояние (умение следовать обычаям, нравам, принятым в обществе, оценивать свое поведение во взаимоотношениях с другими людьми);
- воля (способность к выбору цели деятельности, а также наличие особых внутренних усилий, необходимых для ее осуществления);
- тело человека как пространство, в котором «обитают» все его духовные и душевные способности.

Если сознание предполагает самосознание, то в содержание самосознания должны входить не только мыслительно-познавательные аспекты, но и воля, эмоции, морально-нравственные состояния, а также состояния, вызванные потребностями тела.

Проблема «Я» и сознания в философии Нового времени

Люди не всегда проявляли повышенный интерес к «Я». Так, Платон, древнегреческий философ, почти не употреблял местоимение «Я». Он говорил «Мы», понимая под ним социальную общность, народное собрание афинян и т.д.

Усиленное внимание к проблеме «Я» появляется только в Новое время, результатом чего и было специфическое решение темы «сознание» в философии. «Я» поднимается до ранга первой реаль-

ности, поглощает внешний мир. Идеалистические философы Нового времени (Декарт, Лейбниц, Фихте) считали, что «Я» есть все, весь Универсум. Оторванное от Космоса, мира других людей, понятие «Я» превратилось в «китайского императора Европы» (Ортега-и-Гассет) в том смысле, что китайский император из-за своего высочайшего ранга не мог иметь друзей, которые не были бы ему равны, — поэтому он был обречен на одиночество. Если Плотин не мог даже помыслить, чтобы начать философию с «Я», то Декарт формулирует главный тезис своей философии исходя из «Я»: «Я мыслю, следовательно, существую».

Уединенность «Я», погруженность «Я» в себя становится программным тезисом многих философов. «Познай самого себя», — говорил Сократ. Фихте пояснял: «„Я“ — познающее и есть существующее». Штирнер заключал: «Возлюби себя всею душою твою, всем сердцем твоим». А Ницше призывал: «Найди в себе себя, будь единственным, ничего, кроме себя, не признавай».

Специфика понимания «Я» в философии Нового времени состоит в том, что «Я» было отождествлено с мышлением, разумом. Поэтому главной формой деятельности сознания было объявлено мышление. Философы Нового времени были единомышленны в том, что сознания нет без самосознания, т.е. акт сознания невозможен без процедуры обращения «внутри» себя. Но если Плотину, Бл. Августину и другим средневековым философам эта процедура нужна была для воспоминания о духовном приобщении к Божественному, то Декарта, например, интересует предметное содержание сознания, и самосознание предполагает его воспроизводство в слове. Поэтому Декарт не использует термин «душа» при анализе субъективной реальности. В Новое время сознание, как правило, отождествляется с интеллектуальной деятельностью.

Направленность на внешний мир, на объект стала рассматриваться как основная характеристика сознания. Это привело к отождествлению сознания и знания, познания. При таком понимании сознания человек всю свою духовную работу направляет вовне, на внешний мир, превращаясь в субъект познания. Сосредоточив все свое внимание на предметном содержании сознания, признавая тот факт, что в нас находятся образы предметов, философы Нового времени подвергли сомнению существование в реальном мире аналогов этих образов.

Декарт сформулировал новый, по сравнению и с античным, и со средневековым, подход к проблеме сознания: единственно

подлинное существование вещей — их существование в мысли. Образы вещей не есть результат восприятия, они создаются творческим воображением. Сознание стало пониматься как творчество. Лейбниц присваивает личности, обладающей сознанием как творческим воображением, имя «маленький Бог», а Кант возводит ее в сан верховного законодателя природы. *Под сознанием стали понимать только размышление с помощью разума, который способен создавать понятия с ясными и четкими содержательными границами. Тот факт, что «Я» не только размышляет о себе и мире, но и переживает, не учитывается.*

Русская религиозная философия (Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Н. Федоров и др.) выступила против, во-первых, рассмотрения «Я» в качестве автономной и самодовлеющей сферы бытия, не связанной с Космосом, Богом, и, во-вторых, против отождествления «Я» с субъектом познания, сведения внутреннего мира «Я» только к мышлению. Русские философы считали, что существуют два соотносительных момента бытия: «Я» и Абсолют (Бог). Поэтому «Я» не может быть главной реальностью мира. Что касается мышления, познания, то это общая черта, присущая «сознаниям» вообще: мышление, с их точки зрения, есть наиболее безличное в личном бытии «Я». Живая человеческая личность несводима к субъекту познания, а индивидуальная внутренняя жизнь не ограничивается только познавательными актами.

Сознание и бессознательное

Существование сознания является очевидным для каждого, кто знает о своем «Я» и его состояниях. Менее очевидным является *бессознательное — совокупность психических процессов, состояний, не представленных в сознании и самосознании.*

Чем отличается сознание от бессознательного? В сознании четко различаются внешний мир и отражение его в образе. В бессознательном отражаемая реальность и ее переживание человеком сливаются. Поэтому в *бессознательном отсутствуют самосознание, рефлексия.*

Современная наука выделяет следующие *особенности бессознательного:*

1. Усвоение отдельным человеком поведения и привычек, типичных для той социальной группы, к которой он принадлежит.

Например, индивиды усваивают через подражание основные черты поведения, культуру быта, одежды и т.д. своей этнической группы. При этом они не осознают, как происходит такое усвоение, сознательно не контролируют его.

2. Наличие не осознаваемых человеком побудительных мотивов деятельности. Их появление объясняется по-разному. Например, австрийский врач З. Фрейд считал, что так как люди из-за социальных ограничительных норм не могут реализовать сполна свои половые влечения, то нереализованные влечения изгоняются из сознания и образуют скрытые предрасположенности к действиям. Последние активно влияют на жизнь человека, но в силу их скрытности от сознания остаются невыясненными.

3. Неосознаваемые стереотипы автоматизированного поведения. Человек многое делает в жизни автоматически, не задумываясь: ходит, пишет и т.д. Если человек несколько лет пролежит в постели без движения из-за болезни, он будет вынужден снова учиться ходить, т.е. сознательно контролировать действия ног. В целом человек осуществляет контроль за жизнью своего тела неосознанно, автоматически. Каким-то образом без участия сознания координируются движения рук, ног, туловища, меняется выражение лица, глаз и т.д. Сознание «включается» тогда, когда возникают какие-то нарушения в ходе привычной деятельности. Например, А. Бергсон (французский философ XX в.) считал, что сознанием называется «несовпадение действия с представлением», «дефицит в инстинкте... становится сознанием».

4. Неосознанное восприятие, когда на поведение человека воздействуют такие раздражители, которые лежат за порогом его ощущения. Человек в этом случае способен переработать информацию, находящуюся за пределами его сознания. Например, экстрасенсы (люди с повышенной чувствительностью) воспринимают не видимые для глаза световые сигналы, не слышимые для уха звуки т.д.

Если бессознательное является моментом психической деятельности любого индивида, то особое проявление оно находит в интуиции художника, композитора, ученого и т.д.

Сознание и бессознательное составляют единое пространство духовной жизни индивида. Если сравнить это пространство с айсбергом, то сознание есть надводная часть его, тогда как большая, подводная глыба может быть образом бессознательного.

Маркс и Фрейд: проблема бессознательного

Бессознательное детерминирует, определяет сознание, являясь объективным по отношению к нему фактором. Эта детерминация скрыта от сознания, не представлена в его опыте. «Непредставленность» бессознательного в сознании создает иллюзию свободы последнего.

Еще Б. Спиноза понял, что поступками человека часто движут причины, не осознаваемые им, а потому утверждал, что бессознательная мотивация — основа человеческого рабства. Освободиться от этого рабства можно, если идти по пути осознания скрытых источников и причин наших мыслей, поступков и т.д.

Эти идеи Спинозы воспринял и развил К. Маркс. Он показал, что объективными факторами, влияющими на содержание сознания человека, является социальное и экономическое его бытие, которое складывается за «спинами» людей в систему объективных закономерностей. Реальные индивиды в своей жизни руководствуются множеством индивидуальных целей. Их суммарная реализация формирует общественные закономерности. Сам факт этого формирования не представлен в сознании отдельного индивида, является бессознательным процессом. По Марксу, индивид «повторяет» в своем сознании социальное бытие, но при этом он не осознает ни то, как формируется социальное бытие, ни то, как оно детерминирует его сознание. Человеку кажется, что его сознание свободно. В действительности же оно определено объективными факторами, действующими «за его спиной».

Бессознательное, по Марксу, имеет социальный характер, а потому его преодоление, являясь условием выхода на путь освобождения от рабства, происходит только в ходе изменения общественного устройства. Человек не может освободиться от господства бессознательного в одиночку: необходимо освобождение всего общества. Маркс считал, что господство бессознательного может быть преодолено только в таком обществе, в котором общественные отношения людей (разделение труда, производство, распределение, обмен, потребление общественного богатства) будут взяты под сознательный контроль самими людьми. В этом и заключался один из смыслов идеи коммунизма: сознательное построение людьми своего способа жизни и общения. В таком обществе, считал Маркс, люди избавятся от социального бессознательного,

являющегося причиной и основой духовного, а следовательно, и всякого иного рабства человечества.

Идея бессознательной мотивации сознания стала предметом внимания З. Фрейда, о котором мы уже говорили. Именно ему принадлежат слова о том, что человек «не является хозяином в собственном доме» и что сознание человека вынуждено «довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно».

В упрощенной форме суть учений Фрейда сводится к следующим положениям. В человеке живет великая сила — «бессознательное», или «Оно». Этой силой управляет либидо — психическая энергия сексуальных влечений. В структуре человеческого опыта присутствуют также общественные нормы и ценности, которые Фрейд называл «Сверх-Я», или культура. Она выполняет репрессивные функции, ограничивая произвол человеческих инстинктов, и прежде всего сексуальных. Сознание человека находится под влиянием, с одной стороны, «Оно», а с другой — «Сверх-Я». В результате содержание сознания формируется под действием факторов, не осознаваемых человеком. Пока человек живет в обществе, ему не избавиться от влияния «Сверх-Я»; но пока живо его тело, человек не может полностью освободиться от силы инстинктов.

Задача состоит в том, считал Фрейд, чтобы уравновесить действие этих бессознательных для человека и его сознания сил. Если же культуру, «Сверх-Я», начнет жестко вытеснять «Оно», это может привести к психическим срывам отдельных людей и даже спровоцировать всякого рода социальные напряжения. Если же «Сверх-Я» ослабит свои репрессии против «Оно», человечество погрузится в мрак бескультурья, где будут господствовать скрытые пороки, тайные желания и инстинкты.

Фрейд был уверен, что разум и сознательный опыт сумеют найти динамическое равновесие между «Сверх-Я» и «Оно». В противном случае человек обречен на духовное рабство. Ученый считал, что люди должны осознать детерминанты своего сознания и тем самым сделать себя «хозяевами своего собственного дома», т.е. своего «Я». В отличие от Маркса, он не связывал освобождение человека и его сознания от власти бессознательного с общественными изменениями. Фрейд исходил из того, что в любом обществе можно «вылечить» индивида от «несвободы», если помочь ему прояснить те бессознательные мотивации, которые были глубинной,

истинной причиной его поведения и душевного смятения. Все свои надежды на освобождение людей из плена бессознательного Фрейд, в отличие от Маркса, возлагал не на социальную революцию, а на деятельность врачей-психоаналитиков.

В конце XX в. репрессивно-воспитательные функции культуры, «Сверх-Я», заметно ослабли, что и привело, как предсказывал Фрейд, к власти «Оно», в темный хаос которого погрузились искусство, массовая культура. Крестовый поход «Оно» на сознание людей стал реальным фактом. Если следовать учению Фрейда, то укротить буйство бессознательного, «Оно», можно только одним способом: усилить репрессивные функции культуры, «Сверх-Я», и тем самым поставить на пути разрастания непредсказуемого «Оно» сдерживающие преграды.

Рекомендуемая литература

1. Введение в философию: В 2 ч. Ч. 2. — М., 1989. — Гл. 11, 14.3.
2. Диалектика сознания и бессознательного. — Л., 1988.
3. Ильенков Э.В. Философия и культура. — М., 1991. Разд. 3.
4. Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10.
5. Мир философии : книга для чтения: В 2 ч. Ч. 1. — М., 1991. Разд. 4.
6. Основы философии в вопросах и ответах: учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д, 1997. Разд. 4.
7. Проблема сознания в современной западной философии. — М., 1989.
8. Философия : учеб. пособие для вузов / под ред. В.П. Кохановского. — Ростов н/Д, 2011. — Гл. VI.
9. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. — М., 1992.
10. Фромм Э. Душа человека. — М., 1992.

Сознание и общество

Общество — главное условие возникновения сознания

Сознание предполагает наличие у человека способности выделить свое тело из окружающего предметного мира, а затем сформировать о себе суждение «Я есть», т.е. оценить свои интеллектуальные, моральные, эмоциональные и т.д. возможности и свое место среди других людей. Индивидуальное сознание (и бессознательное) связано с телом и психикой определенного человека. Но *человек есть общественное существо, а потому его сознание неизбежно обусловлено обществом, местом человека в нем.*

Для того чтобы сознание возникло и развивалось, человек должен жить в обществе, общаться с людьми, пользоваться предметами, созданными людьми и для людей. В противном случае его сознание останется потенциальной возможностью. Известные случаи похищения дикими животными человеческих детенышей свидетельствуют о том, что последние, воспитываясь, например, в стае волков, воспринимали и соответствующие формы поведения, звукоподражания, не поднимаясь на уровень сознания.

Сознание индивида «не видит» своей зависимости от общества, оно ощущает себя свободным по отношению к последнему. В итоге оно часто освобождает себя от ответственности и совести, что приводит к деформированию самооценки человека: он начинает ощущать себя сверхчеловеком. Индивид всегда стремится самоутвердиться в семье, коллективе, обществе в целом, обрести свободу от жесткого давления авторитетов и внешних обстоятельств. Эта свобода является главным условием его самоутверждения.

Но самоутверждение проходит нормально в том случае, если одновременно осуществляется самоотрицание, самоограничение. *Во взаимодействии самоутверждения и самоотрицания форми-*

руется сознание. В реальной же истории подавляющее большинство людей живет в ситуации самоотрицания, подчинения своих мыслей, чувств, эмоций, воли интересам различных социальных групп.

Гегель утверждал, что индивид в своем сознании осваивает и повторяет путь, пройденный Абсолютным духом, который проявил себя в науке, искусстве, политике, религии, философии и т.д. Сознание человека формируется в процессе освоения всего многообразия проявлений духа, т.е. в процессе освоения прошлой культуры.

Маркс, изучая капиталистическое общество, в котором классы со своими особыми и противоположными интересами стали главными элементами социальной структуры, показал, что сознание индивидов в большой мере определяется их классовой принадлежностью. Индивиды превращаются в усредненных членов класса: они думают, чувствуют, интерпретируют все события с позиции классового интереса, а потому примерно одинаково. Класс определяет жизненное положение индивида, его личную судьбу, подчиняет его себе. Содержание сознания индивида заполняется коллективно-классовым интересом, растворяется в наиндивидуальном. Мысли человека, его чувства, оценки являются осознанием классовых условий бытия. Сознание превращается в необходимый момент функционирования общества.

Марксу действительно удалось выявить главные характеристики содержания сознания людей современного ему буржуазного общества, не прибегая при этом к анализу процессов восприятия, представления, самосознания отдельных личностей, а ограничиваясь только рассмотрением их места в социальной структуре. Например, он показал, что конкуренция среди производителей, банкиров и т.д., когда успех одного влечет за собой неудачу другого, несовместима с чувствами стыда, жалости, сострадания и т.д. Любовь, дружба и другие высокие человеческие чувства начинают обмениваться на деньги, а межличностные отношения становятся продолжением товарно-денежных форм деятельности. Деньги превращаются в своеобразное средство взаимоотношения, в рамках которого вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, корыстное стремление к грабежу общего достояния становятся нормой. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что становление буржуазного, т.е. «нового, цивилизованного, классово-

вого» общества происходит с помощью таких «гнусных средств», как «воровство, насилие, коварство, измена».

В нашей стране проводится реформа, цель которой — построить цивилизованное (т.е. буржуазное) общество. Это обязывает нас помнить о том, что одновременно с изменением общественного строя произойдут изменения сознания людей, и притом не в лучшую сторону, что мы и видим сегодня.

Маркс дал верный прогноз содержания сознания тех людей, которым суждено будет когда-нибудь жить в условиях «грубого», «уравнительного» коммунизма. Учение о таком коммунизме создали Оуэн, Бабеф, Бейтлинг и др. Суть такого коммунизма в том, что в обществе существует государственная собственность, общность людей базируется на необходимости всем трудиться и получать равную заработную плату; труд объявляется предназначением каждого, а капитал силой всего общества. В таком обществе, предсказал Маркс, останутся стяжательство, его скрытая форма — зависть, а также многие другие пороки человечества.

Разница между капитализмом и «грубым» коммунизмом только в том, что эти человеческие пороки в условиях «грубого» коммунизма будут иным способом удовлетворяться: через уравнивание заработной платы, способностей и т.д., причем это уравнивание будет исходить из представления о некоем минимуме, как материальном, так и духовном. Сегодня мы знаем, что исторический эксперимент построения такого коммунизма в нашей стране подтвердил эти предсказания Маркса.

Содержание сознания людей определяется в их национальной принадлежности. *Классы, нации, государство — это всеобщие формы бытия конкретных индивидов, а потому, живя личной жизнью, люди одновременно участвуют в жизни класса, нации, государства.* Это и обуславливает тот факт, что индивидуальное сознание не может быть абсолютно свободным в своем содержании.

Вне общества невозможно и самосознание. Для каждого индивида акт самосознания кажется очевидным и чем-то само собой разумеющимся. Но объяснить процесс самосознания непросто. Действительно, ведь для того чтобы осознать себя, нужно посмотреть на себя (свое тело, ум, волю, эмоции и т.д.) со стороны. Но со стороны меня видит только другой человек. Даже свое тело каждый из нас видит не полностью: никто без зеркала не видит своего лица, шеи, ушей, головы, спины. Глаз может видеть все,

кроме себя самого. Видя свое отображение в зеркале, мы абсолютно уверены в том, что это отображение есть наша копия. Мы отождествляем себя и зеркальный образ. Известно, что животные не узнают себя в зеркале. Почему?

Для того чтобы увидеть себя в зеркале, необходимо уже обладать самосознанием, знать свое «Я». Животные не имеют своего «Я». Формы самосознания не даны изначально: человек усваивает и конструирует их в процессе общения с другими людьми. Общество выступает в роли своеобразного метафизического «зеркала», с помощью которого отдельный человек видит себя самого, начинает относиться к себе как к человеку. Можно сказать по-другому: прежде чем осознать свое «Я», человек «смотрится, как в зеркало, в другого человека» (Маркс). При этом он воспринимает себя по аналогии с другими, а других — по аналогии с собой.

В процессе развития самосознания осознание себя и осознание другого человека как подобного мне, но вместе с тем и не похожего на меня, возникает одновременно. Вот почему человеческие детеныши, воспитанные в мире животных (Маугли, Тарзаны), не вышли на уровень самосознания.

В актах самосознания рождается представление человека о своем «Я». Потому столь важно, какие люди выступят в роли того «зеркала», в которое впервые посмотрит ребенок. Изначальным «зеркалом», конечно, является мать. Не случайно психологи обнаружили, что дети из детдомов и дети из семей воспринимают себя по-разному. Когда им предложили нарисовать автопортреты, то первые изобразили себя серыми и однотипными, а вторые постарались показать свою оригинальность, которая выразилась в одежде, цвете, позе и т.д.

Общественные нормы, идеалы и сознание индивида

В своей каждодневной жизни человек совершает акты познания, действия, оценки этих действий и т.д. Но он все это сможет осмыслить (т.е. понять смысл), если существует какой-то *образец, идеал, с которым можно сравнить совершаемые действия*. Например, я совершаю поступок. Нравственный ли он? Если нет понятия добра, зла, принятых в обществе, то я не смогу оценить свой поступок. Много веков мир идеалов и образов воплощался в Абсолюте — Боге, который задавал меру объяснения жизненных деяний людей.

Индивидуальное сознание, всматриваясь в бездну собственной личности, открывало в ней противоречия и разрешало их через обращение к нормам Священного Писания.

В Новое время исчезает авторитет Бога и церкви, но потребность в идеалах-нормах как опорах для деятельности индивидуального сознания остается. Формируются новые гуманистические идеалы жизни. Люди сами стали создавать нормы и условия осмысления своих действий и мыслей: они по-новому определили, что есть добро, зло, красота, истина и т.д. И если в эпоху господства веры в Бога признавалось наличие вечных и устойчивых идей добра, красоты, истины, то в Новое время содержание этих идей было отвергнуто как формальное, т.е. не выражающее ничьих интересов и не относящееся ни к какой определенной группе людей. Взамен утвердились нормы и идеалы, сформированные актом воли определенного класса (например, буржуазии). Люди попытались найти опору для своей жизни не в вечных и универсальных абсолютных началах, а в человеческих потребностях, и прежде всего материальных.

В Новое время реальный процесс жизни людей перестал быть религиозным. Человек осознал себя главной ценностью в мире, абсолютизировал материальные интересы и активно включился в борьбу за них. Каждый класс стал формировать свои идеалы жизни. Нормы и ценности экономически господствующего класса становятся господствующими в обществе и получают статус нравственных образцов.

В нашей стране после революции 1917 г. сознание пролетариата было принято за норму. Отклонение от нее расценивалось как духовное вырождение. Классовый интерес всегда эгоистичен, ибо он хочет реализовать себя, не считаясь с целями других людей. Особенно это характерно для классов с противоположными интересами. Так, в сознании пролетариата доминировали чувства гнева, негодования, зависти, оправдывающие насилие по отношению к буржуазии и интеллигенции. Насилие (в том числе и физическое) было нормой жизни, выработанной классом, борющимся за свое освобождение. С позиции этой нормы осмыслились все индивидуальные чувства, поступки и мысли. Например, чувство сострадания к представителям класса буржуазии (даже если это были дети) расценивалось как моральное преступление, мягкотелость, проявленная по отношению к врагу. Достоинства личности сличались с такими нормами, как жестокость по отношению

к представителям другого класса, несентиментальность, суровость в обращении друг с другом и т.д. Не случайно такая характеристика людей, как «железный» (например, Ф. Дзержинский), считались самой высшей и достойной.

Отказ от вечных и универсальных норм и идеалов, замена их классовыми, формирующимися в процессе жизнедеятельности того или иного класса, а потому исторически меняющимися, породили драматическую ситуацию: опора на классовые идеалы не позволяет людям надолго договориться не причинять друг другу вреда, ибо всегда найдутся те, кто не согласен с этими идеалами.

Человек, живущий в обществе, которое не признает вечных и абсолютных идеалов и норм, строит целостность своего духовного мира, опираясь на сиюминутные потребности, в которых доминируют корысть и забава. Русский философ П. Флоренский считал, что без опоры на вечные истины деятельность человека превращается либо во внешне полезную (достижение ближайших материальных целей), либо внешне развлекательную (искусственное заполнение своего времени — досуга). И в том и в другом случае человек все свое внимание направляет на внешние задачи, не включается в работу разрешения противоречий своего «Я», сосредоточивается на себе, не строит свою личность. А это приводит к распаду сознания и самосознания.

Сознание и язык

Язык — это система знаков, с помощью которых люди общаются, осуществляют познание мира и самопознание, хранят и передают информацию, управляют поведением друг друга. В языке можно выделить естественную систему знаков (звуковой язык и пластика человеческого тела: позы, жесты, мимика) и искусственную, специально созданную людьми (язык логики, математики, язык живописи, дорожные знаки и т.д.). *Язык — явление общественное:* он возникает в процессе формирования общества, стал главным моментом его функционирования.

Язык выполняет в обществе множество функций: *номинативную* (способность языка называть вещи, которые фиксируются в акте отражения, например, дерево, дом, звезды), *познавательную* (участие языка в процессе познания), *информативную* (способность языка хранить и передавать информацию, например,

через текст), *коммуникативную* (участие языка в процессе межличностного общения) и др.

В процессе общения люди влияют друг на друга с помощью языковых знаков. Например, дорожные знаки определяют поведение транспорта и пешеходов. Звуковое слово может приостановить, запретить действие человека. Когда мать говорит ребенку: «Нельзя!» — она корректирует его поведение с помощью слова. Слово влияет на эмоциональный мир человека: оно может ободрить и нанести душевную рану. Не случайно А.С. Грибоедов писал, что злые языки страшнее пистолета.

Сознание и язык неразрывно связаны. Достаточно указать на тот факт, что одним из условий возможности является его способность сказать о себе «Я» и тем самым заявить о своем относительно самостоятельном бытии. Все нормальные люди знают о своем «Я» и выражают его словесно местоимением «Я». Выраженное в языке сознание выступает как некоторая социальная реальность.

Благодаря языку мое сознание становится действенным, существующим и для других людей. Сознание всегда есть мое отношение к миру. Но чтобы другие люди узнали о содержании этого отношения, «Я» должно выразить его вовне, объективировать. Сделать это можно только с помощью языка, не обязательно словесного. Кроме слова, есть язык жестов, мимики, а также искусственные языки музыки, живописи, танца, скульптуры и т.д., в которых человек может запечатлеть свое отношение к миру — интеллектуальное и эмоциональное. Например, чувства радости, восторга можно передать особым выражением лица и глаз, словами — прозой и стихами, в танце, музыке и т.д. И все поймут, что здесь выражено вполне определенное состояние души.

Почему люди понимают знаки, а следовательно, и друг друга? Все дело в том, что, во-первых, существуют всеобщие структуры сознания, к которым относятся категории мышления и некоторые эмоции (радости, ужаса, удивления, интереса и т.д.), а во-вторых, любая культура нарабатывает устойчивую и повторяющуюся систему знаков для передачи содержания сознания. Например, в одних культурах траурным цветом является черный, в других — белый. В культуре православия церковная «луковица» есть символическое изображение пламени свечи, в образе которой передается стремление человеческой души ввысь, к Богу. Свой смысл имеют и архитектурные храмовые детали всех других религий. То, что для людей определенного общества, культуры включает в себе понят-

ный им смысл, воспринимается людьми другого общества и культуры или на свой лад, или как обычный материальный предмет, не выражающий никаких смыслов. Если не знать специфики символов и знаков, используемых для передачи содержания сознания, то невозможно понять сущность той или иной культуры.

Связь сознания и языка заключается не только в том, что сознание, чтобы стать действительной реальностью для других, должно выразить себя в языке. Возникновение и формирование индивидуального сознания возможно только тогда, когда человек включен в мир языка, и прежде всего — словесного. Именно в речевом общении ребенок, начиная говорить о себе «Я», обретает тем самым способность самосознания. Вместе с речью он бессознательно усваивает логику мышления, начинает, например, рассуждать о себе и о своих взаимоотношениях с миром в категориях «причина — следствие» (не зная еще ничего о самих категориях вообще), научается оценивать свои и чужие поступки (не зная еще о том, что существует ценностное отношение к миру).

Родной язык формирует в человеке бессознательным для него способом чувство ритма, музыкальности (ведь каждое звучащее слово — это целое музыкальное произведение), а также многие другие качества души. Какими они будут — хорошими или дурными, — зависит от того, кто рядом с ребенком в первые его годы — любящая мать, которая в речевом обращении к ребенку использует самые красивые и нежные слова, произнося их с соответствующей интонацией, или чужие безразличные люди, слова которых холодны, деловиты, сухи, как это часто бывает в детских домах. Если учесть, что формирование личности начинается с детства, становится понятной огромная роль речевого пространства, в котором находится ребенок.

Следует также учитывать, что чем богаче содержание сознания и вообще духовного мира человека, тем больше ему нужно языковых знаков для его передачи, и наоборот. Так, Эллочке-людоедке из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова достаточно было всего 30 слов, чтобы высказать свое отношение к любому явлению. «Эффект Элочки-людоедки» проявляется и в тех случаях, когда в речи того или иного человека преобладает мат, а также арго, т.е. речь, свойственная определенной замкнутой социальной группе. Существует школьное, студенческое, воровское и другое арго. Скучный запас слов в речи — свидетельство духовной и душевной лени человека, ограниченности его сознания.

Рекомендуемая литература

1. Введение в философию: В 2 ч. Ч. 2. — М., 1989. — Гл. 11, 14.
2. *Грушин Б.А.* Массовое сознание. — М., 1987.
3. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. — М., 1991. Разд. 5.
4. *Исаков А.Н., Сухачев В.Ю.* Этнос сознания. — СПб., 1999.
5. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. — М., 1999.
6. *Матяш Т.П.* Сознание как целостность и рефлексия. Ростов н/Д, 1988.
7. Мир философии: Книга для чтения: В 2 ч. Ч. 1. — М., 1991. Разд. 4.
8. Основы философии в вопросах и ответах: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. — Ростов н/Д., 2002. Разд. VI.

Общественное сознание и его структура

Категории «общественное бытие» и «общественное сознание»

Общественное бытие — это объективная реальность, включающая отношения людей к природе и друг другу. В общественное бытие входит материальное и духовное производство, а также все формы связи и общения людей между собой. Определяя общественное бытие как объективную реальность, мы тем самым подчеркиваем его независимость от индивидуального сознания. Социальные связи и отношения формируются как бы «за спиной» у людей, без контроля со стороны того или иного индивидуального самосознания.

Каждый человек имеет свои какие-то стремления, цели и реализует их. Столкновение отдельных бесчисленных стремлений и действий образует в итоге устойчивые структуры общественной жизни, которые трудно предугадать. Люди, вступая в общение по поводу, например, материального производства, не сознают, какие при этом сложатся общественные отношения, какие законы станут управлять их развитием. Даже в наш век социального планирования и прогнозирования многие ученые склонны считать, что неконтролируемые силы в истории гораздо более могущественны, чем силы, приводимые в действие сознательной волей людей. Люди не в состоянии заранее точно просчитать все условия, факторы, предпосылки, влияющие на процесс формирования общественного бытия.

Становление закономерностей общественного бытия предполагает взаимопогашение индивидуальных отклонений в по-

ведении и сознании людей в ту или другую сторону. Для этого взаимопогашения нужно время, которое историки называют переходным периодом. В течение этого периода люди привыкают к новому способу жизнедеятельности, эта привычка закрепляется в системе воспитания, образования, обростает традициями. Формируется общественное сознание, соответствующее общественному бытию.

Общественное сознание — это осознание обществом своих форм жизнедеятельности, своего общественного бытия. Такое осознание может протекать в явной и неявной форме. Явное осознание предполагает, что индивиды специально заняты изучением общественного бытия, используют при этом особые средства и методы познания, отдают себе отчет о способах своей деятельности. Данная форма осознания характеризует *теоретический и идеологический уровень сознания.* Неявное осознание общественного бытия происходит стихийно в ходе реальной жизнедеятельности людей. К такому типу осознания относятся *обыденное сознание и общественная психология.*

Уровни общественного сознания

Обыденное сознание — неявный способ осознания общественного бытия, который состоит в том, что индивиды «повторяют» в сознании его содержание, не занимаясь при этом специальной познавательной деятельностью. Такое сознание возникает в процессе повседневной практики людей стихийно, как эмпирическое отражение бытия.

Возникнув, обыденное сознание пронизывает практическую деятельность людей и делает ее понятной. Например, капиталистический способ производства определил стихийную ориентацию всех форм и способов человеческого отношения к миру (зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания, мышления, ощущения, желания и т.д.) на присвоение вещей. Люди начинают измерять достоинство друг друга количеством вещей, которыми они обладают, видят в вещах-товарах гарантию своей силы и власти, осознают свою зависимость от них. Это сознание, которое Маркс называл вещным, стало общезначимым, присущим всем участникам капиталистического производства. Сегодня такого рода сознание стало нормой и в нашей стране.

Обыденное сознание не имеет истины, оно *выражает интерес, чаще материальный, той или иной группы людей, класса* и т.д. Поэтому обыденное сознание неоднородно по содержанию. Каждая социальная группа отражает в своем сознании свои потребности и интересы.

Представители того или иного класса выступают носителями определенных классовых отношений и интересов и с их позиций интерпретируют социальные явления. Класс определяет «жизненное положение, а вместе с тем и личную судьбу» (Маркс) своих членов, подчиняет их себе, что объясняет существование общего содержания классового сознания. Оно доминирует в индивидуальном сознании, и содержание последнего можно изучать, не обращаясь к анализу духовного мира отдельного индивида. Достаточно знать положение, роль, цели и задачи того класса, к которому принадлежит индивид, чтобы определить главный момент в содержании его сознания.

То же можно сказать об обыденном сознании в сфере национальных, профессиональных, семейных, религиозных и других отношений. Люди знают содержание интересов, навыков общения и норм поведения, характерных для той или иной социальной группы, в которую они входят. Эти знания возникают стихийно в ходе жизнедеятельности людей. Они «вплетены» в акты их реального поведения и действия.

Обыденное сознание выполняет роль «смазки», которая облегчает движение механизма общественного бытия. В силу того, что содержание этого сознания соответствует содержанию бытия, люди воспринимают последнее как норму, как «органическое» условия своей жизнедеятельности. Они «повторяют» в мышлении свое бытие, не замечая его ущербности, односторонности. Можно с уверенностью сказать, что огромное число людей, живших в эпоху сталинской диктатуры, воспринимало ее как вполне нормальное явление в жизни общества.

Так продолжается до тех пор, пока не разовьется *противоречие общественного бытия*, разрушающее тождество сознания и бытия. Но в условиях развитых противоречий живет уже другое поколение людей, и именно оно думает о том, что условия бытия прошлых поколений не соответствовали человеческой природе, были оковами для людей. Новое поколение имеет новое сознание, отличающееся от сознания предков. И это понятно, ибо изменились формы общественного бытия.

Общественная психология — это эмоциональное отношение людей к общественному бытию, его оценка, выраженная в соответствующих чувствах и настроениях. Как и обыденное сознание, общественная психология формируется в процессе повседневной жизни людей, но выражает их душевное состояние. В сферу общественной психологии входят общественное настроение и психологический уклад.

Можно ли говорить о душевном состоянии, настроении по отношению к обществу, а не отдельной личности? Положительный ответ на этот вопрос дает, например, история революционного движения пролетариата. Главным содержанием их эмоций и переживаний по поводу власти буржуазии было чувство внутреннего возмущения, гнева, ненависти. Эти чувства были общей *формой* отношения к общественному бытию, его оценки, а не характеристикой переживания отдельного индивида. Нужда, которую испытывали пролетарии, толкала их на борьбу, порождала страсть. Рабочие революционизировались в самом процессе жизни, и их интерпретация действительности выражалась не в теоретических идеях, а в страсти, в революционном возбуждении.

Это общее психологическое настроение и явилось впоследствии той благодатной почвой, на которой легко прижилась марксистская теория классово-борьбы. И сегодня используются «популистские» (популярный — значит народный) лозунги, ориентированные как на возбуждение чувства доверия и эмоционального одобрения реформы, проводимой в стране, так и на порождение протестных настроений.

Велика роль общественной психологии и в сфере национальных отношений. Одной из причин нынешней национальной вражды является чисто эмоциональное восприятие представителями той или иной нации своих национально-этнических особенностей (традиции быта и культуры, языка, цвета кожи, красоты своих женщин и т.д.), своего исторического прошлого. Без должной оценки с позиции общечеловеческих ценностей эмоциональное восприятие своей национальной принадлежности ведет к этноцентризму, оппозиции «мы — они», в рамках которой всем инородцам предписываются отрицательные качества. Родается национализм с его агрессивностью и нетерпимостью к другим.

Психологическое настроение масс — главнейший фактор успеха или неуспеха в реализации экономических, политических и других реформ. Поэтому политики разных ориентаций прибегают

к созданию общественного настроения с помощью теле- и радиопередач и т.д.

Теоретическое сознание — это явное осознание общественного бытия, его существенных связей и закономерностей с помощью специальных средств и методов познания, нацеленных на открытие истины. На теоретическом уровне сознания общественное бытие отражается в научных понятиях. Умение мыслить в научных понятиях нельзя сформировать в процессе повседневной практики. Выйти на уровень теоретического сознания можно только в ходе специального обучения. Например, научиться диалектически, а значит, теоретически, мыслить можно в ходе чтения и осмысления философских трудов Гегеля. Этим и обусловлен тот факт, что на уровень теоретического сознания поднимаются не все люди. Общество готовит научные кадры специально через системы высшей школы, аспирантуру и т.д.

В реальной жизни теоретический и обыденный уровни сознания тесно связаны, но для философского анализа необходимо представить их в «чистом виде». Взаимодействие этих уровней сознания проявляется в том, что наука исследует проблемы, реально существующие в практической жизни людей, и в то же время видоизменяет, окультуривает обыденное сознание. Так, в условиях реформ, проводимых в нашей стране, в обыденном сознании многих людей изменились представления о коммунизме, капитализме, товарно-денежных отношениях, фермерстве, колхозах и т.д.

Идеология — это систематизированное, теоретически обоснованное выражение коренных интересов различных социальных групп. Если на уровне обыденного сознания и общественной психологии люди стихийно осознают свои интересы и потребности, то идеология подводит под те или иные групповые интересы теоретическое основание и на нем строит программу по реализации этих интересов, разрабатывает механизмы распространения идеологических теорий.

Идеология создается в процессе специальной познавательной деятельности мыслителями, политиками. Создатели идеологии класса или социальной группы не обязательно должны быть их членами. Идейнными выразителями определенных групповых интересов они становятся в том случае, если теоретически решают те задачи, к которым та или иная социальная группа приходит практически. Идеология выводит сознание этих групп на теоретический уровень, т.е. позволяет им осознать свое место в обществе,

свои цели и задачи, программу деятельности в реализации своих интересов — экономических и политических.

В настоящее время в нашей стране появилось много идеологий, каждая из которых представлена той или иной партией: коммунистической, демократической, социал-демократической, либеральной, монархической и т.д. Идеологические установки этих партий выражают и отражают интересы вполне определенных социальных групп. *Все идеологии несут в себе элементы иллюзорности*, ибо объявляют интересы своего класса всеобщими. Марксизм, например, отождествлял пролетарское мировоззрение с общечеловеческим. Но степень иллюзорности идеологий различна. Коммунистическая идеология, ориентированная на социальную справедливость, на обеспечение всем людям достойной жизни, отражает интересы очень большого числа людей, а потому ее содержание ближе к общечеловеческому, чем, например, содержание либеральной идеологии.

Любая идеология оправдывает интересы и потребности своей социальной группы, считает свои принципы незыблемыми, а от своих сторонников требует единства мысли и действий. Всякое отступление от своих установок она рассматривает как предательство по отношению к защищаемому ею классу. Поэтому в партиях, особенно с жесткой дисциплиной, коллектив господствует над личностью. Коллективный разум партии считается верховным законодателем и судьей, в силу чего происходит сужение сознания ее членов, подавляются и вытесняются многие существенные черты сложной эмоциональной и интеллектуальной духовной жизни человека. Иногда даже прекращается работа индивидуального сознания, а его содержание совпадает с коллективными решениями и мнениями.

Идеология — это очень острое оружие борьбы. Поэтому идеологические разногласия между социальными группами приводят к их противостоянию, накалу страстей, создают предкризисные и кризисные ситуации в стране. Опасны идеологические разногласия и между государствами, ибо являются потенциальным источником войн.

В настоящее время стало ясно, что современный мир превращается во все более взаимозависимый, целостный, что многие важные проблемы можно решить только общими усилиями, например, предотвращение ядерной войны, экологические, продовольственные, энергетические проблемы, искоренение опасных

болезней (рак, СПИД и т.д.). Поэтому межгосударственные отношения разумно строить на деидеологизированной основе исходя из интересов выживания человеческой цивилизации, а также права человека на жизнь. Но опыт последних лет показал, что такие государства, как, например, США, не готовы строить межгосударственные отношения на основе партнерства и претендуют на роль международного жандарма. Достаточно вспомнить агрессию США против суверенных стран — Ирака и Югославии.

Формы общественного сознания и критерии их разграничения

Формы общественного сознания — это различные способы духовного освоения действительности. К ним относятся политическое сознание, правосознание, мораль, религия, искусство, наука и философия.

Они разграничиваются по следующим признакам:

1. *По предмету отражения.* Каждая форма сознания отражает какие-то особенные социальные связи и отношения. *Политическое сознание* отражает отношение к власти, т.е. отношения между борющимися классами, партиями, нациями, государствами.

Правосознание есть совокупность взглядов, идей, выражающих отношение социальных групп, классов к праву, закону, правосудию, их представления о том, что является правомерным, а что неправомерным.

Мораль отражает способы регуляции поведения людей в труде, в быту, в политике, международных отношениях, а также в отношениях с природой. Мораль пересекается с правом. Но в праве все предписания формируются и проводятся в жизнь специальными учреждениями, а морально-нравственные установки формируются в практической жизни людей и являются отражением их жизненного опыта.

Религия имеет своим предметом «священное», т.е. такое начало, которое находится за чертой «естественного» мира, обладает сверхчуждственными свойствами (Бог, Абсолют). Сверхчуждственное и сверхъестественное знать нельзя, в него можно только верить.

Искусство воссоздает, отражает в образной форме человеческую жизнь в ее целостности, служит ее воображаемым дополнением. Художественные образы обращены к человеческому пережи-

ванию, а потому они плохо поддаются рациональному научному анализу. Произведения искусства раздвигают рамки реального житейского опыта человека, приобщают его к вековой мудрости, общечеловеческим идеалам. В искусстве даются образцы возвышенной любви, дружбы, сострадания, совести и других форм отношения человека к миру и другим людям.

Наука имеет своим предметом процессы и явления объективного мира. У нее один высший властелин — истина, критерий которой — практика.

Философия изучает мир и место в нем человека, отношение человека к миру: познавательное, политическое, нравственное, эстетическое и т.д. (см. раздел I).

2. *По формам отражения.* Политическое сознание отражает действительность в научных понятиях и теориях, но оно может возникать и в научной деятельности, на уровне обыденного сознания. *Правосознание*, как и политическое сознание, существует на теоретическом и обыденном уровне. Теоретический уровень представлен системой правовых взглядов, основанных на определенных социальных и научных принципах. Обыденный уровень отражает правовые явления в системе привычек, чувств, эмоций людей. Кроме того, в обыденное правосознание входит знание действующего права, оценка его, а также соответствующая поведенческая установка.

Мораль отражает свой предмет в нравственных ценностях и идеалах. *Искусство* воссоздает жизнь человека в мире в художественных образах. *Религия* выражает содержание «священного» в виде догматов. *Наука* есть теоретическое отражение действительности в виде понятий, гипотез, теорий, моделей, схем технологических процессов и т.д. Научное отражение действительности есть логическое, максимально обобщенное знание. *Философию* объединяет с наукой стремление к построению знания в теоретической форме, к логической доказательности своих выводов. Но философия, в отличие от науки, есть не только теоретическое, но и духовно-практическое освоение действительности. Поэтому многие философы опирались в своих учениях не на логику, а, например, на интуицию, здравый смысл.

3. *По выполняемой социальной функции.* Каждая форма общественного сознания играет в обществе вполне определенную роль, влияет на поведение людей в различных сферах их жизнедеятельности. *Политическое сознание* связано с отношениями между

классами, нациями и другими социальными группами. Центральным содержанием этой деятельности является проблема завоевания государственной власти, ее удержания и использования.

Следует различать политическое сознание профессионалов-политиков и обыденное политическое сознание масс. Мера развитости или неразвитости последнего определяется тем, насколько народ понимает необходимость своего участия в делах государства и готов влиять на ход борьбы за государственную власть. В условиях демократического условия общества это влияние осуществляется в актах поддержки той или иной партии, претендующей на политическое лидерство. Народ выражает свое одобрение или неодобрение политике государства через процедуры голосования на выборах, референдумах. Так как политические симпатии людей меняются, для учета этих изменений проводятся социологические исследования, которые позволяют правительству вовремя скорректировать свои действия. Следует учитывать, что властные государственные структуры, прислушиваясь к общественному мнению, одновременно влияют на него, разрабатывая для этого особые технологии управления и методики «обработки» общественного сознания. В настоящее время исследование политических отношений и соответствующих форм политического сознания проводится в рамках специальной науки — политологии.

Правосознание играет в обществе очень важную роль. От того, насколько оно развито, зависит действие права, его применение и соблюдение. Недостаточный уровень развития правосознания может обречь на неудачу самое совершенное законодательство. Сегодня можно говорить о слабом правосознании в нашей стране: огромное число указов, постановлений, ориентирующих на реформы, остается только на бумаге. Отношение к праву народ выразил в емкой пословице: «Закон что дышло, куда повернешь — туда и вышло». Обыденное политическое сознание очень четко, точно и лаконично передает с помощью этой пословицы смысл того, что наше государство не было правовым. Попытки его построения предпринимаются в наши дни, но успешная их реализация зависит от развитости правосознания людей.

Моральное сознание является основой формирования нравственной личности, фактором внутренней регуляции человеческого поведения, отношения человека к другим людям, к природе. Мораль пронизывает все сферы общественной жизни, распро-

страняется на всех людей. Она имеет всеобщее значение, фиксируя общеобязательные нормы поведения, без которых невозможно было бы межчеловеческое общение. Одна из древнейших нравственных заповедей (так называемое «золотое правило») гласит: не делай другим того, чего не хочешь для себя. «Золотое правило» содержится в пословицах и поговорках всех народов, оно вошло и в Евангелие. Общие принципы морали (а к ним относятся и десять заповедей) выполняют роль нравственных идеалов, с которыми люди могут сравнивать свои поступки, образ жизни, т.е. оценивать свои деяния с точки зрения добра и зла. Моральное сознание оценивает не только практические действия людей, но и их мотивы, намерения. При этом важно, чтобы личность сама могла определить нравственную линию своего поведения, делать нравственный выбор в обществе, оценивать свою жизнь в соответствии с общими принципами морали. В реальной истории нормы общечеловеческой морали никогда не реализовывались полностью. Отступление от всеобщих норм морали совершается по-разному в различных социальных группах и классах. Например, люди, имеющие главной целью жизни материальное обогащение, наживу, практически не в состоянии жить в соответствии с нормами общечеловеческой морали.

Состояние морального сознания народа есть важнейший компонент всех сфер жизни: труда, быта, семейных отношений, политики, межнациональных отношений и т.д.

Религиозное сознание — одно из древнейших в обществе. Его роль и функции менялись вместе со сменой общественных отношений и самих форм религии. С каждым серьезным историческим переворотом в общественных порядках происходил переворот и в религиозных представлениях людей. Так, средневековый католицизм был выражением феодальной разновидности христианства, а с развитием капитализма появились иные его разновидности: протестантизм, лютеранство и т.д. Религиозное сознание тесно связано с моральным сознанием, и многие ученые утверждают, что вне религии нет истинной морали.

Одной из функций религиозного сознания является компенсаторская. Люди через свои религиозные переживания, радость от общения с церковью и Богом, ощущения благодати и т.д. как бы уравновешивают свою земную жизнь, в которой постоянно присутствуют трудности, лишения, болезни, горе. Религиозное сознание всегда связано с национальным самосознанием.

Данное явление часто используется религиозными и светскими политиками для осуществления своих политических целей в борьбе за власть. Об этом свидетельствуют национальные конфликты в нашей стране: все они имеют явную или неявную религиозную окраску. Спекулируя на национально-религиозных чувствах людей, некоторые политики ввергают свой народ в жестокие распри, которые умело подогреваются, направляются и используются для достижения целей, чуждых самому народу.

Искусство как форма общественного сознания дает человеку дополнительный жизненный опыт, служит воображаемым дополнением жизни, ее продолжением, а иногда и заменой. В этой своей функции оно имеет много общего с религией. Но в отличие от религии, искусство дополняет жизнь художественными образами, имеющими земное происхождение, земной смысл. Искусство обращено не столько к уму человека, сколько к его способностям переживать; поэтому оно формирует культуру человеческих чувств и представлений, воспитывает людей. Художественные образы искусства дают человеку образцы человеческой жизни в ее целостном духовном содержании. Человек, входя в мир этих образов, живя в нем в своем воображении, эстетически наслаждаясь тем или иным произведением искусства, одновременно творит свое «Я», свою личность, развивает свои душевно-эмоциональные и интеллектуальные способности. Искусство приобщает людей к многовековому, накопленному человеческим коллективным опытом миру моральных ценностей, определенных представлений о добре, истине и красоте. Можно ли жить без искусства, без развитого художественно-эстетического сознания? Можно. Но в таком случае жизнь человека станет одномерной, ущербной, интересы его ограничатся потребностями тела. Существование человека станет растительно-животным, что неминуемо отразится на его эмоциональных и интеллектуальных способностях. Поэтому не случайно некоторые японские предприниматели обязывают своих рабочих посещать концерты классической музыки, ходить в театр, бывать на художественных выставках и т.д. и даже оплачивают связанные с этим расходы. Объясняется это тем, что высокое искусство способствует развитию эмоционально-интеллектуальных способностей, а в итоге повышается культура труда и быта рабочих, растет производительность труда, процветает фирма. Этот пример показывает, что искусство может стать могущественным способом социально-

направленного формирования сознания каждого члена общества и в то же время влиять на ход развития культуры.

Наука играет важную роль в жизни общества. Начав с выработки и теоретической систематизации объективных знаний о реальной действительности, она превратилась в производительную силу общества, т.е. в основу его развития. Наука открывает новые знания, технологии, материалы, а потому способствует постоянному изменению всех видов деятельности. Она ускоряет материально-техническое развитие общества, повышает производительность труда, убыстряет ритм общественной жизни.

До конца XIX в. наука играла вспомогательную роль по отношению к производству. Научные разработки не финансировались государством, ученые не состояли на государственной службе. В начале XX в. государство берет под контроль и финансирует все виды научных исследований. Возникают крупные научно-исследовательские институты, лаборатории. Научные исследования начинают проводиться в области промышленного и сельскохозяйственного производства, политики, в военной сфере. Складывается единая система «наука — техника — производство», в которой наука берет на себя ведущую роль. С этого времени ее развитие начинает опережать развитие техники и производства, и она становится движущей силой научно-технического прогресса.

В современную эпоху экологического кризиса перед наукой стоит задача разработать безотходные технологии промышленного производства, перевести его на биотехнический уровень. Наука подошла вплотную к нравственно-гуманистическому осмыслению человеческой деятельности по преобразованию природной среды, исследований в области медицины и биологии. Ученые осознали свою ответственность перед обществом за те научные открытия, которые могут быть использованы во вред человеку, принести ему гибель.

Научные исследования требуют больших затрат, и правительства многих стран, заботясь о благосостоянии своего народа и его безопасности, отводят науке одно из главных мест в социальных программах.

Философия — форма общественного сознания, наиболее удаленная от непосредственных материальных интересов. Философ Вл. Соловьев утверждал, что она имеет целью ответить на вопрос, что такое подлинное бытие в отличие от мнимого, призрачного. Этот вопрос вечно стоит перед человечеством, которое отвечает

на него по-разному в те или иные исторические эпохи. (Более подробно о роли философии и ее месте в обществе сказано в разд. I.)

Итак, мы рассмотрели уровни и формы общественного сознания. Следует иметь в виду, что в *реальной жизни общества все они взаимосвязаны*. Например, уровень обыденного сознания и уровень общественной психологии присутствуют в политической форме общественного сознания, правосознания, морали, искусстве, религии. Взаимосвязаны и различные формы общественного сознания: политика и религия, политика и право, мораль и право, религия и мораль, искусство и религия, искусство и политика, наука и политика и т.д.

В каждую историческую эпоху была своя структура общественного сознания. Так, в Средние века религия выступала в роли главной формы общественного сознания, подчиняющей себе все другие. Наука как форма общественного сознания еще не появилась. В капиталистическом обществе на первый план выходит политическое и юридическое сознание, а позже — наука. Политическое сознание господствовало и в нашей стране после Октябрьской революции. И если в годы застоя (70–80-е гг. XX в.) уровень политизации сознания людей начал снижаться, то перестройка вновь активизировала процесс политизации общественного сознания.

Рекомендуемая литература

1. Введение в философию: В 2 ч. Ч. 2. — М., 1989. — Гл. 14. 1–3.
2. Духовное производство. — М., 1981.
3. Общественное сознание и его формы. — М., 1986.
4. *Федотова В.Г.* Практическое и духовное освоение действительности. — М., 1986.
5. Философское сознание: драматизм обновления. — М., 1991.

ПОЗНАНИЕ

Глава 14

Сущность и формы познания

Сознание — знание — познание

Сознание — это осознанное бытие. Иначе говоря, оно представляет собой выражение отношения человека к своему бытию. *Знание* — это объективная реальность, данная в сознании человека, который в своей деятельности отражает, идеально воспроизводит объективные закономерные связи реального мира. *Познание* — это процесс приобретения и развития знания, его постоянное углубление и расширение, такое взаимодействие объекта и субъекта познания, результатом которого является новое знание о мире.

Вопрос о том, может ли объективная реальность быть данной в сознании человека — а если может, то каким именно образом, — решается в рамках такой философской науки, как теория познания (гносеология, эпистемология). Гносеология — это раздел философии, в котором изучаются проблемы природы познания, отношения знания к реальности, субъекта и объекта познания, исследуются всеобщие предпосылки познавательного процесса, возможности познания и критерии его истинности.

На вопрос о том, как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру, познаваем ли он или нет, подавляющее большинство философов и ученых дают утвердительный ответ. Однако существует такое учение, как агностицизм (от греч. *agnostos* — непознаваемый), представители которого отрицают (полностью или частично) принципиальную возможность познания объективного мира, но не сам факт познания, выявления его закономерностей и постижения объективной истины. В истории философии наиболее известными агностиками были английский философ Д. Юм и немецкий философ И. Кант. Согласно учению Канта, предметы, хотя и существуют объективно, представляют собой непознаваемые «вещи-в-себе». Живучесть агностицизма объясняется тем, что он смог выразить некоторые сложные проблемы теории познания (например, неисчерпаемость, границы познания, невозможность полного постижения вечно изменяющегося бытия, его субъективное преломление в органах чувств и мышлении человека и т.п.), которые и по сей день не получили окончательного решения.

По своим философским взглядам агностики являются либо дуалистами, либо (чаще всего) субъективными идеалистами. Самое решительное опровержение агностицизма дает общественная практика. Если люди, познавая те или иные явления, преднамеренно воспроизводят их в научном эксперименте или материальном производстве, непознаваемой «вещи-в-себе» не остается места.

Следует иметь в виду, что не всякий агностицизм есть идеализм. Немецкий философ Гегель, будучи объективным идеалистом, критиковал агностицизм, признавал познаваемость мира, разработал диалектическую теорию познания, указывая на активность субъектов в этом процессе. Однако он толковал познание как развитие, самопознание мирового духа, Абсолютной идеи, которое осуществляется без какого-либо отношения к реальной действительности.

В отличие от агностиков сторонники скептицизма не отрицают познаваемость мира, но либо сомневаются в достоверности получаемых знаний, либо, не сомневаясь в этом, останавливаются только на отрицательном результате (скептицизм как «паралич истины»).

В основе всех материалистических теорий познания лежит положение о том, что познание — это отражение внешнего мира в голове человека, воспроизведение изучаемого объекта таким, каков

он есть сам по себе, вне человеческого сознания. Материалисты XVII–XIX вв. (Бэкон, Гоббс, Локк, Гольбах, Спиноза, Фейербах, Чернышевский и др.), хотя и исходили из данного положения, но не проводили его последовательно. Их ограниченность в понимании познания заключалась в созерцательности, метафизичности и механичности.

Созерцательность — это рассмотрение познания как пассивного акта восприятия изолированным индивидом («гносеологическим Робинзоном») окружающего мира. Она была следствием непризнания решающей роли практики в преобразовании и познании реальной действительности.

Метафизичность — неспособность познать мир и его отражение в сознании как процесс, непонимание взаимосвязей и диалектического характера познания, активной роли субъекта как социального существа в этом процессе, неумение применить диалектику к теории познания.

Механистичность — стремление все явления познать и объяснить только на основе законов классической механики (игнорируя или недооценивая другие науки), которая в то время была развитой наукой. Но такая попытка содержала и рациональное зерно — стремление понять мир из него самого, не обращаясь к потусторонним силам.

В диалектико-материалистической философии:

- познание понимается не как зеркальное, неподвижное отражение, пассивное созерцание мира отдельными субъектами, а как сложный диалектический процесс активного творческого отражения действительности, который осуществляется человеком как социальным существом в ходе изменения им этой действительности, т.е. в ходе практики;
- процесс познания детерминирован социокультурными факторами и осуществляется человеком как социальным существом, постоянно включаемым в само «тело» познавательной деятельности. Его активность — важнейшая предпосылка и условие последней;
- важнейший принцип диалектико-материалистической гносеологии — единство диалектики, логики и теории познания;
- элементы диалектики (ее законы, принципы и категории), будучи отражением всеобщих законов развития объективного мира, являются тем самым общими формами мышления, универсальными регулятивами познавательной деятельности в целом.

Теоретико-познавательные проблемы разрабатываются практически во всех направлениях современной философии. Однако удельный вес гносеологических исследований, ориентирующихся на науку (позитивизм, критический рационализм, неореализм), значительно больше, чем в рамках направлений, в центре которых — «смысложизненная проблематика» (экзистенциализм, философская антропология, философско-религиозные течения и др.).

Изучение проблем теории познания имеет важное актуальное значение. Без самого общего представления о том, как они становились и решались, трудно ориентироваться в современном мире, где познавательная деятельность людей занимает одно из центральных мест. «Гносеологическая подготовка» — необходимый элемент философской культуры. Такие категории, как «истина», «заблуждение», «теория», «метод» и др., позволяют более глубоко и всесторонне осмыслить развитие современной науки и техники, взаимосвязь познания и практики, роль знания в жизни людей и ряд других сложных проблем.

Роль практики в процессе познания

Практика — активная чувственно-предметная материальная деятельность людей, направленная на преобразование реальной действительности (природы и общества). С введением практики в теорию познания было установлено, что человек познает реальный мир не потому, что предметы и явления этого мира пассивно действуют на его органы чувств, а потому, что он сам активно воздействует на окружающую его действительность и в ходе ее изменения познает ее. Это специфически человеческая форма деятельности, в ходе которой изменяется и он сам.

В процессе практики человек создает новую реальность — мир материальной и духовной культуры, новые условия своего существования, которые не даны ему природой в готовом виде («вторая природа»). Практика и познание — две взаимосвязанные стороны единого исторического процесса, но решающую роль здесь играет практическая деятельность. Практика — целостная система совокупной материальной деятельности человечества во всем его историческом развитии. Ее законами являются законы самого реального мира, который преобразуется в этом процессе.

Важнейшие формы практики:

- материальное производство (труд), преобразование природы, «естественного бытия»;
- социальное действие — преобразование общественного бытия, изменение существующих социальных отношений определенными «массовыми силами» (революции, реформы, войны и т.п.);
- научный эксперимент — активная (в отличие от наблюдения) деятельность, в процессе которой человек искусственно создает условия, позволяющие ему исследовать интересующие его свойства объективного мира.

Основные функции практики в процессе познания:

1. Практика является источником познания, потому что знания вызваны к жизни главным образом ее потребностями. В частности, математические знания возникли на необходимости измерять земельные участки, вычислять площади, объемы, исчислять время и т.д. Астрономия была вызвана к жизни потребностями торговли и мореплавания и т.п. Однако не всегда, конечно, открытия в науке (например, периодический закон Менделеева) делаются непосредственно «по заказу» практики.
2. Практика выступает как *основа познания*, его движущая сила. Она пронизывает все стороны, моменты, формы, ступени познания от его начала и до его конца. Весь познавательный процесс, начиная от элементарных ощущений и кончая самыми абстрактными теориями, обуславливается, в конечном счете, задачами и потребностями практики. Она ставит перед познанием определенные проблемы и требует их решения. В процессе преобразования мира человек обнаруживает и исследует все новые и новые его свойства и стороны и все глубже проникает в сущность явлений. Практика служит основой познания и в том смысле, что обеспечивает его техническими средствами, приборами, оборудованием и т.п., без которых оно не может быть успешным.
3. Практика является *целью познания*, ибо она осуществляется не ради простого любопытства, а для того, чтобы направлять и регулировать деятельность людей. Все наши знания возвращаются в конечном итоге обратно в практику и оказывают активное влияние на ее развитие. Задача человека состоит не только в том, чтобы познавать и объяснять мир, но и в том, чтобы

использовать полученные знания в качестве «руководства для действия» по его преобразованию.

Знания имеют смысл лишь в том случае, если они воплощаются в жизнь. Тем самым конечной целью познания являются не знания сами по себе, а практическое преобразование действительности для удовлетворения материальных и духовных потребностей людей. Но не все знания возникают непосредственно «по заказу» практики.

4. Практика представляет собой *решающий критерий истины*, т.е. позволяет отделить истинные знания от заблуждений (об этом см. ниже).

Открытие практической социальной обусловленности человеческого познания позволило выявить диалектику познавательного процесса и объяснить его важнейшие закономерности. Было доказано, что нельзя рассматривать познание как нечто готовое, застывшее, неизменное, а следует разбирать, как из незнания является знание, как в ходе практики происходит движение, восхождение от неполного, неточного знания к более полному, более точному и глубокому, совершенному.

Оказалось, что познание и внешний мир развиваются по одним и тем же всеобщим законам. Эти два ряда законов изучает диалектика, которая выступает не только как учение о познании, как теория познания. Вместе с тем никакое знание не может быть выражено иначе, как в определенных формах и принципах мышления, которые изучает логика. Поэтому важнейшей характерной особенностью диалектико-материалистической теории познания является то, что она есть одновременно и диалектика, и логика. Законы и категории диалектики, являясь отражением всеобщих закономерностей развития объективного мира, оказываются тем самым всеобщими формами познающего мышления.

Единство чувственного и рационального в познании

По вопросу о роли, месте и соотношении чувственного и рационального в процессе познания в истории философии существовали две прямо противоположные точки зрения — сенсуализм и рационализм.

Сенсуалисты (от лат. *sensus* — чувство, ощущение) считали, что решающая роль в процессе познания принадлежит органам

чувств, а ощущения и другие формы живого созерцания признавались единственным источником и средством достижения истины. Так, французский философ Гельвеций полагал, что «все, что недоступно чувствам, недостижимо для ума». Сенсуалистами были представлены как материализм (Гоббс, Локк, Фейербах и др.), так и идеализм (Беркли, Юм и др.).

Рационалисты (от лат. *ratio* — разум, мышление), опираясь прежде всего на успехи математики, стремились доказать, что всеобщие и необходимые истины (а они, несомненно, существуют) невыводимы непосредственно из данных чувственного опыта и его обобщения, а могут быть почерпнуты только из самого мышления. Такие взгляды развивали Декарт, Лейбниц, Гегель и др.

Хотя в рамках обеих названных концепций было высказано немало верных и глубоких идей, но в целом они были ограничены, односторонни. Сенсуализм абсолютизировал чувственное познание, принижая (или вовсе отвергая) роль мышления. Рационализм же отрицал опытное происхождение всеобщности и необходимости как важнейшие признаки достоверного знания и чрезмерно преувеличивал значение мышления вплоть до отрыва его от реальности.

Развитие философии, науки и других форм духовной деятельности людей показывает, что в действительности любое знание есть единство двух противоположных моментов, сторон — чувственного и рационального. Оно невозможно ни без одного из них. Органы чувств доставляют разуму соответствующие данные, факты. Разум их обобщает и делает определенные выводы. Без органов чувств нет работы разума, а чувственные данные в той или иной мере осмыслены, теоретически нагружены и регулируются разумом. Ему в познании принадлежит ведущая роль, ибо главным образом с помощью мышления познаются сущность вещей, законы действительности.

Чувственное познание (или живое созерцание) у человека осуществляется посредством органов чувств — зрения, слуха, осязания и др., которые есть «продукты всемирной истории», а не только биологической эволюции. Органы чувств — единственные «ворота», через которые в наше сознание могут проникать сведения об окружающем мире. Будучи моментом чувственно-предметной деятельности (практики), живое созерцание осуществляется в трех основных взаимосвязанных формах, каждая из которых есть

субъективный образ объективного мира. Это ощущения, восприятие и представление.

Ощущения — это отражение в сознании человека отдельных сторон, свойств предметов, а также внутренних состояний организма, непосредственно воздействующих на органы чувств. Ощущения подразделяются на зрительные (играющие наиболее важную роль), слуховые, осязательные, вкусовые и др. Ощущения, как правило, выступают в качестве компонента более сложного образа — восприятия.

Восприятие — это целостный образ предмета, непосредственно данного в живом созерцании совокупности всех своих сторон, синтез отдельных ощущений.

Представление — это обобщенный чувственный образ предмета, воздействовавшего на органы чувств в прошлом, но не воспринимаемого в данный момент. Сюда относятся образы памяти (например, воспроизведение Спасской башни Кремля), образы соображения (русалка, кентавр и т.д.) и др. По сравнению с восприятием в представлении отсутствует непосредственная связь с реальным объектом. Это обычно расплывчатый нечеткий образ предмета, но уже в нем совершается элементарное обобщение с выделением некоторых общих признаков и отбрасыванием несущественных и единичных.

Для живого созерцания в целом характерно отражение внешнего мира в наглядной форме, наличие непосредственной (без промежуточных звеньев) связи человека с реальной действительностью, отражение преимущественно внешних сторон и связей, начало постижения внутренних зависимостей на основе первоначального обобщения чувственных данных. Еще раз повторим, что нет «чистой» чувственности, свободной от влияния мышления. Но значение чувственного отражения в развитии познания исключительно велико, даже если учитывать тенденцию значительного возрастания роли мышления в современной науке.

Рациональное познание наиболее полно и адекватно выражено в мышлении. *Мышление* — осуществляющийся в ходе практики активный процесс обобщенного и опосредованного отражения действительности, обеспечивающий раскрытие на основе чувственных данных ее закономерных связей и их выражение в системе абстракций (понятий, категорий и др.).

Мышление человека — не чисто его природное свойство, а выработанная в ходе истории функция социального субъекта,

общества в процессе своей предметной деятельности и общения, идеальная их форма. Поэтому мышление, его формы, принципы, категории, законы и их последовательность внутренне связаны с историей социальной жизни, обусловлены развитием труда.

Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в его сознании в виде соответствующих форм мышления, определенных «фигур логики». Именно уровень и структура практики обуславливают в конечном итоге способ мышления той или иной эпохи, своеобразие логических «фигур» и связей на каждом из ее этапов. Вместе с развитием практики, ее усложнением и внутренней дифференциацией изменяется и мышление, проходя определенные уровни (этапы, состояния и т.п.).

Исходя из древней философской традиции, восходящей к античности, следует выделить два основных уровня мышления — рассудок и разум. Рассудок — исходный уровень мышления, на котором оперирование абстракциями происходит в пределах неизменной схемы, заданного шаблона, жесткого стандарта. Эта способность последовательно и ясно рассуждать, правильно строить свои мысли, четко классифицировать, строго систематизировать факты. Здесь сознательно отвлекаются от развития, взаимосвязи вещей и выражающих их понятий, рассматривая их как нечто устойчивое, неизменное. Главная функция рассудка — расчленение и исчисление. Мышление в целом невозможно без рассудка, он необходим всегда, но его абсолютизация неизбежно ведет к метафизике.

Рассудок — это обыденное повседневное «житейское» мышление или то, что часто называют здравым смыслом. Логика рассудка — формальная логика, которая изучает структуру высказываний и доказательств, обращая основное внимание на формулу «готового» знания, а не на его содержание.

Разум (диалектическое мышление) — высший уровень рационального познания, для которого прежде всего характерны творческое оперирование абстракциями и сознательное исследование их собственной природы (саморефлексии). Только на этом своем уровне мышление может постичь сущность вещей, их законы и противоречия, адекватно выразить логику вещей в логике понятий. Последние, как и сами вещи, берутся в их взаимосвязи, развитии, всесторонне и конкретно. Главная задача разума — объединение многообразного вплоть до синтеза противоположностей и выявления коренных причин и движущих сил изучаемых

явлений. Логика разума — диалектика — учение о формировании и развитии знаний в единстве их содержания и формы.

Процесс развития мышления включает в себя взаимосвязь и *взаимопереход рассудка и разума*. Наиболее характерной формой перехода первого во второй является выход за пределы сложившейся «готовой» системы знания, на основе выдвижения новых — диалектических по своей сути — фундаментальных идей. Переход разума в рассудок связан прежде всего с процедурой формализации и перевода в относительно устойчивое состояние тех систем знания, которые были получены на основе разума (диалектического мышления).

Формы мышления (логические формы) — это способы отражения действительности посредством взаимосвязанных абстракций, среди которых исходными являются понятие, суждение и умозаключение. На их основе строятся более сложные формы рационального познания: гипотеза, теория и др.

Понятие — форма мышления, отражающая общие закономерные связи, существенные стороны, признаки явлений, которые закрепляются в их определениях (дефинициях). Например, в определении «человек есть животное, делающее орудия труда», выражен такой существенный признак человека, который отличает его от всех остальных представителей животного мира, выступает фундаментальным законом его существования и развития как родового существа. Понятия должны быть гибки и подвижны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, чтобы верно отразить реальную диалектику (развитие) объективного мира. Наиболее общие понятия — это философские категории (качество, количество, материя, противоречия и др.). Понятия выражаются в языковой форме в виде отдельных слов («атом», «водород» и др.) или в виде словосочетаний, обозначающих классы объектов («экономические отношения», «элементарные частицы» и др.).

Суждение — форма мышления, отражающая вещи, явления, процессы действительности, их свойства, связи и отношения. Это мысленное отражение, обычно выражаемое повествовательным предложением, может быть либо истинным («Париж стоит на Сене»), либо ложным («Ростов — столица России»). В форме суждения отражаются любые свойства и признаки предмета, а не только существенные и общие (как в понятии). Например, в суждении «золото имеет желтый цвет», отражается не существенный, а второстепенный признак золота.

Понятия и суждения выступают «кирпичиками» для построения умозаключения, которые представляют собой моменты движения мышления от одних суждений и понятий к другим, выражают процесс получения новых результатов в познании.

Умозаключение — форма мышления, посредством которой из ранее установленного знания (обычно из одного или нескольких суждений) выводится новое знание (также обычно в виде суждения). Классический пример умозаключения:

1. Все люди смертны (посылка).
2. Сократ — человек (обосновывающее знание).
3. Следовательно, Сократ смертен (выводное знание, называемое заключением или следствием).

Важным условием достижения истинного выводного знания является не только истинность посылок (аргументов, оснований), но и соблюдение правил вывода, недопущение нарушения законов и принципов логики — не только формальной, но и диалектики как логики. Наиболее общим делением умозаключений является их деление на два взаимосвязанных вида: индуктивные — движение мысли от единичного, частного к общему, от менее общего к более общему; дедуктивные, где имеет место обратный процесс — от общего к частному (как в приведенном примере).

Следует иметь в виду, что рациональное (мышление) взаимосвязано не только с чувственным, но и с другими *внерациональными формами познания*. Среди них особенно важную роль играет интуиция (внезапное озарение) — способность прямого, непосредственного постижения истины без предварительных логических рассуждений и без доказательств. Большое значение в процессе познания имеют такие внерациональные формы, как воображение, фантазия, эмоции и т.п.

В настоящее время усиливается интерес к проблеме *иррационального*, т.е. того, что лежит за пределами досягаемости разума и недоступно постижению с помощью известных рациональных средств. В современной философии и науке все более укрепляется убеждение в том, что наличие иррациональных пластов в человеческом духе порождает ту глубину, из которой появляются все новые смыслы, идеи, творения. Взаимопереход рационального и иррационального — одно из фундаментальных оснований процесса познания. Однако значение внерациональных факторов не следует преувеличивать, как это делают сторонники иррационализма.

Формы познавательной деятельности

Познание как форма духовной деятельности существует в обществе с момента его возникновения, проходя вместе с ним определенные этапы развития. На каждом из этих этапов процесс познания осуществляется в многообразных и взаимосвязанных социально-культурных формах, выработанных в ходе истории человечества. Поэтому познание как целостный феномен нельзя сводить к какой-либо одной форме, даже такой важной, как наука, которая не «покрывает» собой познание как таковое, но, особенно в современном период, «пронизывает» собой всю жизнедеятельность людей.

Уже на ранних этапах истории человечества существовало *обыденно-практическое познание*, «поставляющее» элементарные сведения о природе, а также о самих людях, их условиях жизни, общении, социальных связях и т.д. Основой данной формы познания был опыт повседневной жизни, практика людей. Полученные на этой базе знания носят хаотический, разрозненный характер, представляя собой простой набор сведений и правил.

Одна из исторически первых форм — *игровое познание* как важный элемент деятельности не только детей, но и взрослых. В ходе игры индивид осуществляет активную познавательную деятельность, приобретает большой объем новых знаний, впитывает в себя богатство культуры: деловые игры, спортивные игры, игра актеров и т.п. Общеизвестно огромное значение игры для удовлетворения неиссякаемой любознательности детей, формирования их духовного мира и навыков общения. В настоящее время понятие игры широко используется в математике, экономике, кибернетике и других науках. Здесь все чаще применяются специальные игровые модели и игровой сценарий, где рассматриваются различные варианты течения сложных процессов и решения научных и практических проблем. Целый ряд влиятельных направлений современной философской и научной мысли выдвигает игру в качестве самостоятельной области изучения. Это, в частности, герменевтика (Гадамер), философская антропология (Финк) и др.

Важную роль, особенно на начальном этапе истории человечества, играло *мифологическое познание*. Его специфика в том, что оно представляет собой фантастическое отражение реальности, является бессознательно-художественной «переработкой» природы и общества народной фантазией. В рамках мифологии

вырабатывались определенные знания о природе, космосе, о самих людях, их условиях бытия, формах общения и т.д. В последнее время было выяснено (особенно в философии структурализма), что мифологическое мышление — это не просто безудержная игра фантазии, но и своеобразное моделирование мира, позволяющее фиксировать и передавать опыт поколений.

Уже в рамках мифологии зарождается *художественно-образная форма познания*, которая в дальнейшем получила наиболее развитое выражение в искусстве. Хотя оно специально и не решает познавательных задач, но содержит в себе достаточно мощный гносеологический потенциал. Более того, например, в герменевтике — одном из основных направлений современной западной философии искусство считается важнейшим способом раскрытия истины. Хотя, конечно, художественная деятельность не сводима целиком к познанию, но познавательная функция искусства посредством системы художественных образов — одна из важнейших для него. Художественно осваивая действительность в различных своих видах (живопись, музыка, театр и т.д.), удовлетворяя эстетические потребности людей, искусство одновременно познает мир, а человек творит его — в том числе и по законам красоты. В структуру любого произведения искусства всегда включаются в той или другой форме определенные знания о разных людях и их характерах, о тех или иных странах и народах, их обычаях, нравах, быте, об их чувствах, мыслях и т.д.

Одними из древних форм познания, генетически связанными с мифологией, являются *философское и религиозное познания*. Особенности последнего определяются тем, что оно, будучи фантастическим отражением действительности, содержит в себе определенные знания о ней, хотя нередко и превратные. Достаточно мудрой и глубокой сокровищницей религиозных и древних знаний, накопленных людьми веками и тысячелетиями, являются, например, Библия и Коран. Если для религиозного познания характерно соединение эмоционального отношения к миру с верой в сверхъестественное, то сущность *научного познания* — рациональность, которая в качестве подчиненных моментов содержит эмоции и веру.

В *личностном познании* (термин М. Полани) присутствует страстный вклад познающей личности, но эта «добавка» — не свидетельство несовершенства, а насущно необходимый элемент знания. Личность живет в нем «как в одеянии из собственной кожи»,

но это «одеяние» не делает знание чисто субъективным, а наоборот — предполагает интеллектуальную творческую самоотдачу. Тем самым в личностном познании запечатлена не только познаваемая действительность, но и сама познающая личность — ее заинтересованность, индивидуальный подход и т.п.

Истина и заблуждение

Непосредственная цель познания в любой его форме — истина, путь к которой обычно сложен, труден и противоречив. Постоянный и необходимый «спутник» истины на всех этапах ее развертывания и углубления — заблуждение. Вопрос о том, что есть истина и каковы способы избавления от заблуждений («идолов разума»), по Бэкону, всегда интересовал людей — и не только в сфере науки. Категории истины и заблуждения — ключевые в теории познания, выражающие две противоположные, но неразрывно связанные стороны, моменты единого процесса познания. Каждая из этих сторон имеет свою специфику.

М. Хайдеггер не отвергает привычного, традиционного понимания истины как согласованности высказывания (суждений и др.) с вещью, о которой делается данное высказывание. При чем истина в ее полноте включает в себя неистину, заблуждения, как свою противоположность, т.е. несогласованность, несовпадение высказывания с вещью. Сущность истины, по Хайдеггеру, открывается как свобода человека, поскольку вне последнего не существует ни та, ни другая противоположность — каждая в своих формах и видах, — и именно человек «распоряжается» ими. Неистину Хайдеггер трактует не только как сокрытость (в отличие от открытости истины), но и как поиск: человек всегда находится на пути блужданий. Поэтому заблуждение — не отдельная ошибка, а господство истории сложных, запутанных способов блуждания. Диапазон заблуждений, по его мнению, очень широк: от обычного проступка до промахов в важных решениях.

К. Поппер на вопрос «Что есть истина?» отвечает просто и убедительно: утверждение, суждение, высказывание или мнение истинно, если и только если оно соответствует фактам. Однако при этом надо точно оговорить условия для применения предикта «истинно» к данному высказыванию и добиваться более полного соответствия. Тем самым истина объективна и есть важнейший стан-

дарт, регулятив познавательного процесса. Понятие истины как образа, которого мы в ряде случаев можем и не достигнуть, соотносится у Поппера с понятием заблуждения. Последнее — следствие того, что познание — дело рук человеческих, а потому погрешимо, подвержено ошибкам; значит, мы не застрахованы от заблуждений в различных их формах (ложь, ошибка и др.). Эффективное средство их преодоления — критический метод.

Заблуждение — это знания, не соответствующие своему предмету, не совпадающие с ним.

Заблуждение, будучи неадекватной формой знания, главным своим источником имеет ограниченность, неразвитость или «ущербность» общественно-исторической практики. Заблуждение по своей сути есть искаженное отражение действительности, возникающее как абсолютизация результатов познания отдельных ее сторон. Например, заблуждением в целом является «теоретическая астрология», хотя отдельные моменты истины в ней имеются. В научной астрономии тоже содержатся элементы заблуждения, но в целом это система истинного знания, подтвержденная наблюдениями.

Заблуждения, конечно, затрудняют постижение истины, но они неизбежны, являются необходимым моментом движения познания к ней, одной из возможных форм этого процесса. Например, в форме такого «грандиозного заблуждения», как алхимия, происходило формирование химии как науки о веществе.

Заблуждения многообразны по своим формам. Следует, например, различать *заблуждения научные и ненаучные* (религиозные, идеалистические, метафизические, утопические и т.д.). В свою очередь идеалистические заблуждения могут быть субъективно-идеалистическими (Беркли) или объективно-идеалистическими (Гегель). Среди метафизических заблуждений существуют такие, например, как софистика, эклектика, догматизм, релятивизм и др.

Заблуждения следует отличать от лжи — преднамеренного искажения истины в чьих-то корыстных интересах — и связанной с этим передачей заведомо ложного знания — дезинформации. Если заблуждение есть характеристика знания, то ошибка — результат неправильных действий индивида в любой сфере его деятельности: в вычислениях, в политике, в житейских делах и т.д. Выделяют ошибки логические — нарушение принципов и правил логики (формальной или диалектической) и фактические, обусловленные незнанием предмета, реального положения дел.

Развитие практики и самого познания показывает, что те или иные заблуждения рано или поздно преодолеваются либо «сходя со сцены» (как, например, учение о вечном двигателе), либо превращаясь в истинные знания (превращение алхимии в химию). Важнейшие предпосылки преодоления заблуждений — изменение и совершенствование породивших их социальных условий, зрелость общественно-исторической практики, развитие и углубление знания. А это требует конструктивно-критического, а не апологетического («защитительно-оправдательного») подхода к действительности.

Истина — знание, соответствующее своему предмету, совпадающее с ним. Иначе говоря, это верное, правильное отражение действительности в живом созерцании или в мышлении. Достижение истины — непосредственная цель познания в любой его форме (научной, философской, образно-художественной и др.). Каковы основные свойства, признаки истины? Первый и исходный — *объективность*: конечная обусловленность реальной действительностью, практикой и независимостью содержания истинного знания от отдельных людей (как, например, утверждение о том, что Земля вращается вокруг Солнца). Истина не есть свойство материальных объектов (например, «дом есть истина»), а характеристика знания о них.

Будучи объективна по своему внешнему материальному источнику, истина субъективна по своим внутренним идеальным содержанию и форме. Истину познают люди, выражающие ее в определенных субъективных формах (понятиях, законах, теориях и т.п.). Например, всемирное тяготение изначально присуще материальному миру, но в качестве истины, закона науки, оно было открыто Ньютоном.

Истина есть процесс, а не некий одноразовый акт постижения объекта сразу, целиком и в полном объеме. Для характеристики объективной истины как процесса применяется категория абсолютного (выражающая устойчивое, неизменное в явлениях) и категория относительного (отражающая изменчивое, переходящее). Абсолютная и относительная истина — два необходимых момента одной и той же объективной истины, любого истинного знания. Они выражают разные ступени, стороны познания человеком объективного мира и различаются лишь по степени точности и полноты его отражения. Между ними нет «китайской стены», это не отдельные знания, а одно, хотя каждая из данных его сторон, моментов имеет свою специфику.

Абсолютная истина (точнее, абсолютное в объективной истине) понимается, во-первых, как полное, исчерпывающее знание о действительности в целом — «гносеологический идеал», который никогда не будет достигнут, хотя познание все более приближается к нему; во-вторых, как тот элемент знаний, который не может быть никогда опровергнут в будущем («Птицы имеют клюв», «Люди смертны» и т.д.). Это так называемые вечные истины, знания об отдельных сторонах предметов.

Относительная истина (точнее, относительное в объективной истине) выражает изменчивость каждого истинного знания, его углубление, уточнение по мере развития практики и познания. При этом старые истины либо заменяются новыми (например, классическая механика сменилась квантовой), либо опровергаются и становятся заблуждениями (например, истина о существовании эфира, теплорода, флогистона и т.п.). Поэтому абсолютная истина складывается из суммы относительных, но не путем механического соединения «готовых истин», а в процессе творческого развития познания на основе практики.

В философии, науке и других формах познания существуют две крайние позиции в понимании соотношения абсолютного и относительного моментов в истине. Догматизм преувеличивает значение устойчивого момента, релятивизм — изменчивой стороны истины.

Великий немецкий диалектик Гегель справедливо подчеркивал, что абстрактной истины нет, *истина всегда конкретна*. Это значит, что любое истинное знание (в науке, в философии, в искусстве и т.п.) всегда определяется в своем содержании и применении данными условиями места, времени и многими другими специфическими обстоятельствами, которые необходимо учитывать во всей полноте. Например, знаменитый вопрос Н.Г. Чернышевского «Полезен или вреден дождь?», которым русский мыслитель иллюстрировал указанный признак истины. Даже такая простая истина, как $2 \times 2 = 4$, является таковой только в десятичной системе исчисления. Положение о том, что «сумма внутренних углов треугольника равна 180° », истинно лишь для евклидовой геометрии и становится заблуждением за ее пределами, например, в геометрии Лобачевского — Римана.

Таким образом, объективная, абсолютная, относительная и конкретная истина — это не разные «сорты» истин, а одно и то же истинное знание с этими своими характерными признаками (свойствами).

Кроме названных свойств истины, некоторые авторы выделяют такие, как непротиворечивость (с точки зрения формальной логики), простота, красота, эвристичность (способность знания к расширению), когерентность (согласованность данного знания с фундаментальными идеями), антиконъюнктурность и др.

Критерий истины

Вопрос о том, можно ли отграничить истину от заблуждения, и если можно, то каким именно образом, всегда интересовал познающую мысль. Это и есть вопрос о критерии истины. В истории философии и науки высказывались различные точки зрения на сей счет. Например, Декарт критерием истинных знаний считал их ясность и отчетливость. Фейербах такой критерий искал в чувственных данных («там, где начинается чувственность, кончается всякий спор»). Но оказалось, что ясность и отчетливость мышления — вопрос крайне субъективный, а чувства нередко нас обманывают: видимое движение Солнца вокруг Земли, «излом» чайной ложки в стакане с водой на ее границе с воздухом и т.п.

В качестве критерия истины выдвигались: общезначимость — то, что признается многими людьми; то, что является выгодным, полезным, приводит к успеху — прагматизм (от греч. *pragma* — дело, действие); то, что соответствует условному соглашению — конвенционализм (от лат. *conuentio* — договор, соглашение); то, во что люди сильно верят; то, что соответствует мнению авторитетов. Поппер считает, что, во-первых, не следует смешивать истину с критерием истины, во-вторых, универсальный критерий истинности, который уберет бы нас от заблуждений, не существует. Однако из этого не следует, что выбор между различными концепциями, теориями произволен и чисто субъективен.

В каждой из приведенных точек зрения о критерии истины содержались отдельные рациональные идеи: важная роль чувственности в постижении истины, требования ясности и красоты при построении теории и др. Однако при этом удовлетворительно не решалась проблема критерия истины, ибо в его поисках не выходили, как правило, за пределы знания.

Такой вывод впервые был сделан диалектико-материалистической философией, которая соединила всеобщность критерия истины с непосредственной действительностью путем введения

в теорию познания *общественно-исторической практики*. Последняя во всем своем объеме и полноте, а также в целостном историческом развитии (в единстве прошлого, настоящего и будущего) была представлена в конечном итоге решающим критерием истины. История познания подтвердила этот вывод.

Проверка знания «на истину» практикой не есть какой-то одnorазовый акт, нечто неизменное или «зеркальное сличение», а она есть процесс, т.е. носит исторический, диалектический характер. А это значит, что *критерий практики является одновременно определенным и неопределенным, абсолютным и относительным*. Абсолютен в том смысле, что только развивающаяся практика во всей полноте ее содержания может окончательно доказать какое-либо теоретическое положение. В то же время данный критерий относителен, так как сама практика развивается, совершенствуется, наполняется новым содержанием и потому она не может в каждый данный момент, тотчас и полностью доказать те или иные теоретические выводы.

Диалектичность практики как критерия истины является объективной основой возникновения и существования иных критериев для проверки истинности знания в различных его нормах. В качестве таковых выступают так называемые *внеэмпирические, внутринаучные критерии обоснования знания* (простота, красота, внутреннее совершенство и т.п.). Важное значение среди них имеют теоретические формы доказательства, *логический критерий истины*, опосредованно выведенный из практики, производный от нее и потому могущий быть вспомогательным критерием истины. Он дополняет критерий практики как решающий, а не заменяет или отменяет его полностью. *В конечном итоге практика, и только она, может окончательно доказать истинность тех или иных знаний*.

Говоря о логическом критерии истины, нельзя ограничивать его законами и принципами формальной логики, а надо идти дальше — к принципам и требованиям логики диалектической, диалектики как логики и теории познания. А это значит, что диалектический метод в совокупности всех своих элементов представляет собой высшую форму логического критерия истины, которая в «снятом виде» содержит в себе критерий формально-логический, а не отвергает его.

В добывании истины, как и в ее проверке, необходимо *единство теории и практики*, которое есть важнейший, коренной принцип философской методологии. Это такое их диалектическое взаимодействие, в котором все же «практика выше теоретического познания», исходный и конечный пункт, основа этого процесса.

В современной логико-методологической литературе (особенно западной) процедура проверки научных положений выражается понятиями «верификация» и «фальсификация».

Понятие «верификация» (от лат. *verus* — истинный и *fasio* — делаю) обозначает процесс установления истинности научных утверждений путем их эмпирической проверки. Последняя заключается в соотнесении данного утверждения с реальным положением дел с помощью наблюдения, измерения или эксперимента. Различают верификацию прямую (сразу выходящую к фактам или экспериментальным данным) и опосредованную (выходящую к ним через другие проверенные положения).

Понятие «фальсификация» (от лат. *falsus* — ложный и *fasio* — делаю) обозначает процедуру, устанавливающую ложность гипотезы, теории или другого научного утверждения в результате их эмпирической проверки. Этот процесс описывается логической схемой «модус толленс»: А, то В; неверно В, следовательно, неверно и А.

Рекомендуемая литература

1. *Алексеев П.П., Панин А.В.* Теория познания и диалектика. — М., 1991. Разд. 1.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. — СПб., 2010.
3. *Батищев Г. С.* Введение в диалектику творчества. — СПб., 1997.
4. Введение в философию: В 23 ч. Ч. 2. — М., 1989. — Гл. 12.
5. Диалектика познания. — Л., 1988.
6. Диалектическая логика: В 5 кн. Кн. 3. — Алма-Ата, 1987.
7. *Ильин В.В.* Теория познания. — М., 1994.
8. Материалистическая диалектика: краткий очерк теории. — М., 1985. — Гл. 3, 4, 7.
9. *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. — М., 2002.
10. *Микешина Л.А., Опенков М.Ю.* Новые образы познания и реальности. — М., 1997.
11. Философия : учеб. пособие для вузов / под ред. В.П. Кохановского. Ростов н/Д, 2011. — Гл. IX.

Наука и научное познание

Понятие науки

Основной формой познавательной деятельности, главным ее «носителем» является наука. До Нового времени не было условий формирования науки как системы знания, своеобразного духовного феномена и социального института. До этого существовали лишь элементы, предпосылки науки, но не сама наука как указанное триединство. Как целостная органическая система трех названных своих сторон она возникла в Новое время, в XVI–XVII вв. в эпоху становления капиталистического способа производства. С этого времени наука начинает развиваться относительно самостоятельно. Однако она постоянно связана с практикой, получает от нее импульсы для своего развития и в свою очередь воздействует на ход практической деятельности, опредмечивается, материализуется в ней. Превращаясь в непосредственную производительную силу, наука приобретает важное социальное значение, способствует развитию самого человека.

Наука — это форма духовной деятельности людей, направленная на производство знаний о природе, обществе и о самом познании, имеющая непосредственной целью постижение истины и открытие объективных законов.

Наука — это творческая деятельность по получению нового знания и результат этой деятельности: совокупность знаний, приведенных в целостную систему на основе определенных принципов. Собрание, сумма разрозненных, хаотических сведений не есть научное знание. Как и другие формы познания, наука есть социально-историческая деятельность, а не только «чистое знание». Она выполняет определенные функции как своеобразная форма общественного сознания.

В Новое время все более ускоренными темпами развивается процесс размежевания между традиционной философией и частными науками. Процесс дифференциации нерасчлененного ранее знания идет по трем основным направлениям:

- отделение науки от философии;
- выделение в рамках науки как целого отдельных частных наук — механики, астрономии, физики, химии, биологии и др.;
- вычленение в целостном философском знании таких философских дисциплин, как онтология, философия природы, философия истории, гносеология, логика и др.

Поворотным пунктом в указанном процессе послужили XVIII в. и первая половина XIX в., когда, с одной стороны, из философии выделились все основные отрасли современного научного знания, и, с другой стороны, обособление отдельных областей внутри самой философии было доведено до отрыва их друг от друга, что так присуще воззрениям Канта.

Характерное для Нового времени интенсивное развитие производительных сил, вызвавшее бурный расцвет науки, особенно естествознания (прежде всего механики), потребовало коренных изменений в методологии, создания принципиально новых методов научного исследования — как философских, так и частнонаучных (см. об этом далее).

Отражая мир в его материальности, наука образует единую, взаимосвязанную, развивающуюся систему знания о его законах. Вместе с тем она разделяется на *множество отраслей знания (частных наук)*, которые различаются между собой тем, какую сторону действительности, форму движения материи они изучают. По предмету и методу познания можно выделить науки о природе — естествознание; обществе — обществознание — гуманитарные, социальные науки; познании и мышлении — логика, гносеология, диалектика. Отдельную группу составляют технические науки. Очень своеобразной наукой является современная математика.

Каждая такая группа наук может быть подвергнута более дробному членению. В состав естественных наук входят механика, физика, химия, биология и другие, каждая из которых подразделяется на ряд научных дисциплин — физическая химия, биофизика и т.п. Наукой о наиболее общих законах действительности является философия, которую нельзя, однако, полностью относить только к науке (см. гл. 1). Философский компонент является сущес-

твенным для любой науки, он пронизывает в той или иной мере научное познание на всех его этапах.

Могут быть и другие критерии для классификации наук. Так, по «удаленности» от практики науки можно разделить на два крупных типа: фундаментальные, где нет прямой ориентации на практику, и прикладные, где присутствует непосредственная ориентация на применение результатов научного познания для решения производственных и социально-практических проблем. Вместе с тем границы между отдельными науками и научными дисциплинами условны и подвижны.

Будучи детерминированной в конечном счете общественной практикой и ее потребностями, наука вместе с тем развивается по своим собственным закономерностям. Среди них — преемственность (сохранение положительного содержания старых знаний в новых), чередование относительно спокойных периодов развития и периодов «крутой ломки» фундаментальных законов и принципов (научные революции), сложное сочетание процессов дифференциации (выделение все новых научных дисциплин) и интеграции (синтез знания, объединения «усилий» ряда наук и их методов), углубление и расширение процессов математизации и компьютеризации, теоретизация и диалектизация современной науки, взаимодействие наук и их методов, ускоренное развитие науки, свободы критики, недопустимость монополизации и догматизма науки, ее все более активная роль во всех сферах жизнедеятельности людей, усиление ее социального значения и т.д.

Возрастание роли науки и научного познания в современном мире, сложности и противоречия этого процесса породили две противоположные позиции в его оценке — сциентизм и антисциентизм.

Сторонники *сциентизма* (от лат. *scientia* — наука) утверждают, что «наука превыше всего» и ее нужно всемерно внедрять в качестве эталона во все формы и виды человеческой деятельности. Отождествляя науку с естественно-математическим и техническим знанием, сциентизм считает, что только с помощью так понимаемой науки (и ее одной) можно решить все социальные проблемы. При этом принижаются или вовсе отрицаются социальные (гуманитарные) науки, как якобы не имеющие познавательного значения.

«В пику» сциентизму возник *антисциентизм*, представители которого утверждают обратное: наука не способна обеспечить социальный прогресс, ее возможности здесь крайне ограничены.

Более того, наука — враг человека, ибо последствия ее применения катастрофически (особенно в военной области), она разрушает культуру.

Несомненно, что обе позиции в отношении науки содержат ряд рациональных моментов, синтез которых позволит более точно определить ее место и роль в современном мире. При этом одинаково ошибочно как непомерно абсолютизировать науку, так и недооценивать, а тем более полностью отвергать ее. Вместе с тем нужно четко представлять себе специфику науки и научного познания, их возможности и границы.

Наука как форма познания, тип духовного производства и социальной институт сама себя изучает с помощью комплекса дисциплин, куда входят история и логика науки, психология научного творчества, социология знания и науки, науковедение и др. В настоящее время бурно развивается философия науки, исследующая общие характеристики научно-познавательной деятельности, структуру и динамику знания, его социокультурную детерминацию, логико-методологические аспекты и т.д.

Основные особенности научного познания (критерии научности)

1. Основная задача научного познания — обнаружение объективных законов действительности: природных, социальных (общественных), законов самого познания, мышления и др. Отсюда ориентация исследования главным образом на общие существенные свойства предмета, его необходимые характеристики и их выражение в системе абстракций в форме идеализированных объектов. Если этого нет, то нет и науки, ибо само понятие научности предполагает открытие законов, углубление в сущность изучаемых явлений.
2. Непосредственная цель и высшая ценность научного познания — объективная истина, постигаемая преимущественно рациональными средствами и методами, но, разумеется, не без участия живого созерцания и внерациональных средств. Отсюда *характерная черта научного познания — объективность*, устранение не присущих предмету исследования субъективистских моментов во многих случаях для реализации «чистоты» рассмотрения своего предмета. Надо иметь в виду, что активность субъекта — важнейшее условие и предпосылка научного познания. Последнее неосуществимо без конструктивно-критического и самокритичного отно-

- шения к действительности, исключаяющего косность, догматизм, апологетику, субъективизм.
3. Наука в большей мере, чем другие формы сознания, ориентирована на то, чтобы быть воплощенной в практике, быть «руководством к действию» по изменению окружающей действительности и управлении реальными процессами. Жизненный смысл научного изыскания может быть выражен формулой: «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы практически действовать», и не только в настоящем, но и в будущем.
 4. Научное познание есть сложный и противоречивый процесс воспроизводства знаний, образующих целостную развивающуюся систему понятий, теорий, гипотез, законов и других идеальных форм, закрепленных в языке — естественном или, что более характерно, — искусственном (математическая символика, химические формулы). Научное знание вбирает в себя опыт обыденного (житейского) познания, но, обобщая систему фактов в системе понятий, углубляется и развивается до таких наиболее зрелых своих форм, как *теория и закон*. Оно не просто выделяет последние (как и другие абстракции), но непрерывно воспроизводит их на своей собственной основе, формирует их в соответствии со своими нормами и принципами. Процесс непрерывного самообновления наукой своего концептуального арсенала обозначается в методологии термином «прогрессизм» (нетривиальность) и считается важным показателем научности.
 5. В процессе научного познания применяются такие специфические материальные средства, как приборы, инструменты, другое так называемое «научное оборудование», зачастую очень сложное и дорогостоящее (синхрофазотроны и т.д.). Кроме того, для науки в большей мере, чем для других форм познания, характерно использование для исследования своих объектов и самой себя таких идеальных (духовных) средств и методов, как современная формальная логика, диалектика, системный, кибернетический и другие общенаучные приемы и методы. Указанные средства — и материальные, и духовные — сами являются предметом исследования в науке.
 6. Для научного познания характерны строгая доказательственность, обоснованность полученных результатов, достоверность выводов. Вместе с тем здесь немало гипотез, догадок, предположений, вероятностных суждений и т.п. Вот почему важнейшее значение имеет логико-методологическая подготовка

исследователей, их философская культура, постоянное совершенствование своего мышления, умение правильно применять его законы и принципы.

7. Для науки характерна постоянная методологическая рефлексия. Это означает, что в ней изучение объектов, выявление их специфики, свойств и связей всегда в той или иной мере сопровождается осознанием самих исследовательских процедур, т.е. изучением используемых при этом методов, средств и приемов, при помощи которых познаются данные объекты.

В современной методологии выделяют различные уровни критериев научности, относя к ним, кроме названных, такие как внутренняя системность знания, его формальная непротиворечивость, опытная проверяемость, воспроизводимость, открытость для критики, свобода от предвзятости, строгость и т.д. В других формах познания рассмотренные критерии могут иметь место (в разной мере), но там они не являются определяющими.

Специфика познания социальных явлений

Долгое время анализ науки и научного познания проводился по «модели» естественно-математического знания. Характеристики последнего считались свойственными науке в целом как таковой, что особенно наглядно выражено в сциентизме. В последние годы резко возрос интерес к социальному (гуманитарному) познанию, которое рассматривается как один из своеобразных видов научного познания. Когда о нем идет речь, то следует иметь в виду два его аспекта:

- любое познание в каждой из своих форм всегда социально, поскольку есть общественный продукт, и детерминировано культурно-историческими причинами;
- один из видов научного познания, который имеет своим предметом социальные (общественные) явления и процессы, — общество в целом или его отдельные стороны (экономика, политика, духовная сфера, различные индивидуальные образования и т.п.).

При этом исследовании недопустимо как сведение социального к природному, в частности, попытки объяснить общественные процессы только законами механики («механицизм») или биологии («биологизм»), так и противопоставление природного и социального, вплоть до их полного разрыва.

Специфика социального (гуманитарного) познания проявляется в следующих основных моментах:

1. Предмет социального познания — *мир человека*, а не просто вещь как таковая. А это значит, что данный предмет имеет субъективное измерение, в него включен человек как «автор и исполнитель своей собственной драмы», которую он же и познает. Гуманитарное познание имеет дело с обществом, социальными отношениями, где тесно переплетаются материальное и идеальное, объективное и субъективное, сознательное и стихийное и т. п., где люди выражают свои интересы, ставят и реализуют определенные цели и т.д. Обычно это прежде всего субъект-субъективное познание.
2. Социальное познание ориентировано прежде всего на процессы, т.е. на развитие общественных явлений. Главный интерес здесь — динамика, а не статика, ибо общество практически лишено стационарных неизменных состояний. Поэтому главный принцип его исследования на всех уровнях — историзм, который был гораздо раньше сформулирован в гуманитарных науках, чем в естествознании, хотя и здесь — особенно в XXI в. — он играет исключительно важную роль.
3. В социальном познании исключительное внимание уделяется единичному, индивидуальному (даже уникальному), но на основе конкретно-общего, закономерного.
4. Социальное познание — всегда ценностно-смысловое освоение и воспроизведение человеческого бытия, которое всегда есть осмысленное бытие. Понятие «смысл» — очень сложное и многоаспектное. Как говорил Хайдеггер, смысл — это «к чему и ради чего». А М. Вебер считал, что важнейшая задача гуманитарных наук — установить, «есть ли в этом мире смысл и есть ли смысл существовать в этом мире». Но в решении данного вопроса должны помочь религия и философия, а не естествознание, ибо оно таких вопросов не ставит.
5. Социальное познание неразрывно и постоянно связано с предметными ценностями (оценка явлений с точки зрения добра и зла, справедливого и несправедливого и т.п.) и «субъективными» (установка, взгляды, нормы, цели и т.д.). Они указывают на человечески значимую и культурную роль определенных явлений действительности. Таковы, в частности, политические, мировоззренческие, нравственные убеждения человека, его привязанности, принципы и мотивы поведения и т.д. Все

указанные и им подобные моменты входят в процесс социального исследования и неизбежно сказываются на содержании получаемых в этом процессе знаний.

6. Важное значение в социальном познании имеет процедура понимания как приобщения к смыслу человеческой деятельности и как смыслообразование. Понимание как раз связано с погружением в мир смыслов другого человека, постижением и истолкованием его дум и переживаний. Понимание как реальное движение смысла происходит в условиях общения, оно не отделено от самопонимания и происходит в стихии языка.

Понимание — одно из ключевых понятий герменевтики — одного из современных направлений западной философии. Как писал один из ее основоположников, немецкий философ Х. Гадамер, «фундаментальная истина, душа» герменевтики такова: истину не может познавать и сообщать кто-то один. Необходимо всемерно поддерживать диалог, давать сказать свое слово и инакомыслящему.

7. Социальное познание имеет текстовую природу, т.е. между объектом и субъектом социального познания стоят письменные источники (хроники, документы и т.п.) и археологические источники. Иными словами, происходит отражение отражения: социальная реальность предстает в текстах, в знаково-символическом выражении.
8. Весьма сложным и очень опосредованным является характер взаимосвязи объекта и субъекта социального познания. Здесь связь с социальной реальностью обычно происходит через источники — исторические (тексты, хроники, документы и т.д.) и археологические (материальные остатки прошлого). Если естественные науки нацелены на вещи, их свойства и отношения, то гуманитарные — на тексты, которые выражены в определенной знаковой форме и которым присущи значение, смысл, ценность. Текстовая природа социального познания — характерная его черта.
9. Особенностью социального познания является его преимущественная ориентация на «качественную окраску событий». Явление исследуется главным образом со стороны качества, а не количества. Поэтому удельный вес количественных методов в социальном познании намного меньше, чем в науках естественно-математического цикла. Однако и здесь все шире

развертываются процессы математизации, компьютеризации, формализации знания и т.п.

10. В социальном познании нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами, ни тем более сложнейшим научным оборудованием — все это должна заменить «сила абстракции». Поэтому здесь исключительно велика роль мышления, его форм, принципов и методов. Если в естествознании формой постижения объекта является монолог (ибо «природа молчит»), то в гуманитарном познании — это диалог (личностей, текстов, культур и т.п.). Диалогическая природа социального познания наиболее полно выражается в процедурах *понимания*. Оно как раз и связано с погружением в «мир смыслов» другого субъекта, постижением и истолкованием (интерпретацией) его чувств, мыслей и стремлений.
11. В социальном познании исключительно важную роль играет «хорошая» философия и верный метод. Только их глубокое знание и умелое применение позволяет адекватно постигнуть сложный, противоречивый, сугубо диалектический характер социальных явлений и процессов, природу мышления, его формы и принципы, их пронизанность ценностно-мировоззренческими компонентами и их влияние на результаты познания, смысло-жизненные ориентации людей, особенности диалога (немыслимого без постановки и разрешения противоречий-проблем) и т.д.

Структура и уровни научного познания

Научное познание (и знание как его результат) есть целостная развивающаяся система, имеющая довольно сложную структуру. Последняя выражает собой единство устойчивых взаимосвязей между элементами данной системы. Структура научного познания может быть представлена в различных ее срезах и соответственно — в совокупности специфических своих элементов. В качестве таковых могут выступать: объект (предметная область познания); субъект познания; средства, методы познания — его орудия (материальные и духовные) и условия осуществления.

При ином срезе научного познания в нем следует различать такие элементы его структуры: фактический материал; результаты первоначального его обобщения в понятиях; основанные

на фактах научные предположения (гипотезы); «вырастающие» из последних законы, принципы и теории; философские установки, методы, идеалы и нормы научного познания; социокультурные основания и некоторые другие элементы.

Научное познание есть процесс, т.е. развивающаяся система знания, основным элементом которой является *теория* — *высшая форма организации знания*. Взятое в целом, научное познание включает в себя два основных уровня — эмпирический и теоретический. Хотя они и связаны, но различаются друг от друга, каждый из них имеет свою специфику. В чем она заключается?

На *эмпирическом уровне* преобладает живое созерцание (чувственное познание); рациональный момент и его формы (суждения, понятия и др.) здесь присутствуют, но имеют подчиненное значение. Поэтому исследуемый объект отражается преимущественно со стороны своих внешних связей и проявлений, доступных живому созерцанию и выражающих внутренние отношения.

Любое научное исследование начинается со сбора, систематизации и обобщения фактов. Понятие «факт» (от лат. *facturum* — сделанное, свершившееся) имеет следующие основные значения:

1. Некоторый фрагмент действительности, объективные события, результаты, относящиеся либо к объективной реальности («факты действительности»), либо к сфере сознания и познания («факты сознания»).
2. Знание о каком-либо событии, явлении, достоверность которого доказана, т.е. как синоним истины.
3. Предложение, фиксирующее эмпирическое знание, т.е. полученное в ходе наблюдений и экспериментов.

Второе и третье из названных значений резюмируются в понятии «научный факт». Последний становится таковым тогда, когда является элементом логической структуры конкретной системы научного знания, включен в эту систему.

Сбор фактов, их первичное обобщение, описание («протоколирование») наблюдаемых и экспериментальных данных, их систематизация, классификация и иная «фактофиксирующая» деятельность — характерные признаки эмпирического познания.

Эмпирическое исследование направлено непосредственно (без промежуточных звеньев) на свой объект. Оно осваивает его с помощью таких приемов и средств, как сравнение, наблюдение, измерение, эксперимент, когда объект воспроизводится в искусственно созданных и контролируемых условиях (в том числе

и мысленно); анализ — разделение объектов на составные части; индукция — движение познания от частного к общему и др.

Теоретический уровень научного познания характеризуется преобладанием рационального момента и его форм (понятий, теорий, законов и других сторон мышления). Живое созерцание, чувственное познание здесь не устраняется, а становится подчиненным (но очень важным) аспектом познавательного процесса.

Теоретическое познание отражает явления и процессы со стороны их внутренних связей и закономерностей, постигаемых с помощью рациональной обработки данных эмпирического знания. Эта обработка осуществляется с помощью систем абстракций «высшего порядка» — таких как понятия, умозаключения, законы, категории, принципы и др.

На основе эмпирических данных здесь происходит обобщение исследуемых объектов, постижение их сущности, «внутреннего движения», законов их существования, составляющих основное содержание теорий — квинтэссенцию знания на данном уровне. Важнейшая задача теоретического знания — достижение объективной истины во всей ее конкретности и полноте содержания. При этом особенно широко используются такие познавательные приемы и средства, как абстрагирование — отвлечение от ряда свойств и отношений предметов, идеализация — процесс создания чисто мысленных предметов («точка», «идеальный газ» и т.п.), синтез — объединение полученных в результате анализа элементов в систему, дедукция — движение познания от общего к частному, восхождение от абстрактного к конкретному и др.

Характерной чертой теоретического познания является его направленность на себя, внутринаучная рефлексия, т.е. исследование самого процесса познания, его форм, приемов, методов, понятийного аппарата и т.д. На основе теоретического объяснения и познанных законов осуществляется предсказание, научное предвидение будущего.

Эмпирический и теоретический уровни познания взаимосвязаны, граница между ними условна и подвижна. Эмпирическое исследование, выявляя с помощью наблюдений и экспериментов новые данные, стимулирует теоретическое познание (которое их обобщает и объясняет), ставит перед ним новые, более сложные задачи. С другой стороны, теоретическое познание, развивая и конкретизируя на базе эмпирии свое собственное содержание, открывает новые, более широкие горизонты для эмпирического

познания, ориентирует и направляет его в поисках новых фактов, способствует совершенствованию его методов и средств и т.п.

Наука как целостная динамичная система знания не может успешно развиваться, не обогащаясь новыми эмпирическими данными, не обобщая их в системе теоретических средств, форм и методов познания. В определенных точках развития науки эмпирическое переходит в теоретическое и наоборот. Однако недопустимо абсолютизировать один из этих уровней в ущерб другому.

Эмпиризм сводит научное знание как целое к эмпирическому его уровню, принижая или вовсе отвергая теоретическое познание. «Схоластическое *теоретизирование*» игнорирует значение эмпирических данных, отвергает необходимость всестороннего анализа фактов как источника и основы теоретических построений, отрывается от реальной жизни. Его продуктом являются иллюзорно-утопические, догматические построения — такие, например, как концепция о «введении коммунизма в 1980 г.» или «теория» развитого социализма.

Проблема — гипотеза — теория

Рассматривая теоретическое познание как высшую и наиболее развитую его форму, следует прежде всего определить его структурные компоненты. К числу основных из них относятся проблема, гипотеза и теория, выступающие вместе с тем как узловые моменты построения и развития знания на теоретическом его уровне.

Проблема — форма знания, содержанием которой является то, что еще не познано человеком, но что нужно познать. Иначе говоря, это знание о незнании, вопрос, возникший в ходе познания и требующий ответа. Проблема не есть застывшая форма знания, а процесс, включающий два основных момента (этапа движения познания) — ее постановку и решение. Правильное выведение проблемного знания из предшествующих фактов и обобщения, умение верно поставить проблему — необходимая предпосылка ее успешного решения.

Как считает К. Поппер, наука начинает не с наблюдений, а именно с проблем, и ее развитие есть переход от одних проблем к другим — от менее глубоких к более глубоким.

Проблема возникает, по его мнению, либо как следствие противоречия в отдельной теории, либо при столкновении двух раз-

личных теорий, либо в результате столкновения теории с наблюдениями.

Тем самым научная проблема выражается в наличии противоречий ситуации (выступающей в виде противоположных позиций), которая требует соответствующего разрешения. Определяющее влияние на способ постановки и решения проблемы имеет, во-первых, характер мышления той эпохи, в которую формируется проблема, и, во-вторых, уровень знания о тех объектах, которых касается возникшая проблема. Каждой исторической эпохе свойственны свои характерные формы проблемных ситуаций.

Научные проблемы следует отличать от ненаучных (псевдопроблем) — например, «проблема» создания вечного двигателя. Решение какой-либо конкретной проблемы есть существенный момент развития знания, в ходе которого возникают новые проблемы, а также выдвигаются те или иные концептуальные идеи, в том числе и гипотезы. Наряду с теоретическими существуют и практические проблемы.

Гипотеза — форма знания, содержащая предложение, сформулированное на основе ряда фактов, истинное значение которого неопределенно и нуждается в доказательстве. Говоря об отношении гипотез к опыту, можно выделить три их типа:

- гипотезы, возникающие непосредственно для объяснения опыта;
- гипотезы, в формировании которых опыт играет определенную, но не исключительную роль;
- гипотезы, которые возникают на основе обобщения только предшествующих концептуальных настроений.

В современной методологии термин «гипотеза» употребляется в двух основных значениях: форма знания, характеризующаяся проблематичностью и недостоверностью; метод развития научного знания.

Гипотетическое знание носит вероятный, а не достоверный характер и требует проверки, обоснования. В ходе доказательства выдвинутых гипотез одно из них становится истинной теорией, другие видоизменяются, уточняются и конкретизируются, третьи отбрасываются, превращаются в заблуждение, если проверка дает отрицательный результат. Выдвижение новой гипотезы, как правило, опирается на результаты проверки старой даже в том случае, если эти результаты были отрицательными.

Так, например, выдвинутая Планком квантовая гипотеза после проверки стала научной теорией, а гипотезы о существовании теплорода, флогистона, эфира и т.п., не найдя подтверждения, были опровергнуты, перешли в заблуждения. Стадию гипотезы прошли и открытый Д.И. Менделеевым периодический закон, и теория Дарвина, и др. Велика роль гипотезы в современной астрофизике, геологии и других науках.

Решающей проверкой истинности гипотезы является, в конечном счете, практика во всех своих формах, но определенную (вспомогательную) роль в доказательстве или опровержении гипотетического знания играет и логический (теоретический) критерий истины. Проверенная и доказанная гипотеза переходит в разряд достоверных истин, становится научной теорией.

Теория — наиболее развитая форма научного знания, дающая целостное отображение закономерных и существенных связей определенной области действительности. Примерами этой формы знания являются классическая механика И. Ньютона, эволюционная теория Ч. Дарвина, теория относительности А. Эйнштейна, теория самоорганизующихся целостных систем (синергетика) и др.

Любая теория — это целостная развивающаяся система истинного знания (включающая и элементы заблуждения), которая имеет сложную структуру и выполняет ряд функций. В современной методологии науки выделяют следующие *основные элементы теории*:

1. Исходные основания — фундаментальные понятия, принципы, законы, уравнения, аксиомы и т.п.
2. Идеализированный объект — абстрактная модель существенных свойств и связей изучаемых предметов (например, «абсолютно черное тело», «идеальный газ», «абсолютно твердое тело» и т.п.).
3. Логика теории — формальная, нацеленная на прояснение структуры готового знания, на описание его формальных связей и элементов, и диалектика — направленная на исследование взаимосвязи и развития категорий, законов, принципов и других форм знания.
4. Совокупность законов и утверждений, выведенных из основоположений данной теории в соответствии с определенными принципами.
5. Философские установки, ценностные социокультурные основания.

Ключевой элемент теории — закон, поэтому ее можно рассматривать как систему законов, выражающих сущность изучаемого объекта во всей его целостности и конкретности.

В самом общем виде закон можно определить как связь (отношение) между явлениями, процессами, которая является:

- объективной, так как присуща прежде всего реальному миру, чувственно-предметной деятельности людей, выражает реальные отношения вещей;
- существенной, конкретно-всеобщей. Будучи отражением существенного в движении универсума, любой закон присущ всем без исключения процессам данного класса, определенного типа (вида) и действует всегда и везде, где разворачиваются соответствующие процессы и условия;
- необходимой, ибо будучи тесно связан с сущностью, закон действует и осуществляется с «железной необходимостью» в соответствующих условиях;
- внутренней, так как отражает самые глубинные связи и зависимости данной предметной области в единстве всех ее моментов и отношений в рамках некоторой целостной системы;
- повторяющейся, устойчивой: «закон есть прочное (остающееся) в явлении», «идентичное в явлении».

Один из основных внутренних источников развития теории — противоречие между ее формальным и содержательным аспектами. Через последний в теорию «входят» определенные философские установки исследователя, его методологические принципы и мировоззренческие смысло-жизненные ориентиры. Эти факторы, как и социально-исторические, политические обстоятельства, сильно влияют (позитивно или негативно) на процесс формирования теоретического знания (особенно гуманитарного) и на развитие науки в целом.

К числу *основных функций теории* можно отнести следующие:

1. Синтетическая функция. Любая теория объединяет, синтезирует отдельные достоверные знания в единую, целостную систему. Тем самым теория — это идея-синтез, ядром которой является научный закон — внутренняя существенная связь явления, обуславливающая их необходимое развитие.
2. Объяснительная функция. На основе познанных объективных законов теория объясняет явления своей предметной области. А именно: выявляет причинные и иные зависимости, многообразие связей данного явления, его существенные характеристики.

ки и свойства, происхождение и развитие, систему его противоречий и т.п.

3. **Методологическая функция.** Теория является средством достижения нового знания во всех его формах. На ее базе формулируются многообразные методы, способы и приемы исследовательской деятельности. Например, теория диалектики разворачивается в совокупность принципов диалектического метода, общая теория систем служит основой системно-структурного и структурно-функционального методов и т.п.
4. **Предсказательная — функция предвидения.** На основании творческих представлений о наличном состоянии известных явлений делаются выводы о существовании неизвестных ранее фактов, объектов или их свойств, связей между явлениями и т.д. Например, предсказание Д.И. Менделеевым на основании периодического закона не открытых еще тогда химических элементов и их свойств. Предсказание о будущем состоянии явлений (в отличие от тех, которые существуют, но пока не выявлены) называют научным предвидением. Прогнозирование — узкоспециализированная форма предвидения, нацеленная на выявление конкретных перспектив развития определенного явления или процесса с указанием количественных характеристик (сроки, темпы и т.п.). Например, прогноз погоды, виды на урожай, прогнозирование рождаемости и т.д.
5. **Практическая функция.** Конечное предназначение любой теории — быть воплощенной в практику, быть «руководством к действию» по изменению реальной действительности. Поэтому вполне справедливо утверждение о том, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория.

Таким образом, теория (независимо от своего типа) имеет следующие *основные особенности*:

1. Теория — это не отдельные взятые научные положения, а их совокупность, целостная органическая развивающаяся система. Объединение знания в теорию производится прежде всего самим предметом исследования, его закономерностями.
2. Не всякая совокупность положений об изучаемом предмете является теорией. Чтобы превратиться в теорию, знание должно достигнуть в своем развитии определенной степени зрелости. А именно: когда оно не просто описывает определенную совокупность фактов, но и объясняет их, т.е. когда знание вскрывает причины, противоречия и закономерности явлений.

3. Для теории обязательным является обоснование, доказательство входящих в нее положений: если нет обоснований, нет и теории.
4. Теоретическое знание должно стремиться к объяснению как можно более широкого круга явлений, к непрерывному углублению знаний о них.
5. Характер теории зависит от степени обоснованности ее определяющего начала, отражающего фундаментальную закономерность данного предмета.
6. Как считает К. Поппер, важную роль при выборе теории играет степень их проверяемости: чем она выше, тем больше шансов выбрать хорошую и надежную теорию. Так называемый «критерий относительной приемлемости», согласно Попперу, отдает предпочтение той теории, которая: сообщает наибольшее количество информации, т.е. имеет более глубокое содержание; является логически более строгой; обладает большей объяснительной и предсказательной силой; может быть более строго проверена посредством сравнения предсказанных фактов с наблюдениями.

Взаимодействие научной теории и практики

Теоретическое знание только тогда является таковым, когда оно именно в качестве системы знания достоверно и адекватно отражает определенную сторону практики, какую-либо предметную область. Причем такое отражение является не пассивным, а активным, творческим, выражающим объективные закономерности. Самое существенное требование к любой научной теории — ее соответствие реальным фактам в их взаимосвязи, без всякого исключения.

Теория должна не просто отражать объективную реальность так, как она есть теперь, но и обнаруживать ее тенденции, главные направления ее развития от прошлого к настоящему, а затем и будущему. Поэтому теория не может быть чем-то неизменным, раз и навсегда, а должна постоянно развиваться, углубляться, совершенствоваться и т.п., *выражать в своем содержании развитие практики.*

Наиболее практичной является теория в ее самом зрелом состоянии. Поэтому необходимо всегда держать ее на самом высоком научном уровне, глубоко и всесторонне разрабатывать ее, обобщая

новейшие процессы и явления жизни, практики. Только полная и высоконаучная основательная теория (а не эмпирические, обыденные знания) может быть руководством для соответствующей формы практической деятельности. Не на любой, а на достаточно зрелой ступени своего развития наука становится теоретической основой практической деятельности, которая, в свою очередь, должна достичь определенного достаточно высокого уровня, чтобы стало возможным систематическое (и экономически оправданное) практическое применение науки.

Существенный признак развитой теории — целенаправленный систематический анализ составляющих ее методов, законов, других форм мышления с точки зрения их формы (структуры), содержания, их углубленное развитие и т.п. «*Понятийное творчество*» — атрибутивная характеристика зрелого теоретического исследования, как и все углубляющаяся рефлексия над его методологическими проблемами, умелое оперирование понятиями, методами, приемами познания, его нормами и регулятивами.

Теория (даже самая глубокая и содержательная) сама по себе ничего изменить не может. Она *становится материальной силой лишь тогда, когда овладевает массами*. Для осуществления идеи требуются люди, которые должны употребить практическую силу и энергия которых воплощает теорию в реальную действительность, опредмечивает те или иные научные идеи, реализует их в определенных материальных формах.

Практика людей, овладевших теорией как программой деятельности, и есть *опредмечивание теоретического знания*. В процессе опредмечивания теории в практике люди не только создают то, чего природа сама по себе не создавала, но одновременно обогащают свои теоретические знания, проверяют и удостоверяют их истинность, развиваются и совершенствуются сами.

Практическая реализация знания требует не только тех, кто будет осуществлять воплощение теории в практику, но и необходимых средств воплощения — как объективных, так и субъективных. Это, в частности, формы организации общественных сил, те или иные социальные институты, необходимые технические средства и т.д. Сюда же относятся формы и методы познания и практического действия, способы и средства решения назревших теоретических и практических проблем и т.п.

Материализация теории в практике должна быть не единовременным актом (с угасанием ее в итоге), а процессом, в ходе которого

го вместо уже реализованных теоретических положений появляются новые, более содержательные и развитые, которые ставят перед практикой более сложные задачи, требуют новых форм и условий своего опредмечивания.

Успешная реализация в практике теоретических знаний обеспечивается лишь в том случае, когда люди убеждены в истинности тех знаний, которые они собираются применить в жизни. Без превращения идеи в личное убеждение, веру человека невозможна практическая реализация теоретических идей.

Вненаучное знание

В современной философско-методологической литературе все активнее «вводятся в оборот» различные формы вненаучного знания, исследуются их особенности и взаимоотношения с научным познанием, предполагаются различные классификации вненаучного знания. Одну из интересных и содержательных классификаций форм вненаучного знания предложили Т.Г. Лешкевич и Л.А. Мирская. Они выделяют следующие его формы:

- ненаучное, понимаемое как разрозненное, несистематизированное знание, которое не формализуется и не описывается законами, находится в противоречии с существующей научной картиной мира;
- донаучное, выступающее прототипом, предпосылочной базой научного;
- паранаучное как несовместимое с имеющимся гносеологическим стандартом. Широкий класс паранормального (от греч. *para* — около, при) знания включает в себя учение о тайных природных и психических силах и отношениях, скрывающихся за обычными явлениями;
- лженаучное как сознательно эксплуатирующее домыслы и предрассудки. Лженаука представляет собой ошибочное знание;
- квазинаучное знание ищет себе сторонников и приверженцев, опираясь на методы насилия и принуждения. Оно, как правило, расцветает в условиях строго иерархизированной науки, где невозможна критика власть предержащих, где жестко проявлен идеологический режим;
- антинаучное как утопичное и сознательно искажающее представления о действительности. Приставка анти- обращает внимание

на то, что предмет и способы исследования противоположны науке. Это как бы подход с «противоположным знаком»;

- псевдонаучное знание представляет собой интеллектуальную активность, спекулирующую на совокупности популярных теорий, например, истории о древних астронавтах, о снежном человеке, о чудовище из озера Лох-Несс.

Развивая и конкретизируя эту свою классификацию, названные авторы в сфере внерационального, вненаучного знания выделяют три основных вида познавательных феноменов: паранормальное знание, псевдонауку и девиантную науку.

Паранормальное знание включает в себя учение о тайных природных и психических силах и отношениях, скрывающихся за обычными явлениями (например, мистика, спиритизм, телепатия, ясновидение, психокинез). Для псевдонаучного знания характерна сенсационность тем, признание тайн и загадок, а также умелая обработка «фактов». Его отличительные признаки — рассказ историй («объяснение через сценарий») и безошибочность. Термин «девиантное» означает отклоняющуюся от принятых и устоявшихся стандартов познавательную деятельность. При чем сравнение происходит не с ориентацией на эталон и образец, а в сопоставлении с нормами, разделяемыми большинством членов научного сообщества.

В последние годы, особенно в связи с кризисными явлениями мировой цивилизации начала XXI в., растет интерес к *эзотеризму* как одному из вненаучных способов духовного освоения мира. Для него характерны закрытость содержания от «непосвященных», способность приобщения своих сторонников к трансцендентным тайнам мироздания, сложная символизация и ритуализация функционирования общества в обществе. К эзотерическим учениям обычно относят гностицизм, теософию, антропософию, парапсихологию, магию, алхимию, астрологию.

Эзотеризм может представлять либо как самостоятельное формообразование, либо как элемент других форм освоения действительности (религиозной, художественной и др. — и даже научной), с которыми эзотеризм постоянно взаимодействует. Заполняя определенный зазор (нишу, лагуну) между наукой и религиозным познанием, эзотеризм предлагает свое специфическое решение проблем, не требуя при этом ни рациональных доказательств, ни ссылок на Священное Писание, ни обращения к откровению, а лишь призывая внимать «голосу тайны».

Думается, не лишены основания утверждения о том, что если постоянно указывать на опасность и беды, которые несут теософия, оккультизм, астрология и т. п., то от этого ничего не выигрывают ни наука, ни культура, ни общество в целом. Нужно стремиться к диалогу между всеми формами культуры, всеми способами освоения человеком мира, изучая особенности и возможности каждого из них. Афоризм П. Фейерабенда «все дозволено» очень точно выражает это стремление.

Рекомендуемая литература

1. Айзенк Г., Сарджен Г. Н. Объяснимое необъяснимого. Тайны паранормальных явлений. — М., 2001.
2. Введение в философию: В 2 ч. Ч. 2. — М., 1989. — Гл. 13.
3. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. — М., 1980.
4. Знание за пределами науки. — М., 1996.
5. Ильенков Э.В. Философия и культура. — М., 1991. Разд. 1, 4.
6. Ильин В.В., Калинин А.Г. Природа науки. — М., 1985.
7. Косарева Л.М. Предмет науки: социально-философский аспект проблемы. — М., 1977.
8. Наука в зеркале философии XX века. — М., 1988.
9. Научное познание как деятельность. — М., 1988.
10. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. — М., 1994.
11. Филатов В.П. Научное познание и мир человека. — М., 1989.
12. Философия : учеб. пособие для вузов / под ред. В.П. Кохановского. — Ростов н/Д, 2011. — Гл. X.

Методы научного познания

Метод и методология

Метод (греч. *methodos* — путь к чему-либо) — это в самом широком смысле слова *способ деятельности субъекта в любой ее форме*. Понятие «методология» имеет два основных значения:

- система определенных правил, принципов, приемов и операций, применяемых в той или иной сфере деятельности (в науке, политике, искусстве и т.п.);
- учение об этой системе, общая теория метода.

Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь (т.е. метод) должны быть истинными. Основная функция метода — внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования объекта.

Проблема метода ставилась и обсуждалась в философии и науке с давних пор. Ф. Бэкон сравнивал метод со светильником, освещающим путнику дорогу в темноте, и полагал, что нельзя рассчитывать на успех в изучении какого-либо вопроса, идя ложным путем. Р. Декарт методом называл «точные и простые правила», соблюдение которых способствует приращению знания, позволяет отличить ложное от истинного. Он говорил, что уж лучше вовсе не помышлять об отыскании каких бы то ни было истин, чем делать это безо всякого метода.

Большой вклад в разработку проблемы метода внес Гегель, который считал, что метод — это орудие, стоящее на стороне субъекта, средство, через которое он соотносится с объектом познания. Гегель, «угадав в диалектике понятий диалектику вещей», систематически и глубоко разработал диалектический метод, но на идеалистической основе.

Значительное место проблемы методологии занимают в диалектико-материалистической философии, основы кото-

рой были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом. Соединение материализма и диалектики в единое, целостное учение позволило выяснить, что понятие методологии охватывает не только и не столько познавательную деятельность (и лишь в ее научной форме), хотя здесь методологические проблемы очень важны. Этот новый подход к методологии позволил существенно расширить сферу последней, вследствие чего данное понятие стало охватывать всю систему многообразных способов и приемов человеческой деятельности — прежде всего материальной (практики).

Проблемы научного метода активно разрабатываются в современной западной философии и методологии науки. Так, в рамках такого направления, как критический рационализм, в центре которого — развитие знания, значительное влияние приобрели понятия «нормальной науки», парадигмы, научных революций Куна, модель роста научного знания Поппера, концепция научно-исследовательских программ Лакатоса и т.п. Специфика социальной методологии обстоятельно исследуется в современной герменевтике — теории интерпретации текстов и своеобразной философской концепции (Х. Гадамер, П. Рикер и др.).

Таким образом, *метод (в той или иной своей форме) сводится к совокупности определенных правил, приемов, способов, норм познания и действия.* Он есть система предписаний, принципов, требований, которые ориентируют субъекта в решении конкретной задачи, достижении определенного результата в данной сфере деятельности. Он дисциплинирует поиск истины, позволяет (если правильный) экономить силы и время, двигаться к цели кратчайшим путем.

Однако недопустимо впасть в крайности:

- недооценивать или отвергать роль метода и методологических проблем («методологический негативизм»);
- преувеличивать, абсолютизировать значение метода, превращать его в некую «универсальную отмычку» ко всему и вся, в простой и доступный инструмент научного открытия («методологическая эйфория»).

Любой научный метод разрабатывается на основе определенной теории, которая тем самым выступает его необходимой предпосылкой. Эффективность, сила каждого метода обусловлена содержательностью, глубиной, фундаментальностью теории,

которая «сжимается в метод». В свою очередь, «метод расширяется в систему», т.е. используется для дальнейшего углубления и развертывания знания, его материализации в практике.

Теория, отражая действительность, преобразуется, трансформируется в метод посредством разработки, формулирования вытекающих из нее принципов, правил, приемов и т.п., которые возвращаются в теорию (а через нее — в практику), ибо субъект может применять их в качестве регулятивов в ходе познания и изменения окружающего мира по его собственным законам.

В научном познании истинным должен быть не только его конечный результат (совокупность знаний), но и ведущий к нему путь, т.е. метод, постигающий и удерживающий специфику именно данного предмета. Поэтому *нельзя разводить предмет и метод*, видеть в последнем только внешнее, независимое средство по отношению к предмету и лишь налагаемое на него чисто внешним образом.

Метод любого уровня общности имеет не только теоретический, но и практический характер: он возникает из реального жизненного процесса и снова уходит в него. Метод не может быть дан весь, целиком до начала всякого исследования, но в значительной мере должен формироваться каждый раз заново в соответствии со спецификой предмета.

Метод не навязывается предмету познания или действия, а изменяется в соответствии с их спецификой. Научное исследование предполагает тщательное знание фактов и других данных, относящихся к его предмету. Оно осуществляется как движение в определенном материале, изучение его особенностей, форм развития, связей, отношений и т.п. Итак, *истинность метода всегда обусловлена содержанием предмета (объекта) исследования*.

Метод не есть совокупность умозрительных, субъективистских приемов, правил, процедур, вырабатываемых независимо от материальной действительности, практики, вне и помимо объективных законов ее развития. Поэтому необходимо искать происхождение метода не в головах людей, не в сознании, а в практике, в материальной действительности. Но в последней — как бы тщательно ни искали — мы не найдем никаких методов, а отыщем лишь объективные законы природы и общества.

Таким образом, *метод существует, развивается только в сложной диалектике субъективного и объективного при определяющей роли последнего*. В этом смысле любой метод прежде всего объективен, содержателен, фактичен. Вместе с тем он одновременно субъективен, но не как чистый произвол, «безбрежная субъективность», а как продолжение и завершение объективности, из которой он вырастает.

Субъективная сторона метода выражается не только в том, что на основе объективной стороны (познанные закономерности реальной действительности) формулируются определенные принципы, правила, регулятивы. Каждый метод субъективен и в том смысле, что его носителем является конкретный индивид, субъект, для которого, собственно говоря, данный метод и предназначен. В свое время Гегель справедливо подчеркивал, что метод есть «орудие», некоторое стоящее на стороне субъекта средство, через которое он соотносится с объектом. В этом вопросе Гегелю вторил и Фейербах, утверждавший, что именно «человек — центр всей методологии».

Классификация методов и уровни методологии

Многообразие видов человеческой деятельности обуславливает многообразный спектр методов, которые могут быть классифицированы по самым различным основаниям (критериям). Прежде всего следует выделить методы духовной, идеальной (в том числе научной) и методы практической, материальной деятельности. В настоящее время стало очевидным, что система методов, *методология не может быть ограничена лишь сферой научного познания*, она должна выходить за ее пределы и непременно включать в свою орбиту и сферу практики. При этом необходимо иметь в виду тесное взаимодействие этих двух сфер.

Что касается методов науки, то оснований их деления на группы может быть несколько. Так, в зависимости от роли и места в процессе научного познания можно выделить методы формальные и содержательные, эмпирические и теоретические, методы исследования и изложения и т.п. Содержание изучаемых наукой объектов служит критерием для различия методов естествознания и методов общественных наук. В свою очередь,

методы естественных наук могут быть подразделены на методы изучения неживой природы и методы изучения живой природы. Выделяют также качественные и количественные методы, методы непосредственного и опосредственного познания, оригинальные и производные и т. п.

В современной науке достаточно успешно «работает» *многоуровневая концепция методологического знания*. В этом плане все методы научного познания по степени общности и сфере действия могут быть разделены на следующие основные группы.

I. *Философские методы*, среди которых важную роль играет диалектика (ее основные особенности и отличия от метафизического метода будут рассмотрены ниже).

II. *Общенаучные подходы и методы исследования, которые получили широкое развитие и применение в современной науке*.

III. *Частно-научные методы*, т.е. совокупность способов, принципов познания, исследовательских приемов и процедур, применяемых в той или иной отрасли науки, соответствующей данной основной форме движения материи. Это методы механики, физики, химии, биологии и гуманитарных (социальных) наук.

IV. *Дисциплинарные методы*, т.е. системы приемов, применяемых в той или иной дисциплине, входящей в какую-нибудь отрасль науки или возникшей на стыках наук. Каждая фундаментальная наука представляет собой комплекс дисциплин, которые имеют свой специфический предмет и свои своеобразные методы исследования.

V. *Методы междисциплинарного исследования как совокупность ряда синтетических, интегративных способов (возникших как результат сочетания элементов различных уровней методологии), нацеленных главным образом на стыки научных дисциплин*.

Таким образом, *в научном познании функционирует сложная, динамичная, целостная, субординированная система многообразных методов разных уровней, сфер действия, направленности и т.п., которые всегда реализуются с учетом конкретных условий*. Наиболее универсальными методами, применяемыми как в познании, так и в практике, являются философские методы — например диалектический и метафизический.

Роль философии в научном познании

Говоря о роли философии (независимо от ее формы) в научном познании, следует указать на две крайние модели, которые сложились в решении этого очень сложного вопроса:

I. *Умозрительно-философский подход* (натурфилософия, философия истории и т.п.), суть которого — прямое выведение исходных принципов научных теорий непосредственно из философских принципов, помимо анализа специального материала данной науки. Такой подход был характерен для концепции Шеллинга и Гегеля.

II. *Позитивизм*, согласно которому «наука сама себе философия». Роль философии в частнонаучном познании либо абсолютизируется, либо принижается или даже вовсе отвергается. И хотя в обоих случаях были достигнуты определенные позитивные результаты, однако указанная проблема не была решена.

История познания и самой философии показывает, что *ее воздействие на процесс развития науки и ее результаты выражаются в следующих моментах:*

1. *Интегративная (синтетическая) функция философии* — системное, целостное обобщение, синтез (объединение) разнообразных форм познания, практики, культуры — всего опыта человечества в целом. Философское обобщение — это не просто механическое, эклектическое соединение частных проявлений этого опыта, а качественно новое, всеобщее и универсальное знание.
2. *Критическая функция философии*, которая в этой своей функции нацелена на все сферы человеческой деятельности. При этом критика должна быть конструктивной «с удержанием в старом положительного», предлагающей новые решения, а не тотально отрицающей все и вся. При этой критике мысль должна быть тесно связана и перерастать в критику социальной действительности. Отсутствие конструктивно-критического подхода неизбежно оборачивается апологетикой — предвзятой защитой, безудержным восхвалением чего-либо вместо объективного анализа.
3. *Философия разрабатывает определенные модели реальности*, сквозь призму которых ученый смотрит на свой предмет исследования. Философия дает наиболее общую картину мира в его универсально-объективных характеристиках, представля-

- ет материальную действительность в единстве всех ее атрибутов, форм движения и фундаментальных законов.
4. *Философия вооружает исследователя знанием общих закономерностей самого познавательного процесса* в его целостности и развитии, в единстве всех его уровней, моментов, сторон, форм и т.п., чем специально и непосредственно не занимается ни одна частная наука или научная дисциплина. Кроме того, философия поставляет ученому конкретно-историческую сетку логических понятий и т.п., с помощью которых строит концептуальные модели реальности или самого познания.
 5. *Философия дает науке наиболее общие методологические принципы*, формулируемые на основе определенных категорий. Принципы философии реально функционируют в науке в виде всеобщих регулятивов, универсальных норм, образующих в своей совокупности методологическую программу самого верхнего уровня.
 6. *От философии ученый получает определенные мировоззренческие ценностные установки и смысложизненные ориентиры*, которые иногда в значительной степени (особенно в гуманитарных науках) влияют на процесс научного исследования и его конечные результаты.
 7. Существенное влияние на развитие научного познания философия оказывает своей *«умозрительно прогнозирующей» функцией*. Речь идет о том, что в рамках философии вырабатываются идеи, принципы, представления и т.п., значимость которых обнаруживается лишь на будущих этапах эволюции познания через сотни, а то и через тысячи лет. Таковы, в частности, были идеи античной атомистики, гегелевский аппарат диалектики, предвосхитивший определенные положения синергетики.
 8. Философия влияет на научное познание так или иначе на всех его стадиях, но в наивысшей мере *при построении теорий (особенно фундаментальных)*. Это наиболее активно происходит в периоды крутой ломки понятий и принципов в ходе научных революций. Очевидно, указанное влияние может быть как позитивным, так и негативным в зависимости от того, какой философией — «хорошей» или «плохой» — руководствуется ученый и какие именно философские принципы он использует. Влияние философии на процесс специально-научного исследования и построение научной теории заключается, в частности, в том, что ее принципы при переходе от умозрительного к фун-

даментальному теоретическому исследованию выполняют свою образную *селективную (отборочную) функцию*.

9. Философско-методологические принципы в их единстве выполняют в ряде случаев *функции вспомогательного, производного от практики критерия истины*. Они не заменяют практику как решающий критерий, но дополняют ее, особенно когда обращение к ней в силу ряда обстоятельств невозможно, а порой нецелесообразно.

Воздействие всеобщих философских принципов на процесс научного исследования всегда осуществляется не прямо и непосредственно, а сложным опосредованным путем — через методы, формы и концепции нижележащих методологических уровней.

Философские методы не всегда дают о себе знать в процессе исследования в явном виде, они могут учитываться и применяться либо стихийно, либо сознательно. Но в любой науке есть элементы всеобщего значения (например, законы, категории, понятия, причины и т.д.), которые и делают всякую науку «прикладной логикой».

Реализация философских принципов в научном познании означает вместе с тем их переосмысление, углубление, развитие. Тем самым путь реализации функций философии есть не только способ решения фундаментальных проблем развития науки, но и способ развития самой философии, всех ее идей, воззрений и методологических принципов.

Диалектика как философский метод

Диалектика (греч. dialektike — веду беседу, спор) — учение о наиболее общих законах развития природы, общества и познания и основанный на этом учении универсальный метод мышления и действия. В истории философии сложились три основные формы диалектики:

1. Античная диалектика, которая была «наивной и стихийной», поскольку опиралась на житейский опыт. Представлена в учениях Гераклита (который утверждал, что «все течет, все изменяется»), Платона (который понимал диалектику как искусство диалога), Зенона (который пытался выразить реальные противоречия в логике понятий), Аристотеля (который исследовал «текущие» логические категории) и в некоторых других.

2. Немецкая идеалистическая диалектика, которая была разработана Кантом, Фихте, Шеллингом и особенно глубоко Гегелем в его работе «Наука логики». Он дал анализ важнейших законов и категорий диалектики, обосновал положение о единстве диалектики, логики и теории познания, сформулировал основные принципы диалектического метода, ввел идею развития в понимание всех явлений действительности.
3. Материалистическая диалектика, основы которой были заложены Марксом и Энгельсом с включением в эту форму диалектики всего позитивного содержания, которое было накоплено предшествующим развитием философии и науки.

Элементы диалектики содержатся в концепциях, принадлежащих разным (в том числе и противоположным) философским направлениям. Так, в современной западной философии диалектические тенденции характерны в особенности для таких течений, как неогегельянство и герменевтика, а также для Франкфуртской школы.

Материалистическая диалектика представляет собой самое полное, всестороннее, богатое по содержанию и глубокое *учение о развитии*. Последнее есть бесконечный, поступательный, противоречивый скачкообразный процесс, в котором в целом доминирует восхождение от низшего к высшему, от простого к сложному. Главной характерной чертой развития является исчезновение старого, отжившего и возникновение нового, прогрессивного.

Если в объективном мире происходит постоянное развитие, возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы явлений, то понятия, категории и другие формы мышления должны быть гибки, подвижны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, чтобы правильно отразить развивающуюся реальную действительность.

Поэтому важнейшим принципом диалектики является *рассмотрение предмета в его развитии, самодвижении, изменении*. Исторический подход к данному предмету включает в себя анализ его возникновения, основных этапов и тенденций его развития. Принцип историцизма особенно широко применяется в геологии, биологии, астрономии и гуманитарных науках.

Окружающий нас мир представляет собой единое целое, определенную систему, где каждый предмет неразрывно связан с другими предметами и все они постоянно взаимодействуют друг с другом. При этом любой из них не только находится во взаимосвязи и взаимодействии с другими, внешними явлениями, но од-

новременно каждая вещь имеет в себе бесчисленное количество внутренних сторон, моментов, отношений, связей и т.п. Всеобщая связь и взаимосвязь явлений имеют место не только в природе и обществе, но и в мышлении, где связь и взаимообусловленность форм мышления (понятий, категорий, теорий и т.д.) являются отражением всеобщей связи и взаимообусловленности явлений объективного мира.

Из положения о всеобщей связи и взаимозависимости всех явлений вытекает один из основных принципов материалистической диалектики — *всесторонность рассмотрения*. Правильное понимание какой-либо вещи возможно лишь в том случае, если исследована вся совокупность ее внутренних и внешних сторон, связей, отношений и т.д. Чтобы действительно познать предмет глубоко и всесторонне, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и опосредствования в их системе, с вычлениением главной, решающей стороны. Так, общество есть сложная органическая система многообразных сфер, сторон, отношений и т.п., но главная его сторона, решающая сфера, определяющая все другие его элементы и связи, — это материальная сторона, экономическая (производственная) сфера.

Кроме историцизма и всесторонности диалектический метод включает в себя и другие принципы — объективность, конкретность, детерминизм, «раздвоение единого» (принцип противоречия) и др. Они формулируются на основе соответствующих законов и категорий, в своей совокупности отражающих единство, целостность объективного мира в его непрерывном развитии.

Категории диалектики — это такие понятия (формы мышления), которые отражают наиболее общие и существенные свойства, стороны, связи и отношения реальной действительности и познания. Философские категории — это итог, результат исторического развития последнего на основе чувственно-материальной деятельности людей (общественной практики).

Основные категории материалистической диалектики — материя, сознание, движение, развитие, время, пространство, качество и количество, противоречие, причина и следствие, необходимость и случайность, содержание и форма и другие — являются предельно общими и применимы поэтому ко всем без исключения явлениям действительности. Категории диалектики, будучи отражением реального мира в сознании человека, имеют объективный характер, т.е. не являются плодом его выдумки, фантазии, а отражают то, что существует в природе и обществе, независимо от воли и сознания

людей. Они являются не «пособием для человека», а выражением всеобщих закономерностей природы и общества. Объект всех категорий один — реальный мир. Различные философские категории позволяют увидеть его каждый раз с новой стороны, представляют собой своеобразные его срезы.

Вместе с тем категории субъективны в том смысле, что они при-сущи только человеку и представляют собой ступени выделения человека из природы, т.е. ступени познания мира. Так, сначала — и исторически и логически — люди познают свойства и качества реальных предметов, затем фиксируют их количественные характеристики и только на более поздней ступени познания осознают единство качества и количества, т.е. меру.

Поскольку в окружающем нас мире все явления взаимосвязаны, изменяются, развиваются, то и *категории диалектики неразрывно связаны между собой*, представляют целостную динамическую систему. Она не является замкнутой, неизменной, это открытая, гибкая, развивающаяся органическая система. В процессе все более полного и глубокого отражения объективной действительности происходит как обогащение содержания давно известных категорий (таких, например, как «качество», «движение», «развитие», «противоречие» и др.), так и возникновение новых («система», «структура», «элемент» и т.д.).

Таким образом, категории материалистической диалектики в их развивающейся системе имеют, во-первых, онтологическое значение, поскольку являются отражением связей и отношений объективной действительности в ее целостности и развитии, выражают ее всеобщие закономерности; во-вторых, гносеологическое значение, поскольку являются ступенями процесса познания, дают его самую общую картину; в-третьих, логическое значение, поскольку являются формами мышления; в-четвертых, методологическое значение, поскольку являются способом движения мысли от незнания к знанию, от менее глубокого знания к более глубокому и полному; в-пятых, мировоззренческое значение, поскольку в них выражена определенная система взглядов на мир, которая соответствующим образом ориентирует людей в их жизни; в-шестых, практически-действенное значение, поскольку, взятые в их системе, категории диалектики есть в своей сущности всеобщие принципы, универсальные регулятивы не только познания, но и изменения мира.

По поводу последнего пункта надо подчеркнуть следующее: вырастая из активного изменения людьми действительности, диа-

лектика — при определенных условиях — возвращается в практику, *может служить методом социальных преобразований*, системой всеобщих ориентиров общественной практики. С помощью диалектики невозможно прямо и непосредственно решить ни одной даже самой простой научной или практической проблемы. Поэтому нельзя допускать топорного практицизма — слишком упрощенного, прямолинейного, вульгарного понимания связи философии с жизнью, требовать от диалектики непосредственного решения тех или иных конкретных вопросов социальной практики. Не менее опасна и другая крайность — антипрактицизм, сторонники которого доказывают, что философия в силу своей «высокоабстрактной специфики» будто бы не должна ни при каких условиях выходить к общественной практике и не может оказывать никакого воздействия на жизнедеятельность людей.

Связи и взаимодействие определенных философских категорий выступают как законы диалектики, главным из которых является закон *единства и борьбы противоположностей*, вскрывающий самое основное в развитии — его источник, каким выступает противоречие (взаимосвязь противоположностей).

Противоположности — это такие стороны, моменты, предметы, которые одновременно:

- неразрывно связаны;
- взаимоисключают друг друга, причем не только в разных, но и в одном и том же отношении;
- взаимопроникают и — при определенных условиях — переходят друг в друга.

К числу противоположных можно отнести, например, такие явления и процессы, как положительное и отрицательное, интегрирование и дифференцирование (в математике), ассимиляцию и диссимиляцию (в химии и психологии), прогресс и регресс, материальное и идеальное и т.п.

Кратко суть рассматриваемого закона может быть выражена формулой: «Разделение на противоположности, их борьба и разрешение». Тем самым развитие предстает как процесс возникновения, роста, обострения и разрешения многообразных противоречий, среди которых главную, определяющую роль играют внутренние противоречия данного предмета или процесса. Именно они и выступают в качестве решающего источника их развития.

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений вскрывает механизм развития: постепенное накопление

количественных изменений в определенный момент необходимо приводит к коренным качественным преобразованиям (скачкам), к возникновению нового качества, которое в свою очередь оказывает обратное влияние на характер и темпы количественных изменений. Таковы, например, переходы воды из одного агрегатного состояния в другое в зависимости от изменения температуры, давления и других факторов, превращения одних химических элементов в другие в зависимости от изменения величины заряда ядра атома и т.п.

Закон отрицания отрицания выражает поступательный, циклический, преемственный характер развития и его форму: спираль (а не круг или прямую линию), повторения на высшей стадии некоторых свойств низшей, «возврат якобы к старому». При этом развитие предстает как процесс, как бы повторяющий пройденное, но на более высокой ступени.

Примеры циклического развития: знаменитое «ячменное зерно» (зерно — растение — новые зерна); тезис (утверждение) — антитезис (его диалектическое отрицание, а не полное отбрасывание) — синтез (единство тезиса и антитезиса); теория — практика — новая теория и т. п. Каждый цикл выступает как виток в развитии, а спираль — как цепь циклов. Действие данного закона обнаруживается не в каждый момент, а лишь в целостном, относительно завершенном процессе развития.

Все элементы диалектики (т.е. принципы, законы и категории) не только не отражают существенные всеобщие закономерные связи действительности, но и в своей совокупности представляют собой *метод ее познания и преобразования*. Будучи всеобщей методологической основой познания и практики, система элементов диалектики постоянно углубляет и обогащает свое содержание в ходе развития всей материальной и духовной культуры.

Метафизика как антипод диалектики

Термин «метафизика» (букв. «то, что следует после физики») был введен в I в. до н. э. комментатором Аристотеля Андроником Родосским. Систематизируя произведения великого древнегреческого мыслителя, он расположил после физики те из них, в которых шла речь об общих вопросах бытия и познания, о «первой

философии» (о сущности, причинах и т.д.) в отличие от «второй философии» — частнонаучного знания.

В современном общественном знании понятие «метафизика» имеет три основных значения:

1. *Философия как наука о всеобщем*, исходным прообразом которой и было учение Аристотеля о «первых родах сущего». В этом значении, например, употреблял понятие «метафизика» крупный немецкий философ XX в. М. Хайдеггер, который рассматривал ее как «род познания, имеющий предмет сущее в целом». Ее основные категории — это предельные понятия, «охватывающие» одновременно и объект, и субъект познания.

2. *Особая философская наука — онтология*, учение о бытии как таковом, независимо от его частных видов и в отвлечении от вопросов теории и логики познания. В этом значении данное понятие употреблялось как в прошлом (Декарт, Лейбниц, Спиноза и др.), так и в настоящем. Так, представители современной западной философии науки (Агасси и др.) задачу метафизики видят в создании картины мира, тех или иных моделей реальности, онтологических схем и т.п. на основании обобщения частнонаучного знания.

3. *Философский способ познания (мышления) и действия*, противостоящий диалектическому методу как своему антиподу. Именно об этом аспекте понятия «мета физика» (антидиалектика) ниже будет идти речь. Самая характерная, существенная черта метафизики — односторонность, абсолютизация одной (безразлично какой именно) стороны живого процесса познания, или шире — того или иного элемента целого, момента деятельности в любой ее форме.

Метафизика (как и диалектика) никогда не была чем-то раз и навсегда данным, она изменялась, выступала в различных исторических формах, среди которых можно выделить две основные.

Старая метафизика была характерна для философии и науки в XVII–XIX вв. (метафизический материализм, натурфилософия, философия истории и т.д.). Специфика этой формы метафизики — отрицание всеобщей связи и развития, отсутствие целостного системного взгляда на мир, мышление по принципу «или — или», убеждение в окончательной завершенности всех мировых связей.

Старый метафизический способ мышления имел объективную основу своего появления — необходимость объяснения частных, отдельных элементов (сторон) целого, для чего эти стороны должны быть вырваны (мысленно, конечно) из целого и рассмотрены в изоляции

от других сторон, вне связи с ними и вне развития. Данный способ правомерен и необходим в житейских делах, на уровне здравого смысла и рассудка — везде, где не требуется брать предмет в развитии и во всех его связях и отношениях. Поэтому «великое историческое оправдание» данной формы метафизики было обусловлено необходимостью исследования предметов в их неизменности, устойчивости, чтобы затем перейти (а не застревать на этом моменте) к систематическому познанию происходящих с ними изменений, к анализу их как целостных развивающихся систем, к выявлению источников и механизмов их развития.

Укрепление на рубеже XIX–XX вв. под напором фактов идеи развития и ее широкое распространение, проходившее в острой борьбе со старой метафизикой, привело к двум важным результатам: появилась новая важная форма диалектического мышления — материалистическая диалектика; на обломках показавшей свою полную несостоятельность перед лицом строго научных фактов старой метафизики возникла новая метафизика, ставшая господствующей в XX в.

Новая метафизика в отличие от старой не отвергает ни всеобщую связь явлений, ни их развитие, — это было бы абсурдно в эпоху громадных достижений науки и общественной практики. Особенность антидиалектики в новой форме — сосредоточение ее усилий на поисках различных вариантов истолкования, интерпретации развития.

Последнее здесь может пониматься следующим образом: как простой, всеобщий и вечный рост, увеличение или, наоборот, уменьшение (так называемый «плоский эволюционизм»), т.е. как только количественные изменения; как только качественные изменения, цепь сплошных скачков («катастрофизм»); как повторение, монотонный процесс, имеющий строго линейную направленность («развитие по прямой линии»); как вечное движение по кругу, без возникновения нового (концепции «круговорота»); как движение, из которого при этом изымается его сущность — противоречие; как только прогресс, т.е. как восхождение от низшего к высшему, от простого к сложному. Возможны и другие, в том числе и смешанные, интерпретации развития, связи и взаимодействия.

Виды метафизики могут быть выделены по различным основаниям (критериям). Так, метафизическим, антидиалектическим может быть как метод познания, так и способ практической деятельности — бюрократизм, консерватизм, волюнтаризм и т.п. — любые односторонние действия.

Метафизический способ познания имеет целый ряд разновидностей, которые возникают в результате абсолютизации отдельных моментов, форм, этапов познавательного процесса. Ранее были уже названы некоторые из этих разновидностей — идеализм, сенсуализм, рационализм, эмпиризм, догматизм, релятивизм и др.

К ним следует добавить софистику и эклектику, которые зародились еще в Древней Греции и использовались для обоснования истинных рассуждений, бывших на самом деле заведомой ложью. Так, приведем знаменитый античный софизм: «Что ты не терял, то имеешь; ты не терял рога, значит, у тебя рога». Софистика и эклектика являются, пожалуй, наиболее коварными и хитрыми разновидностями антидиалектического способа мышления. Они и сегодня широко используются для доказательства неверных выводов и обоснования несправедливых дел, особенно в сфере политики.

Сущность софистики и эклектики заключается в том, что изменчивость, гибкость понятий они применяют не объективно (т.е. не как адекватное отражение развивающейся действительности), а произвольно, чисто субъективистски. Их главная цель — искажение истины (как правило, сознательное, преднамеренное), извращенное представление действительности, стремление выдать ложь за истину. Это достигается с помощью системы специфических приемов и условий, основанных на нарушении принципов формальной логики и диалектики.

Основное *различие софистики и эклектики* при всем их сходстве состоит в том, что характерными приемами последней являются субъективистское выхватывание лишь отдельных сторон предмета (или мыслей, взглядов, фактов и т.п.) и их произвольное механическое соединение чисто внешним образом. Результатом этой процедуры является агрегат, хаотическое множество, а не целостная, развивающаяся система в единстве всех своих сторон и связей. Именно так действовала Агафья Тихоновна из пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба». Пытаясь «смонтировать» наилучшего (из всех возможных) жениха, она от каждого из претендентов хотела взять что-то одно.

Итак, софистика и эклектика хотя и признают гибкость, диалектичность понятий (что является, несомненно, их важным рациональным моментом), но вследствие своего произвола и субъективизма не доходят до реальной диалектики объективной действительности.

Общенаучная методология

Общенаучные подходы и методы исследования, которые получили широкое развитие и применение в науке XX в., выступают в качестве своеобразной промежуточной методологии между философией и фундаментальными теоретико-методологическими положениями специальных наук. К общенаучным чаще всего относятся такие понятия, как «информация», «модель», «изоморфизм», «структура», «функция», «система», «элемент», «оптимальность», «вероятность» и др.

Характерными чертами общенаучных понятий являются, во-первых, сплавленность в их содержании отдельных свойств, признаков, понятий ряда частных наук и философских категорий. Во-вторых, возможность (в отличие от последних) их формализации, уточнения математической теории.

Если философская категория воплощает в себе предельно возможную степень общности — конкретно-всеобщее, т.е. закон, то для общенаучных понятий присуще большей частью абстрактно-общее (одинаковое), что позволяет выразить их абстрактно-формальными средствами.

На основе общенаучных понятий и концепций формулируются соответствующие методы и принципы познания, которые и обеспечивают связь и оптимальное взаимодействие философии со специально-научным знанием и его методами. К числу общенаучных принципов и подходов относятся системный и структурно-функциональный, кибернетический, вероятностный, моделирование, формализация, вероятностно-статистические методы и др.

Особенно бурно в последнее время развивается такая общенаучная дисциплина, как синергетика — теория самоорганизации и развития открытых целостных систем любого происхождения — природных, социальных, когнитивных (познавательных). Основные понятия синергетики — «порядок», «хаос», «нелинейность», «неопределенность», «нестабильность», «диссипативные структуры», «бифуркация» и др.

Синергетические понятия тесно связаны и переплетаются с рядом философских категорий, особенно таких, как «бытие», «развитие», «становление», «время», «целое», «случайность», «возможность» и др.

В структуре общенаучных методов и приемов чаще всего выделяют три уровня:

- методы эмпирического исследования;
- методы теоретического познания;
- общелогические методы и приемы исследования.

Рассмотрим кратко суть этих методов, приемов и операций.

Методы эмпирического исследования:

1. *Наблюдение* — целенаправленное пассивное изучение предметов, опирающееся в основном на данные органов чувств.
2. *Эксперимент* — активное и целенаправленное вмешательство в протекание изучаемого процесса, соответствующее изменение объекта или его воспроизведение в специально созданных и контролируемых условиях.
3. *Сравнение* — познавательная операция, выявляющая сходство или различие объектов (либо ступеней развития одного и того же объекта).
4. *Описание* — познавательная операция, состоящая в фиксации результатов опыта (наблюдения или эксперимента) с помощью определенных систем обозначения, принятых в науке.
5. *Измерение* — совокупность действий, выполняемых при помощи средств измерений с целью нахождения числового значения измеряемой величины в принятых единицах измерения.

Следует подчеркнуть, что методы эмпирического исследования никогда не реализуются «вслепую», а всегда «теоретически нагружены», направляются определенными концептуальными идеями.

Методы теоретического познания:

1. *Формализация* — отображение содержательного знания в знаково-символическом виде (формализованном языке). Последний создается для точного выражения мыслей с целью исключения возможности для неоднозначного понимания. При формализации рассуждения об объектах переносятся в плоскость оперирования со знаками (формулами).
2. *Аксиоматический метод* — способ построения научной теории, при котором в ее основу кладутся некоторые исходные положения — аксиомы (постулаты), из которых все остальные утверждения этой теории выводятся чисто логическим путем, посредством доказательства. Для вывода теорем из аксиом (и вообще одних формул из других) формулируются специальные правила вывода.
3. *Гипотетико-дедуктивный метод* — метод научного познания, сущность которого заключается в создании системы дедуктивно связанных между собой гипотез, из которых в конечном

счете выводятся утверждения об эмпирических фактах. Тем самым этот метод основан на выведении (дедукции) заключений из гипотез и других посылок, истинностное значение которых неизвестно. А это значит, что заключение, полученное на основе данного метода, неизбежно будет иметь лишь вероятностный характер.

4. *Восхождение от абстрактного к конкретному* — метод теоретического исследования и изложения, состоящий в движении научной мысли от исходной абстракции («начало» — одностороннее, неполное знание) через последовательные этапы углубления и расширения познания к результату — целостному воспроизведению в теории исследуемого предмета. В качестве своей предпосылки данный метод включает в себя восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному, к выделению в мышлении отдельных сторон предмета и их «закреплению» в соответствующих абстрактных определениях. Движение познания от чувственно-конкретного к абстрактному — это и есть движение от единичного к общему, здесь преобладают такие логические приемы, как анализ и индукция. Восхождение от абстрактного к мысленно-конкретному — процесс движения от отдельных общих абстракций к их единству, конкретно-всеобщему; здесь господствуют приемы синтеза и дедукции. Такое движение познания не какая-то формальная, техническая процедура, а диалектически противоречивое движение, отражающее противоречивое развитие самого предмета, его переход от одного уровня к другому в соответствии с разворачиванием его внутренних противоречий.

Общелогические методы и приемы исследования:

1. *Анализ* — реальное или мысленное разделение объекта на составные части и *синтез* — их объединение в единое органическое целое, а не в механический агрегат. Результат синтеза — совершенно новое образование.
2. *Абстрагирование* — процесс мысленного отвлечения от ряда свойств и отношений изучаемого явления с одновременным выделением интересующих исследователя свойств (прежде всего существенных, общих).
3. *Обобщение* — процесс установления общих свойств и признаков предмета, тесно связано с абстрагированием. При этом могут быть выделены любые признаки (абстрактно-общее) или существенные (конкретно-общее, закон).

4. *Идеализация* — мыслительная процедура, связанная с образованием абстрактных (идеализированных) объектов, принципиально не осуществимых в действительности («точка», «идеальный газ», «абсолютное тело» и т.п.). Данные объекты не есть «чистые фикции», а весьма сложное и очень опосредованное выражение реальных процессов. Они представляют собой некоторые предельные случаи последних, служат средством их анализа и построения теоретических представлений о них.
5. *Индукция* — движение мысли от единичного (опыта, фактов) к общему (их обобщению в выводах) и *дедукция* — восхождение процесса познания от общего к единичному. Это противоположные, взаимно дополняющие ходы мысли.
6. *Аналогия* (соответствие, сходство) — установление сходства в некоторых сторонах, свойствах и отношениях между нетождественными объектами. На основании выявленного сходства делается соответствующий вывод — умозаключение по аналогии. Его общая схема: объект В обладает признаками a, b, c, d ; объект С обладает признаками b, c, d ; следовательно, объект С, возможно, обладает признаком a . Тем самым аналогия дает не достоверное, а вероятное знание. При выводе по аналогии знание, полученное из рассмотрения какого-либо объекта («модели»), переносится на другой, менее изученный и менее доступный для исследования объект.
7. *Моделирование* — метод исследования определенных объектов путем воспроизведения их характеристик на другом объекте — модели, которая представляет собой аналог того или иного фрагмента действительности (вещного или мыслительного) — оригинала модели. Между моделью и объектом, интересующим исследователя, должно существовать известное подобие (сходство) — в физических характеристиках, структуре, функциях и др. Формы моделирования весьма разнообразны. Например, предметное (физическое) и знаковое. Важной формой последнего является математическое (компьютерное) моделирование.
8. *Системный подход* — совокупность общенаучных методологических принципов (требований), в основе которых лежит рассмотрение объектов как систем. К числу этих требований относятся: а) выявление зависимости каждого элемента от его места и функций в системе с учетом того, что свойства целого несводимы к сумме свойств его элементов; б) анализ того, насколько поведение систе-

мы обусловлено как особенностями ее отдельных элементов, так и свойствами ее структуры; в) исследование механизма взаимодействия системы и среды; г) изучение характера иерархичности, присущей данной системе; д) обеспечение всестороннего многоаспектного описания системы; е) рассмотрение системы как динамичной, развивающейся целостности.

9. *Вероятностно-статистические методы* основаны на учете действия множества случайных факторов, которые характеризуются устойчивой частотой. Это и позволяет вскрыть необходимость (закон), которая «пробивается» через совокупное действие множества случайностей. Названные методы опираются на теорию вероятностей, которую зачастую называют наукой о случайном.

Важная роль общенаучных подходов состоит в том, что в силу своего «промежуточного характера» они опосредствуют взаимопереход философского и частного научного знания (а также соответствующих методов).

Что касается социально-гуманитарных наук (истории, социологии, археологии, политологии, культурологии, социальной психологии и др.), то в них, кроме философских и общенаучных, применяются специфические средства, методы и операции, обусловленные особенностями предмета этих наук. В их числе: идиографический метод — описание индивидуальных особенностей единичных исторических фактов и событий; диалог («вопросно-ответный метод»); понимание; интроспекция (самонаблюдение); эмпатия (вчувствование) — восприятие внутреннего мира другого человека, проникновение в его переживания; тестирование; опросы и интервью; проективные методы; биографический и автобиографический методы; социальный эксперимент и социальное моделирование; ролевые и имитационные игры и ряд других.

Таким образом, *в научном познании функционирует сложная, динамичная, целостная, субординированная система многообразных методов разных уровней, сфер действия и т.п., которые всегда реализуются с учетом конкретных условий.*

Понимание и объяснение

Понимание — основная категория философской герменевтики, или теории и практики истолкования текстов. Понимание относится к процедурам функционирования научного знания.

Оно не тождественно познанию, объяснению, хотя они и связаны между собой.

Понимание связывается с осмыслением («сутью дела»), т.е. осмыслением того, что имеет для человека какой-либо смысл. Понимание как реальное овладение в смыслах, практическое овладение этими смыслами сопровождает всякую конструктивную познавательную деятельность.

Понимание выступает в двух ракурсах: как приобщение к смыслам человеческой деятельности и как смыслообразование. Понимание связано с погружением в мир смыслов другого человека, постижением и истолкованием его мыслей и переживаний. Этот процесс происходит в условиях общения, коммуникации и диалога.

Понимание неотделимо от самопонимания и происходит в стихии языка. Процедуру понимания не следует квалифицировать как чисто иррациональный акт, нельзя смешивать с «озарением», «инсайтом», интуицией, хотя все это есть в акте понимания.

Объяснение — важнейшая функция научного познания, цель которой — выявление сущности изучаемого предмета, подведение его под закон с выявлением причин и условий, источников его развития и механизмов их действия. Объяснение способствует уточнению и развитию знаний, которые использовались в качестве основания объяснения.

В современной методологии широкой известностью пользуется *дедуктивно-номологическая модель научного объяснения*, в которой объясняемое явление подводится под определенный закон. В качестве законов рассматриваются не только первичные, но и функциональные, структурные и другие виды регулярных и необходимых отношений.

В области социально-гуманитарных наук используется так называемое *рациональное объяснение*, когда при объяснении поступка некоторой исторической личности анализируются мотивы, которыми она руководствовалась, стремясь показать, что в свете этих мотивов поступок был рациональным.

Существует *телеологическое (интенциональное) объяснение*, которое указывает не на рациональность отсутствия, а на цель, которую преследует индивид, осуществляющий действие. Объяснение тесно связано с пониманием, о чем ранее шла речь.

Рекомендуемая литература

1. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Теория познания и диалектика. — М., 1991. Разд. 2.
2. *Бургин М.С., Кузнецов В.И.* Введение в современную точную методологию науки. — М., 1994.
3. Введение в философию: В 2 ч. Ч. 2. — М., 1989. Гл. 7, 8. § 4–5.
4. *Кохановский В.П.* Философия и методология науки. — Ростов н/Д, 1999.
5. *Кочергин А.Н.* Методы и формы научного познания. — М., 1990.
6. *Кравец А.С.* Методология науки. — Воронеж, 1991.
7. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. — М., 2001.
8. *Рузавин Г.И.* Методология научного исследования. — М., 1999.

Тематическая подборка издательства «КНОРУС»

Горелов А.А. Философия (для бакалавров) : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2012.

Гуревич П.С. Основы философии (для СПО) : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2011.

Канке В.А. Философия менеджмента : учебник. М. : КНОРУС, 2010.

Конотопов М.В. История и философия экономики : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010.

Кохановский В.П. Философия. Конспект лекций (конспект лекций) : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2013.

Фирсов М.В. Философия социальной работы (для бакалавров) : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2012.